

П-149

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

ПРИБАЛТИЙСКО-
-ФИНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ВОПРОСЫ
ГРАММАТИКИ
И
ЛЕКСИКОЛОГИИ

39

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1963

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

П Р И Б А Л Т И Й С К О -
Ф И Н С К О Е
Я З Ы К О З Н А Н И Е

В О П Р О С Ы
Г Р А М М А Т И К И
И
Л Е К С И К О Л О Г И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1963 · ЛЕНИНГРАД

В. И. ЛЫТКИН

К ВОПРОСУ О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ
В КОМИ-ЗЫРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Изучением прибалтийско-финских заимствований в коми языке занимаются сравнительно давно. История этого вопроса нами уже освещалась в работе „Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах“.¹ Укажем еще на несколько новых исследований, касающихся этой проблемы.

В рукописи „Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности“ (стр. 256—262)² А. С. Сидоров приводит 20 коми слов, которые он считает вепскими заимствованиями. Из этих 20 слов 4 (*agas* 'борона', *sabri* 'стог', *kožal* 'прялка', *karandis* 'ушат') уже фигурировали в печати.

Слова *sargi* 'полоска луби или бересты', *gaved* 'всякая тварь', *puga* 'полюй конец яйца', *suim* 'сутолока', *kurnik* 'рыбник', *taibola* 'волок' нужно считать заимствованными из русского языка.

Слова *lolgd* 'дерево со смолистыми прослойками' (сопоставляется с вепск. *lyly* 'крепкое смолистое дерево'), иж.³ *vaimini* 'закончиться' (вепск. *voumita* 'закончить'), *sorva* 'похлебка' (вепск. *sär-bin* 'похлебка'), *puđ-pas* 'родинка' (вепск. *mado* 'червь'), *sirjm* в выражении *sirjm iz värtli užis* 'спал как убитый, пальцем не шевельнул' (вепск. *sořm* 'палец') нельзя считать вепскими заимствованиями главным образом по соображениям фонетического характера.

Слова *villev* 'простокваша', *jaga voň* 'повязка на чулках',⁴ *partig-tini*, 'крутить веретено', *kerzeg* 'деревянная скоба на концах лодок',

¹ См.: „Академику Виктору Владимировичу Виноградову. К его шестидесятилетию“. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 179—189.

² Архив Коми филиала Академии наук СССР. Сыктывкар.

³ Список сокращений см. в конце сборника (стр. 112).

⁴ См. нашу статью: Einige ostseefinnische Lehnwörter in komi-syrjänischen Mundarten. „Ural-Altäische Jahrbücher“, XXXI, Wiesbaden, 1959, стр. 164—168, в которой рассматриваются следующие слова:

1) *vil-jel* 'простокваша' из вепск. *väll-maid* 'кислое молоко, простокваша'; из первой части вепского слова, обозначающего 'кислое', получилось коми *vil* 'новое' под влиянием народной этимологии; вторая же часть вепского слова *maid* 'молоко' переведена соответствующим коми словом *jev*;

2) *solanteg* вым. 'берестяная солонка в виде шкатулки' из предполагаемого вепск. **suolan-tuohi* 'берестянка [т. е. берестяная посуда] для соли' [ср. вепск. *solan* 'соли' (генитив), *tohi* 'береста'];

3) *ragal-* ив. луз. скр. 'лишиться сознания, упасть без сознания' из вепск. *raha* 'злой', лод. 'плохой';

4) *jaga: jaga voň* ив. ул. 'повязка на чулках (ниже колена)' из вепск. **jauga*, ср. вепск. *jaug*, кар. *jalga* 'нога';

5) *kega* ул. 'стог; суслон' из кар.-вепск. **kego*, ср. вепск. *kego*, кар. *kego*, финск. *keko* 'куча, копыта';

6) *varda* иж. 'решетка бороны, в которую заклинены зубья' из вепск.-кар. **varda*, ср. финск. *virtalo* 'туловище, стан; основа';

7) *gariž* ул. 'матица, балка, поддерживающая потолок', из вепск.-кар. **hariž*, ср. вепск. *hard* *harž*, финск. *harja* 'хребет, грива (у лошади); конек (у крыши)'.
1*

Ответственные редакторы:

канд. филолог. наук Г. Н. МАКАРОВ и М. И. МУЛЛОНЕН

пч2032

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

karta в значении 'дом' заслуживают внимания, хотя для установления заимствования А. С. Сидоров анализирует их недостаточно.

В: А. Сорвачева в неопубликованной статье „Некоторые особенности удорского диалекта коми языка“¹ делает сопоставление ряда коми слов со словами вепсского языка, считая эти слова вепскими заимствованиями. По ее мнению, заимствованиями из вепсского языка являются, например, следующие слова *kelkan* 'ручная льномялка' (сопоставляется с вепск. *kelik* 'орудие для обделки льна'), *nuta nut* 'невод с рыбой' (вепск. *not* 'невод'), *roga* 'смола, выступающая через щель в коре дерева' (вепск. *riga* 'смола на растущем дереве').²

Таким образом, исследователи считают приведенные нами коми слова вепскими или карельскими заимствованиями. Между тем в настоящее время коми отделены от карел и вепсов пространством в тысячу километров и в последнее столетие не имели с ними непосредственных соприкосновений. Карельско-вепские заимствования в коми-зырянских диалектах говорят о каких-то древних связях между коми-зырянами и вепсо-карелами.

Нам кажется, что рассматриваемые нами коми-зырянские слова проникли в коми язык из языка летописной заволоцкой чуди, которую история застаёт еще тысячу с лишним лет тому назад в бассейне Северной Двины, в непосредственном соседстве с коми. Вопросу о заволоцкой чуди посвящена специальная работа П. С. Ефименко „Заволоцкая чуда“, на которую мы уже ссылались в статье в сборнике, посвященном В. В. Виноградову (стр. 179—180). Добавим только, что, по мнению П. С. Ефименко, в „XVIII веке в северных и южных частях Двинской земли уже не существовало чуди с самобытным наречием“. Автор „Заволоцкой чуди“ при этом ссылается на наблюдения, сделанные во время путешествия академиком И. И. Лепехиным, и на свидетельство „туземца“ М. В. Ломоносова, который говорил, что „древность тамошней чуди доказывают понине живущие по Двине чудского рода остатки, которые через сообщение с новгородцами природный свой язык позабыли“.³ „С другой стороны, — продолжает автор книги, — мы знаем, что чуда жила там еще до самых последних годов XVI столетия. Следовательно, XVII век есть век утраты самого существования элемента чудской национальности“.⁴

Знаменательно, что еще во второй половине XIX в. имелись отдельные вепские деревни, расположенные далеко на востоке от основной

¹ Рукопись хранится в Коми филиале АН СССР, Сыктывкар.

² Анализ этих слов дан в указанной выше статье „Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах“. В этой статье, кроме слов, фигурирующих в работе Вихмана (Yrjö Wichman p. Syrjänit ja karjalaiset. „Valvoja“, Helsinki, 1920, № 9—10), рассматриваются еще следующие слова:

1) *akka*, *ak-vežai* ив. 'крестная мать' из кар.-вепск. *akk* 'женщина', финск. *akka* 'баба';
 2) *bajar* (фолькл.) 'боярин' из вепск. *bajar* 'барин, господин';
 3) *burkej* уд. 'бубенчик' из вепск.-кар. **bur-*, ср. вепск. *huri* 'бубенец';
 4) *god* вым. иж. луз. 'блюдо' из вепск., ср. вепск. *bl'od* 'блюдо';
 5) *nuta nut* уд. 'невод с рыбой' из вепск., ср. вепск. *not* 'невод';
 6) *kel'kan* уд. 'ручная льномялка' из вепск., ср. вепск. *kelik* 'броснуха (орудие для обделки льна)' (Хям. ВР);
 7) *roga* уд. 'наплав смолы на растущем дереве' ~ вепск. *riga* то же; направление заимствования неясно;
 8) *sarja* 'плетенка шерстобита' уд. из кар.-вепск., ср. ливв. *sarja* 'плетенка в дровнях';
 9) *šar* 'молотило' из вепск., ср. вепск. *šar* 'цеп'.

³ П. С. Ефименко. Заволоцкая чуда. Архангельск, 1869, стр. 36—37.

⁴ Там же, стр. 37.

современной вепской территории: между Вытегрой и Каргополом. Около шоссе, в 106 км от Вытегры, в 1873 г. находилась вепская деревня в 72 дома, а в 1887 г. по-вепски могли говорить уже только старики.¹ В XV—XVI вв. в Двинском крае заволоцкая чуда обитала, наверное, в виде таких же остатков среди русского населения.

Таким образом, заволоцкая чуда жила в бассейне Северной Двины по крайней мере начиная с IX в. н. э. и кончая XV—XVI вв., в первое время сплошной массой, а впоследствии островками среди русских, заселявших этот край с запада и юго-запада, и отчасти среди коми, двигавшихся в Северодвинский край с юга, из пределов современной Кировской и Пермской областей.

В языковом отношении заволоцкую чуда очень убедительно охарактеризовал проф. Д. В. Бубрих, доказав, что это в основном вепсы, заселявшие Двинскую землю еще до русской (новгородской) колонизации. По мнению Д. В. Бубриха, лишь самое низовье Северной Двины было заселено карелами, и то значительно позднее.²

Исследователи топонимики бассейна Северной Двины тоже приходят к выводу, что до русского населения здесь жила летописная чуда заволоцкая, представлявшая собой прибалтийско-финское племя. Об этом свидетельствуют многочисленные названия рек, оканчивающихся на *-nya*. „Так как ареал топонимики на *-nya* примыкает к территории распространения прибалтийско-финских языков (карельского и вепского) и совпадает с территорией, которую некогда занимала летописная чуда заволоцкая, можно высказать предположение о принадлежности топонимики на *-nya* языку этого загадочного народа“.³

На карте распространения севернорусской топонимики на *-nya* эти топонимы значатся на востоке, в верховьях Мезени, на Нижней Вычегде (где-то южнее Сыктывкара), на Лузе и Летке.⁴

Коми стали заселять бассейн Северной Двины (Вычегду, Лузу) и Мезени и т. д., по-видимому, около X в. Отдельные переселенцы могли появиться значительно раньше. Здесь коми должны были прийти в соприкосновение с заволоцкой чудью. Эти соприкосновения происходили в течение ряда столетий, в результате чего коми-зырянскими диалектами (главным образом северо-западными и западными: вашко-мезенским, нижне-вычегодским и лузским) был заимствован целый ряд слов из языка заволоцкой чуди (вепского и карельского).

Археологические данные подтверждают нашу мысль о длительных связях предков коми с предками прибалтийских финнов.

„Вторжение в IV веке в Прикамье угорских племен вызвало передвижение части местного населения на север. В это время на Печоре и Вычегде начинают появляться отдельные находки и памятники, имеющие полную аналогию с прикамскими. Особенно интенсивно движение населения проходит в VI—VII веках, как это можно видеть на примере Тохтинского поселения на р. Яренге (правый приток Нижней Вычегды). Керамика Тохтинского поселения имеет близкие черты с керамикой ломоватовской культуры. Начинается процесс территориального разделе-

¹ Е. А. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, Helsinki, 1946, стр. 11—12.

² Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 27.

³ А. К. Матвеев. Из опыта изучения севернорусской топонимики на *-nya*. „Ученые записки Уральского государственного университета“, Свердловск, 1960, стр. 109. См. также: А. И. Попов. Материалы по топонимике Карелии. „Советское финно-угроведение“, вып. V, Петрозаводск, 1949, стр. 64.

⁴ А. К. Матвеев. Из опыта севернорусской топонимики на *-nya*, стр. 103.

ния племен, говорящих на языках коми. На Вычегде постепенно складывается своя культура, имеющая очень близкие черты с культурой Верхнего Прикамья. Она принадлежит предкам коми-зырян, которые очень близко стояли к коми-пермякам по языку и культуре и сохраняют эту близость до настоящего времени. Процесс переселения с Камы на Вычегду постепенно привел к ассимиляции предками коми редкого местного охотничье-рыболовческого населения, жившего по рр. Вашке и Мезени и оставившего памятники типа ванвиздинской стоянки. Эти памятники можно связывать с вепсами. В процессе ассимиляции язык нижневычегодских и удорских коми впитал в себя некоторые элементы из вепского языка. Влияние этой древней культуры в какой-то мере сохранилось и в материальной культуре вычегодских коми до X—XIV веков, особенно в способе изготовления глиняной посуды и некоторых орудий труда, связанных с охотой.¹

Вопрос о прибалтийско-финских заимствованиях в коми языке изучен совершенно недостаточно: в настоящее время мы можем считать доказанным наличие вепско-карельских заимствований в коми языке лишь в количестве, не превышающем трех десятков слов. На самом же деле их значительно больше. Задачей нашей статьи является установление ряда новых вепско-карельских заимствований в коми языке, к рассмотрению которых мы и переходим.

1. *joma* скр. нв., *juma* уд. сс. (дер. Чухлом) 'ведьма'; *juma pēgen vōrsnī* уд. 'играть в ведьму' (детская игра); *joma tuj* нв. 'детская игра в лабиринт'; *joma kīza loemid* крч. 'стала толстая, как *joma*'; *kīz joma* крч. 'толстая ведьма' (ругательн.); в фольклоре слово *joma*, *joma-baba* скр. фигурирует в значении злой колдуньи, ведьмы (Диал. сл.). < вепско-кар. **joma(l)* или **juma(l)*, ср. финск. *jumala* 'бог', диал. *maajumala* 'колдунья, ведьма, ворожея', кар. 'бог', вепско. *gumal*, *jumol* 'бог' и т. д.; мар. *jūmā*, *jumo* (см.: Тоiv. Etym. sanak.).

У норвежца Отера² в IX в. мы находим двойную передачу божества биармийцев (через *o* и *u*): *jomalla—jumalla*. Нужно полагать, что в том диалекте, откуда коми народ заимствовал это слово, стоял как гласный *o*, так и *u*.

Куда девалось конечное *-l*? На этот вопрос возможны два ответа: или в вепском оригинале был вариант без конечного *l*, что мы наблюдаем в марийском языке (*jumo*, *jūmā*), или *l* отпало в коми языке после заимствования. Отпадение конечного *l* мы действительно наблюдаем в отдельных словах коми языка, например: **abvęl* > *abul* > *abu* (древнекоми *abul*) 'нет'; диал. *bobę* зд. кб. 'бабочка' в других диалектах соответствует *bobil-* скр. лл. уд.

В отношении семантики прибалтийско-финских и коми слов нужно сказать, что затруднений не встречается: во-первых, следует принять во внимание диалектное значение финского слова „колдунья“; во-вторых, слово, обозначающее „женское языческое божество“, после принятия христианства могло обратиться в свою противоположность — „ведьму“.

Наличие этого слова только в коми-зырянских диалектах (в коми-пермяцких диалектах и удмуртском языке его нет) и семантическая близость к финскому диалектному значению позволяют считать это слово прибалтийско-финским заимствованием.

2. *karta* скр. нв. уд. с., *kartá* кп., *kvtá* кя. 'хлев', 'двор для скотины' кп. кя.; *karta* крч. (д. Габов) 'зимнее становище лосей'; *kartag*

¹ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 161—163.

² П. С. Ефименко. Заволоцкая чудь, стр. 3—4.

pirnī иж., *kartag munnī* луз., *kartag pirnī* нв. (село Айкино) 'войти в дом, в хозяйство своей жены', *kartag pirtnī* луз. 'вести зятя в дом, в свое хозяйство' (Диал. сл.); *kerka-karta* скр. 'дом со всеми пристройками'; древнепермск. *karta* 'дом'; *tirtis bedęn kartags*¹ 'наполнил весь дом'; *karta* в. с. печ. пл. иж., *karta* кп. 'хлев для коров и лошадей в нижнем этаже строения' в., 'хлев для коров' с., 'хлев для скота' печ., 'хлев для скота под одной крышей с домом' луз., 'двор для коров' лет., 'хлев для скота, двор для скота, с крышей и со стенами' иж., 'двор' кп. (Wich.—Uot.).

В Лепехинском словаре,² где представлен нижневычегодский диалект XVIII в., читаем: *кодъ кармаинъ (сулаланъ)?* 'в каком дворе (стоишь)?', здесь *карма* обозначает 'двор, дом'.

Из приведенного материала видно, что слово *karta* имеет два значения: 'хлев или двор для скотины' и 'дом (хозяйство)'.

Вихман³ коми *karta* считает древним чувашским заимствованием, хотя в удмуртском языке этого слова нет (он предполагает, что в удмуртском языке это слово утрачено). Это коми слово в первом значении ('хлев') действительно стоит ближе к чувашскому слову, ср. чув. *карма* 'хлев, скотный двор, огород, изгородь, звено изгороди, прясло'.⁴ Знаменательно, что в этом значении рассматриваемое слово встречается во всех коми диалектах, а во втором значении ('дом, хозяйство') бытует (или бытовало) только в северо-западных коми-зырянских диалектах: в древнепермском языке (там представлен нижневычегодский диалект XIV в.), в Лепехинских текстах (представлен тот же диалект), в фразеологических сочетаниях современного нижневычегодского, ижемского и лузского диалектов. Это обстоятельство позволяет нам сделать предположение о том, что слово *karta* в значении 'дом (хозяйство)' заимствовано из прибалтийско-финских языков. Весьма возможно, что это значение было приобретено данным словом (уже существовавшим в коми языке) позже под влиянием языка западных и северо-западных соседей — заволоцкой чуди.

Тойвонен (Тоiv. Etym. sanak.) финск. *kartano* 'двор; большое имение, усадьба; постройка, жилище', водск. *kartano*, *kartino* 'дом, крестьянский дом; двор' и т. д. считает древним заимствованием из германских языков, ср. готск. *garda*, древне-нижненемецк. *gardo* и др.

3. *pal-ñeñ* кб. 'ржаной пирожок, посоленный изнутри', т. е. пирожок без начинки, 'голый пирожок' (Диал. сл.); *ñañ* 'хлеб'.

< вепско. *pal-*, ср. финск. *paljas* (*paljaan*) 'голый, непокрытый', эст. *paljas* 'голый, нагой, оголенный, обнаженный'; *paljas pealagi* 'лысина' (*pealagi* 'темя'), *paljak* 'голое место; плешь'; (Тамм ЭРС) ол. *pallas* 'голый, непокрытый; пустой', люд. *pallas* южно-вепско. *palaz*, водск. *palaz*, *pal* и др. (Тоiv. Etym. sanak.). Слово встречается во всех прибалтийско-финских языках. Коми *pal*, встречающееся в одном коми-зырянском (корбинском) диалекте, стоит одиноко. Коми *pal-ur* 'белка-летяга', удм. *pulo*, саам. *buoida* не имеют отношения к данному слову.

4. *viņginī* луз.; *viņgednī* 'хныкать' (Диал. сл.). От этого слова следует отделить *viņgirtnī* скр. нв. сс. крч., *viņgir vižnī* скр. 'терпеть голод, испытывать чувство голода' (Диал. сл.).

¹ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. М., 1952, стр. 42, 132.

² Там же, стр. 151.

³ Yrjö Wichmann. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903, стр. 69.

⁴ В. Г. Егоров. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1954.

< кар.-вепск. *ving-, ср. кар. *vinguo*, ол. *vingu-* 'скулить' (*winseln*) (Kalima Ost. Lehnw. стр. 86), вепск. *vinkta* 'визжать' (Хям. ВР); финск. *vinkua* 'визжать, пищать'; эст. *vinqu-* 'свистать, выть, визжать, пищать' (Тамм ЭРС). Калима (Kalima Ost. Lehnw., стр. 86) считает также прибалтийско-финским заимствованием в севернорусских (олонецком) говорах *вингаты* 'скулить'.

5. *mušid* вым. 'коричневый' (Диал. сл.), < вепск.-кар. *mušt-, ср. финск. *musta* 'черный' (Кук. РФС), эст. *must* 'черный, грязный' (Тамм ЭРС), кар. *mušta* 'черный, грязный, темный' (Бел. Толм.); Тойвонен (Toiv. Etym. sanak.) приводит параллели только из прибалтийско-финских языков: кар. *mušta*, ол. *mustu*, люд. *must*, вепск. *must*, водск. *mussa*, эст. *must*. Суффикс *-id* мог появиться на почве коми языка (ср. коми *jasid* 'ясный', заимствованный из русского языка *ясный*). Коми слова нельзя отнести к финно-угорскому фонду, так как в словах финно-угорского происхождения прибалтийско-финскому *s* в коми языке должен соответствовать звук *s*, а не *š*.

6. *keržeg* вым. уд., *keržeg* нв. 'поперечная палка на носу и корме лодки для причаливания и перетаскивания' (Лыт. Диал. хр.). < кар.-вепск. *kürz-, ср. финск. *kärsä* 'рыло (свиное); хобот (слона)', эст. *kärss* 'рыло', *seakärss* 'пятачок (свиный)' (Тамм ЭРС), вепск. *kärz* 'морда, рыло' (Хям. ВР); ол. *kärzu* 'рыло' (Зл. Ол.). Тойвонен сопоставляет финское слово со следующими: кар. *kärsä*, *küržä*, ол. *kärzü*, люд. *kärz*, вепск. *kärz*, *kürz*, эст. *kärss*, русск. диал. *кярзя* 'рыло' — прибалтийское заимствование (Toiv. Etym. sanak.).

Прибалтийско-финское *ä* перешло в коми языке в „ä (ε)“, впоследствии изменившееся в *ö > e*. Это заимствование произошло, вероятно, еще тогда, когда в коми языке имелось налицо *ä (ε)*, позднее утратившееся (общепермское *ε в коми языке перешло в *ö > e*, а в удмуртском в *e*).¹

Суффиксация слова произошла на почве коми языка (*-eg* является весьма распространенным суффиксом в этом языке). В отношении семантики нужно сказать, что 'передняя часть (нос) лодки' и 'рыло, морда' — понятия близкие. Кар.-вепск. твердое *z* в словах с переднеязычным вокализмом в коми языке (как и в русском, ср. русск. диалектное *кярзя*) может передаваться мягким *ž*.

7. *kalæg*: *kalægñañ* луз. 'печеный хлеб с закалом', по значению это лузское слово соответствует коми-зырянскому литературному *зудья нянь* 'хлеб с закалом' (букв. 'хлеб с точильным бруском', *зуд* 'оселок, точильный брусок'); *kalægmiñi* луз. 'сделаться твердым (т. е. сделаться с закалом при неудачной выпечке), зачерстветь'; *va kalæg* луз. (село Черныш) 'сырое место с твердым грунтом (с галькой, песком)' (Диал. сл.); *kalæg*: *kalægñañ* луз. *klitschiges Brod* 'липкий, клейкий хлеб' (Wich.—Uot.). Вихманом перевод сделан неточно.

< кар.-вепск. *kal(e)g; ср. эст. *kalk* (генетив *kalgi* 'твердый, жесткий; жестокий, суровый, бессердечный; черствый'; *kalgistuma* 'твердеть, черстветь' (Тамм ЭРС). Тойвонен сравнивает это эстонское слово со словами других прибалтийско-финских языков, имеющих несколько иное

¹ Erkki Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im tschere-missischen und in den permischen Sprachen. Commentationes Instituti fennougrici „Suomen suku“, XVIII, Helsinki, 1954, стр. 303. Данное заимствование нужно считать очень ранним. В более поздних заимствованиях карельско-вепское *ä* передавалось уже через коми *a* (ср. *äges > коми *agas* 'борона', *päe > коми *paä* 'печка'). По-видимому, к этому времени фонема *ä (ε)* в коми языке уже исчезла.

значение: финск. *kalki* 'жалкий, убогий', вепск. *kauged* 'грубый, суровый, холодный'; он приводит также эрзя-морд. *kalgado*, *kalgudo*, мокша-морд. *kalgōda* 'твердый' (Toiv. Etym. sanak.).

Коми слово, встречающееся только в одном лузском диалекте и отсутствующее в удмуртском языке, следует считать прибалтийско-финским заимствованием. В оригинале это слово, вероятно, звучало **kalg* или **kaleg* и обозначало 'твердый' — такое значение сохранилось в эстонском и мордовском языках. Полумягкое прибалтийско-финское *l* в коми языке может передаваться мягким *l* (ср. вепск. *kelik* > коми, уд. *kelkan* 'льномялка'; финск. *lusikka*, вепск. *lužik* > коми уд. *luška* 'ложка' и др.). Из **kalg* могло получиться *kalæg* на почве коми языка, так как появление протетического *e* в сочетании *-lk*, не свойственном концу слова коми языка, — явление обычное; кроме того, *-eg(-eg)* могло быть воспринято как суффикс прилагательного (ср. *ñileg* 'скользкий', *vežeg* 'ревнивый').

Если коми слово заимствовано из вепского языка, то оно должно было попасть в коми язык до отвердения вепского *l*, но после озвончения *k* (прибалтийско-финск. **kalke-* > **kalge-* > вепск. *kalge-* > *kaug-*).

Впрочем, не восходит ли коми слово к финно-угорскому фонду?

8. *ludik* скр., *ludik* уд. нв., *ludik* кп., *luduk* нв. (Диал. сл.), *ludik* кя. 'клоп'.

Вихман, сопоставляя это слово с финским *lutikka*, *lutukka*, 'клоп', кар. *lutikka*, эст. *lutikas*, *lutik*, люд. *lutikk*, а также с хант. *lotek* и саам. *luttak*, пишет, что, возможно, коми слово, а равно и саамское заимствованы из прибалтийско-финских языков. Это слово при посредстве коми языка проникло также в хантыйский язык.

Утила и Вихман в книге „Syrjänischer Wortschatz“ прибалтийско-финское происхождение рассматриваемого коми слова ставят под вопрос. Мы не беремся судить о направлении заимствования, но все же скажем, что это слово, встречающееся только в северных финно-угорских языках (прибалтийско-финские, саамский, коми и хантыйский) и имеющее абсолютно одинаковое значение и тождественный звуковой облик, — безусловно единого происхождения. Не исключена возможность, что оно попало в коми язык еще в глубокой древности, когда местожительство вепсов доходило до Средней и Верхней Вычегды. Этим и объясняется то, что это слово встречается также в коми-пермяцких диалектах (как правило, карельско-вепские заимствования бытуют только в коми-зырянских диалектах, главным образом в северо-западных).

9. *mar*: *kaš-mar* луз. (д. Порез) 'костяника' (Ср. сл.), букв. 'кошачья ягода', < кар.-вепск.; ср. финск. *marja*, вепск. *marj*, кар. *marja*, ливв. *marju*, люд. *mard*, 'ягода' (Toiv. Etym. sanak.). Соответствия прибалтийско-финским словам имеются также в других финно-угорских языках, например мар.: *mör*, *mörä* 'ягода', мокша-морд. *mar* 'яблоко' (в сочетаниях) 'ягода' и др. (Toiv. Etym. sanak.); сюда можно отнести также общераспространенные коми *mīr*: *na-mīr* 'костяника', *mīr-rop* 'морощка'.

Карельским заимствованием следует считать также коми *marja*: *marja-tuš* уд. 'костяника', уд. (д. Глотова) 'поленика' (Ср. сл.); *tuš* 'ягодка'.

Коми слова *mar* луз. и *marja* уд. нельзя отнести к финно-угорскому фонду, а следует считать карельско-вепскими заимствованиями по следующим соображениям: а) эти слова встречаются только в самых западных коми-зырянских диалектах: на Лузе (Поруб) и на Удоре (в вашко-мезенском диалекте); б) они совпадают в значениях с соответствующими

карельско-вепскими словами; в) наблюдается полное совпадение в фонетике.

10. Коми *šakša* уд. (д. Вендинга) 'мезга, выжимки (картофельные, при выделке крахмала)'; уд. 'шкварки' (Ср. сл.), < кар.-вепск. **šakša*; ср. люд. *šakšu*, мн. ч. -*ād* 'осадок, который скопляется на дне при растапливании плохого масла' (Kujola LS); финск. *sakka* 'осадок, гуща' (Кук. РФС). Калима русское слово *шакша*, встречающееся в бывш. Олонекской губернии, считается карельским заимствованием (Kalima Ost. Lehnw.).

11. *lameg*: *lamegē leččini* нв. 'опуститься, облениться' (Ср. сл.), < кар.-вепск. **lamak* или **lamag*; ср. финск. *lata:kaikki on lamassa* 'все пришло в упадок' (Кук. РФС); люд. *lata* 'наклонный', *lamak* 'отлогий, покатый', финск. *lamakka* 'немного покатый', южноэст. *lamme* 'ровный, гладкий; бессильный, медлительный' и т. д.; коми *lam*: *lameđni* 'раздавить' и др. Финское слово, может быть, испытало также германское влияние: норв. *lam* 'хромой, парализованный, бессильный' и т. д. (Toiv. Etym. sanak.).

Карельско-вепское -*ag* > коми -*eg* под влиянием коми морфологии (-*eg* — весьма распространенный суффикс в коми языке).

12. *lorej* уд. (дер. Острова) 'шатун, бездельник' (Ср. сл.), < кар.-вепск. **lor-*; ср. финск. *lorvailija* 'лодырь'; *lorvailla* 'бездельничать, лодырничать'; *lorvailu* 'лодырничанье' (Кук. РФС); финск. *loru* 'пустой разговор'; лив. *loru* 'пустой разговор, вздор', эст. *lora*, *lori* 'пустой разговор, вздор', южноэст. *loro-* 'болтать, молоть вздор' (Toiv. Etym. sanak.). Коми -*ej* — словообразовательный суффикс удорского диалекта (ср. *songej* 'солнце', *lagej* 'лягушка', *tatej* 'ребенок').

Прибалтийско-финское полумягкое *l*, как правило, передается коми мягким *l* (ср. *luška* 'ложка', *kellkan* 'лыномьялка', *lorej* 'бездельник' и др.); в восточных прибалтийско-финских языках (вепском, людиковском и водском) это „*l*“ отвердело в определенном фонетическом положении (например, перед гласными заднего ряда); это отвердевшее *l* отражается в части заимствований коми языка (ср. *kela* 'цеп', *lameg* 'покатый', *so-landik* 'берестяная солонка'). Отверждение *l* в восточных прибалтийско-финских языках, видимо, произошло еще до прекращения сношений вепсов с коми народом, т. е. до XVI—XVII вв.

Таким образом, к настоящему времени установлено наличие в коми языке около четырех десятков карельско-вепских заимствований. При дальнейшем изучении коми-зырянских и карельско-вепских диалектов это количество несомненно увеличится. С другой стороны, и заволоцкая чудь испытала известное влияние со стороны коми-зыря. Пока установлено в вепском языке только два слова коми-зырянского происхождения, а именно: вепск. *čimbañe* (-*ñe* уменьшительный суффикс) < коми *čimpeľ* нв. 'берестяной черпачок для питья воды'; в свою очередь коми слово — хантыйского происхождения;¹ вепск. *važi* из коми *vož* 'вид рыболовной снасти' (заимствование установлено проф. Лаури Пости).²

В языке заволоцкой чуди безусловно было немало коми-зырянских заимствований, но они не доходили так далеко на запад — на ту территорию, где теперь живут вепсы, поэтому вполне понятно, что в современных диалектах вепсов и карел эти заимствования в таком количестве не обнаружены.

Степень распространения карельско-вепских заимствований в коми-зырянских диалектах различна: некоторые из них (например, *pač* 'печка',

¹ „Virittäjä“, 1935, стр. 104.

² „Virittäjä“, 1946, стр. 385.

rab 'пивная дробина', *ludik* 'клоп', *joma* 'ведьма') встречаются во всех коми-зырянских (а *rab* и *ludik* даже в коми-пермяцких) диалектах; другие же занимают более узкую территорию коми-зырянских диалектов (самый северо-запад ее); некоторые из заимствований встречаются только в удорском диалекте (таких насчитывается больше десятка) или же только в лузско-летском, вымском, ижемском (ижемцы переселились с Выми) и нижневыхгодском. Словом, прибалтийско-финские заимствования в основном бытуют на северо-западе коми-зырянской территории, т. е. на той территории, которая непосредственно примыкала к территории заволоцкой чуди.

Вепско-карельские словарные заимствования¹ коми языка обозначают разные предметы из крестьянского обихода, как-то: сельское хозяйство — борона, стог, суслон, цеп, дубец цера, решетка бороны, броснуха; ремесла и промыслы — бердо, прялка, дратва, плетенка шерстобита, невод; пища и одежда — квас, пивная дробина, пирожок без начинки, простокваша, шкварки, хлеб с закалом, ягода, подвязка на чулках; посуда и утварь — ушат, блюдо, кузов, солонка, ложка; жилище — дом, матица, печь; животный мир — кошка, шилохвость, клоп; слова, обозначающие другие понятия: изобразительные глаголы — хныкать, опуститься (облениться), упасть без сознания (шлепнуться); прочие понятия — бездельник, боярин, крестная мать, ведьма, бубенчик, скоба на концах лодки и т. д.

Абсолютное большинство лексических заимствований обозначало предметы материальной культуры. Одновременно со словарными заимствованиями, по-видимому, были заимствованы сами предметы материальной культуры: более усовершенствованная борона, более совершенная лыномьялка, печь иного устройства, ушат другого образца и т. д.

На вопрос, какие изменения произошли в материальной культуре предков коми-зырян в период соприкосновения их с карело-вепсами, ответ должна дать археология. А такие изменения, как показывают рассмотренные словарные заимствования, должны были иметь место.

Сокращения названий цитируемых источников

Бел. Толм.	— А. А. Бе ля ков. Карельский диалект села Толмачи. Рукоп. канд. дисс. Л., 1947.
Диал. сл.	— Черновые материалы диалектологического словаря коми языка (рукоп. автора).
Лыт. Диал. хр.	— В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
Зл. Ол.	— В. Е. Злобина. Фонетика олонекского (ливвиковского, — В. Л.) говора карельского языка. Рукоп. канд. дисс. Петрозаводск, 1948.
Кук. РФС	— Русско-финский словарь, под ред. Кукконен, Лехмус и Линдрос, М., 1955.
Ср. сл.	— Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
Тамм ЭРС	— И. Тамм. Эстонско-русский словарь. Тарту, 1949.
Хям. ВР	— М. М. Хямляяйнен. Вепско-русский словарь. М.—Л., 1936.
Wich.—Uot.	— Syrjänischer Wortschatz, aufgezeichnet von Yrjö Wichmann, bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila. Helsinki, 1942.
Kalima Ost. Lehnw.	— Jalo Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
Toiv. Etym. sanak.	— Y. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I. Helsinki, 1955; II, 1958.
Kujola LS	— J. Kujola. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.

¹ Часть из нижеперечисленных заимствований (например, *kožal* 'прялка', *pirđ* 'бердо', *virb* 'дратва', *kela* 'цеп', *pač* 'печка' и т. д.) в настоящей статье нами не рассматривалась, но их вепско-карельское происхождение было установлено раньше (см. статью Ю. Вихмана в журнале: „Valvoja“, 1920, № 6), поэтому здесь, в заключении, мы оперируем также и этими заимствованными словами.

М. М. ХЯМЯЛЯЙНЕН

О РАЗВИТИИ ГЛАСНЫХ В КОНЦЕ СЛОВА В КАРЕЛЬСКОМ И ВЕПСКОМ ЯЗЫКАХ

В употреблении конечных гласных в абсолютном конце слова в прибалтийско-финских языках произошли большие изменения. Эти изменения различно представлены даже внутри отдельных языков. В смысле отпадения или сохранения конечных гласных, например, юго-западные говоры финского языка резко отличаются от восточнофинских: в первых произошло широкое отпадение конечных гласных, а в последних они в основном сохраняются.

Отпадение гласных в вепском языке в большой степени совпадает с этим явлением в эстонском языке и в значительной мере в юго-западных говорах финского языка. В наречиях карельского языка конечные гласные представлены довольно пестро. В большинстве людиковских говоров первичные конечные гласные, как и в вепском языке, отпадают, в части же людиковских говоров конечные *a, ä* в определенных случаях не отпадают, а переходят в *e*.

В ливвиковских говорах гласные *i, o, ö, u, ü* сохраняются, а *a, ä* в определенных случаях переходят в *u, ü*.

В собственно карельских говорах, как и в восточнофинских говорах и финском литературном языке, первичные конечные гласные сохраняются.

В настоящей статье более подробно развиваются мысли, высказанные нами в статье „Внутренне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков“.¹ Особое внимание уделяется развитию первичных *a, ä* в абсолютном конце слова.

О последовательности перехода *a, ä* в *u, ü* в ливвиковском наречии и о переходе *a, ä* в *e* в ряде людиковских говоров, а также о последовательности перехода *a, ä* в нуль в вепском языке и в большинстве людиковских говоров карельского языка в науке до сего времени нет единого мнения.

Картину развития *a, ä* в исходе слова в вепском языке и в южно-карельских наречиях (ливвиковском и людиковском) Д. В. Бубрих описывает следующим образом: „Как известно, древние прибалтийско-финские *a, ä* в ливвиковском наречии карельского языка (как и в людиковском наречии, равно как и в вепском языке), находясь в конце слова, вступили на путь различных сдвигов.

В ливвиковском наречии произошло следующее. Если предшествующий слог был краткий открытый, то конечные *a, ä* сохранились в четносложном (например, двухсложном) слове и исчезли в нечетносложном (например, трехсложном слове); впоследствии явления по аналогическим причинам перераспределились так, что противостоять стали не четносложные и нечетносложные слова, а двухсложные и многосложные. Если же предшествующий слог был долгий или закрытый, то конечные

¹ См.: „Труды Карельского филиала АН СССР“, вып. 23, 1960, стр. 84—109.

a, ä перешли в *u, ü*. Примеры одного рода: *kala* ‘рыба’, *izä* ‘отец’ и *murgin* ‘обед’ (ср. финск. *murkina*), *eläi* ‘житель’ (ср. финск. *eläjä*). Примеры другого рода: *haabu* ‘осина’ (ср. финск. *haapa*), *händü* ‘хвост’ (ср. финск. *häntä*), *izändü* ‘хозяин’ (ср. финск. *isäntä*). Подобные же явления наблюдались и в людиковском наречии; только там мы находим в одних говорах *e* вместо *u, ü* (т. е., например, *izande*), в других нуль вместо *u, ü* (т. е., например, *izand*). Такая же картина характерна для вепского языка, только там мы находим, как в части людиковских говоров, нуль вместо *u, ü* (т. е., например, *izand*). Следует думать, что там, где у ливвиков мы находим *u, ü*, у людиков частью *e*, а частью нуль, у вепсов нуль, — в свое время были редуцированные продолжатели *a, ä*.

Указанная переработка конечных *a, ä* сыграла в истории ливвиковской речи большую роль.¹

Следует обратить внимание на два важных, с нашей точки зрения, момента в высказывании Д. В. Бубриха.

Во-первых, он полагает, что конечные гласные *a, ä* не перешли непосредственно в *u, ü* в ливвиковском наречии или в *e* в части людиковских говоров карельского языка и не отпали непосредственно в вепском языке и части людиковских говоров, а сперва редуцировались, а потом только отпали.

Во-вторых, он не излагает развития *a, ä* в конце слова отдельно в вепском языке, ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, а рассматривает его в неразрывной связи в указанных языках и наречиях. Такое изложение материала дает право утверждать, что в отпадении рассматриваемых гласных *a, ä* в вепском языке и людиковских говорах или их переходе в *u, ü* в ливвиковских говорах или в *e* в части людиковских говоров Д. В. Бубрих видит единый процесс развития.

Иначе смотрит на развитие конечных гласных *a, ä* известный финляндский исследователь карельского языка Х. Оянсуу. Он полагает, что „звуковые изменения $a > u, ä > ü$ произошли через промежуточную ступень $a > o, ä > ö$. В одних говорах сохранились *o, ö*, в других они развились дальше в *u, ü*“.²

Обосновывая свою точку зрения, Х. Оянсуу исходит из следующих фактов карельского языка.

1. Собственно-карельским личным окончаниям с *a(ä)*-овой огласовкой *-mma(-mmä)* и *-tta(-ttä)* (*tulemma* ‘мы придем’, *mänemmä* ‘мы пойдем’, *tuletta* ‘вы придете’, *mänettä* ‘вы пойдете’) соответствуют ливвиковские личные окончания с *o(ö)*-овой огласовкой: *-mmo(-mmö)*, *-tto(-ttö)* (*tullemmo*, *menemmö* и *tuletto*, *menettä*).

2. Собственно-карельским прилагательным на *-kka(-kkä)* (*karhakka* ‘шершавый’, *kauhakka* ‘страшный’ и т. д.) соответствуют ливвиковские прилагательные на *-kku(-kkü)*, *-kka(-kkä)* (*hirva|kku(-kka-)* ‘страшный’, *lööhä|kkü(-kkä-)* ‘неплотный; легковатый’) и *-kko(-kkö)* (*räd|mäkkö* ‘увядший’, *tölä|kkö* ‘грязный’ и т. д.).

3. Далее Оянсуу приводит такие случаи, как ливвиковские *kanabru*: *kanabra-* (говор Салми) и *kanabro* (говор Сямозера) ‘вереск’ (*kanabro*, по мысли Х. Оянсуу, заимствовано из тех говоров, в которых фонетическое развитие $a, ä > o, ö > u, ü$ приостановилось на *o, ö*).

¹ Д. В. Бубрих. К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка. „Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР“, 1947, № 1—2, стр. 122.

² Н. А. Оянсуу. *Karjala-Aunuksen äännehistoria*. Helsinki, 1918, стр. 131.

4. В южнокарельских частицах *-bo*, которая соответствует финской частице *-pa(-pä)* и *-go*, которая соответствует финским частицам *-ko(-kö)* и *-kka(-kkä)*, он также склонен видеть промежуточную ступень в общем процессе развития *a, ä > u, ü*.

На наш взгляд, различная огласовка личных окончаний 1-го и 2-го л. мн. ч. в собственно карельских и ливвиковских наречиях не может служить достаточно веским материалом для обоснования перехода *a, ä* в *u, ü* через промежуточную ступень *o, ö* хотя бы только потому, что не только в разных прибалтийско-финских языках, но даже в разных говорах одного и того же языка, например финского (в говорах которого нет никакого перехода *a, ä* в *u, ü*), огласовка этих личных окончаний не совпадает: в финском литературном употребляется *-mme, -tte* (< *-mmek, -ttek*), в говорах финского языка *-mme, -tte, -mma(-mmä), -tta(-ttä), -mmo(-mmö), -tto(-ttö)*. В вепском языке в невозвратных формах упомянутые выше личные окончания имеют одну огласовку, а в возвратных формах — другую, например: *peze|mai* 'моём', *peze|tai* 'моете' и *peze|mois* 'моемся', *peze|tois* 'моетесь'.

Здесь следует также отметить, что *o, ö* в составе личных окончаний *-mmo(-mmö), -tto(-ttö)* не относятся к первичным гласным абсолютного конца слова.

Сомнение вызывает также предположение о том, что ливвиковские прилагательные, вроде *rädökkö, töläkkö*, развившись из *rädökkü, töläkkü*, остались на этой промежуточной ступени (не развились дальше в *rädökkü, töläkkü*) и в таком виде были заимствованы в ливвиковские говоры из собственно карельских *o(ö)*-овых говоров, как это вытекает из концепции Х. Оянсуу. (Неясно, что он подразумевает под этими говорами). Прилагательные на *-kko(-kkö)* в собственно карельских и ливвиковских наречиях имеют один и тот же источник развития. Общеизвестно, что суффикс *-kko* исторически восходит к двум суффиксам: *-kka + -i* [*-kkai > -kko*] по аналогии с *-kko*.¹

Укажем для сравнения, что и в финском языке в отношении прилагательных на *-kka(-kkä)* и *-kko(-kkö)* наблюдается такая же картина, как и в карельских наречиях, и здесь, с одной стороны, *navakka* 'крепкий, сильный (ветер, мороз)', *tanakka* 'плотный' и с другой — *hupakko* 'дурашливый', *epakko* 'неспособный, негодный; жалкий'. Это касается и существительных, например: *kahakka* 'драка' и *kerakko* 'палка'.

Навряд ли и ливвиковская частица *-bo* может служить доказательством перехода *a > u, ä > ü* через промежуточную ступень даже в том случае, если бы в этом наречии на самом деле имела место последовательность развития *a > o > u, ä > ö > ü*. Дело в том, что в собственно карельских говорах (например, калининских) эта частица звучит *-bua ~ -biä(-biä)*, а не *-ba(-bä)*, например: *kembü* 'кто?', *kuimbua* 'как?'.

Что касается случая употребления *kanabro* в одних ливвиковских говорах и *kanabru* (*kanabra-*) — в других, то следует заметить, что огласовка слов то на *a, ä*, то на *o, ö* — распространенное явление в прибалтийско-финских языках (ср., например, карельские *harava- ~ haravo-* 'грабли', *hamara- ~ hamaro-* 'обух') и совсем не связано с развитием *a > u, ä > ü*.

Обосновывая свою точку зрения на развитие конечных гласных в ливвиковском наречии, Х. Оянсуу исходит из того положения, что указан-

¹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. Л., 1955, стр. 100; Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 135—136.

ное наречие образовалось в результате распада карельского языка на отдельные наречия.

Однако среди советских ученых поддерживается теория Д. В. Бубриха о сложении карельского народа на базе двух близко родственных этнических элементов — карельского и вепского и об образовании карельского языка также на основе карельского и вепского языков. Южнокарельские наречия, таким образом, не являются результатом расщепления древнего карельского языка на отдельные наречия.

Здесь нет нужды обсуждать, восходит ли ливвиковское наречие карельского языка прямо к вепскому языку или в нем сказывается исключительно сильное вепское влияние, однако в ливвиковских говорах так много общего именно с вепским языком, что с этим обстоятельством нужно весьма серьезно считаться при анализе ливвиковских языковых явлений.

Перехода *a, ä* в *u, ü* в ливвиковских говорах касался, правда в другой связи, также Э. А. Тункело. Особое внимание мы обращаем на его утверждение о том, что в южнокарельских рунах иногда сохраняются случаи перехода *a, ä* в *u, ü* даже в окончаниях инессива и адессива, например: *metšüssü* 'в лесу', *karzinassu* 'в подполье', *mäellü* 'на горе', *suudijoilu* 'у судей'.¹ На этих случаях перехода *a, ä* в *u, ü* следует остановиться более подробно.

Прежде чем перейти к разбору указанных Тункело фактов, необходимо отметить, что конечные гласные *a, ä* в окончаниях внутренне-местных и внешне-местных падежей в обычной речи отпадают и никогда не переходят ни в *u, ü* в ливвиковском наречии, ни в *e* в части людиковских говоров. Это замечание касается и ряда говоров финского языка. В финских юго-восточных говорах при устойчивости *a, ä* в абсолютном конце слова, например в именительном падеже, они отпадают во внутренне-местных падежах, например: *häntä* 'хвост', *emäntä* 'хозяйка', *vihanta* 'зеленый, неспелый', *ammunta* 'стрельба', *matala* 'неглубокий, мелкий' и т. д.; но *hännäst* (< *hännästä*) 'из хвоста', *tuvast* (< *tuvasta*) 'из избы', *hännäs* (< *hännässä*) 'в хвосте'.

Во внешне-местных падежах отпадают не только первичные *a, ä*, например: *emännül* (< *emännällä*) 'у хозяйки', *emännält* (< *emännältä*) 'от хозяйки', но даже непервичное *e*: *emännül* (< *emännälle* < *emännülen ~ emännüllek* 'хозяйке').

Нужно сказать, что Тункело пользуется необычным материалом и рассматривает необычный переход *a, ä* в *u, ü* в рунах.

В поэзии часто много такого, чего нет в обычной речи. В рунах немаловажное значение имеет также традиционная метрика. В частности, для сохранения традиционного стихотворного размера большое значение имеет употребление гласных в конце слова. В выборе гласных существует ряд возможностей. Для сохранения стихотворного размера иногда, например, используются гласные по аналогии с теми случаями, в которых эти гласные являются фонетическими. Такие случаи, как *metšüssy* и *mäelly*, можно отнести именно к явлениям аналогии. Нужно сказать, что в южнокарельских рунах отпавшие *a, ä* адессива или инессива не восстанавливаются закономерно только через *u, ü* в тех случаях, когда такое восстановление имеет место в силу требований традиционной метрики. В этом отношении здесь существует большая пестрота и не-

¹ E. A. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946, § 49s.

последовательность. Например, *a*, *ä* заменяются через *u*, *ü* в таких стихах рун:

*Kirgui marjaine mäelly,
Lugi nuori Jougahaine
Zvierizet metsässy...¹*

Кричала ягодка на горке.
Сосчитал молодой Еугахайнен
Зверей в лесу...

В следующих стихах рун эти *a*, *ä* заменяются *e* или просто отпадают:

*Itkõy neitõoi, ilavuttau,
Kirjavoile kivuzile,
Kaunehale kallivoizel...²*

Плачет девушка, рыдает
На пестрых камнях,
На красивой скале.

Совсем иная картина наблюдается в отношении употребления конечного *a*, *ä* в следующих стихах той же руны:

*Nouzi mies mustas meres —
Vaski suista, vaski päistä,
Vaskihattu hardejil,
Vaskihattu kormanissa.*

Поднялся мужчина из черного моря —
Медь изо рта, медь из головы.
Медная шапка на плечах,
Медная шапка в кармане.

В этих примерах в одних случаях *a*, *ä* отпадает (*mustas meres*), в других сохраняется (*kormanissa*), в третьем случае встречается обычное употребление утраченного элатива (*suista, päistä*).

Рассматриваемые стихи из руны одного и того же певца дальше повторяются следующим образом:

*Nouzi mies mustas meres,
Hobd'u suissa, hobd'u päissä,
Hobduhattu hardejil,
Hobduhattu kormanis...*

Поднялся мужчина из черного моря,
Медь во рту, серебро на голове,
Серебряная шапка на плечах,
Серебряная шапка в кармане...

Если в одном из вариантов руны о Петре I в стихах *Ongo voidu Volluris*³ 'Есть ли масло в Воллури' все фонетично, все отвечает нормам языка, то в другом варианте той же руны *Ongo voida Volvarissu* 'Есть ли масло в Волвари' — все нефонетично: вместо фонетичного *voidu Volvarissu* здесь нефонетичное *voida Volvarissu*.

На приведенных примерах мы хотели показать, что к языку рун нужно относиться весьма осторожно; на основе нескольких примеров этого ненадежного языкового материала нельзя делать теоретических обобщений о закономерностях фонетического развития языка.

Примеры сохранения и восстановления гласных в исходе слова можно найти и в эстонском поэтическом фольклоре, хотя в эстонском языке, как известно, происходит широкое отпадение гласных. „В языке эстонского поэтического фольклора, — отмечает Л. Кеттунен, — конечный гласный благодаря стихотворному размеру в большой степени сохраняется. Например:

*Itken ennistä eloda,
Nutan noorta polvekesta...
Mul on tehtud orja süngi...*

Плачу по прежней жизни,
Плачу из-за утраты своей молодости...
Для меня уготовлена кровать рабыни...

В языке прозы употребляется *ennist elu, noort polvekest, orja süng*. Даже в весьма позднее время по образцу старых созданы и новые стихи с сохранившимися конечными гласными, в которых довольно часто встречается и неправильное восстановление гласных⁴.

¹ Suomen kansan vanhat runot. II, Helsinki, 1927, стр. 94, 95.

² Карельские эпические песни. М.—Л., 1950, стр. 302.

³ Там же, стр. 294.

⁴ L. Kettunen. Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1929, стр. 174.

Таким образом, мы видим, что в языке эстонского фольклора, как и в карельских рунах, встречается восстановление гласных в исходе слова. Точно так же, как и в карельских рунах, восстановление гласных часто является неправильным, т. е. восстанавливаются не те гласные, которые первоначально стояли в исходе слова до отпадения. Эстонские примеры еще раз показывают, что нельзя на образцах языка поэзии (когда речь идет о стихотворном размере) делать выводы о последовательности развития гласных в абсолютном конце слова.

Прежде чем приступить к изложению нашего взгляда на ход развития *a*, *ä* в *u*, *ü* в ливвиковских говорах, необходимо остановиться на переходе *a*, *ä* в *e* в среднелюдиловских говорах, ибо развитие *a*, *ä* > *u*, *ü* и *a*, *ä* > *e*, как мы указывали выше, — явление одного порядка.

Говоря о развитии *a*, *ä* в конце слова в людиловских говорах карельского языка, Аймо Турунен высказывает мысль, что во всех людиловских говорах было такое же отпадение гласных, в том числе и *a*, *ä*, как и в вепсском языке. Это относится и к тем среднелюдиловским говорам, в которых *a*, *ä* переходит в *e* ~ *e*, а не отпадают (*lehmä* > *lehim* > *lehme* ~ *lehmä* 'корова', *piendü* > *piend* > *piende* ~ *piende* 'маленького' и т. д.). Употребление в этих говорах в конце слова *e* вместо *a*, *ä*, по мнению Турунена, стало возможным в результате восстановления гласных. Восстановление отпавших гласных *a*, *ä* (в виде *e* ~ *e*) Турунен связывает с восстановлением гласных в середине слова. „Можно сделать такое предположение, — пишет он, — что при переходе от форм с выпадающими гласными к формам с невыпадающими гласными, т. е. при восстановлении гласных внутри слова, тенденция (восстановления гласных, — М. Х.) распространилась и на формы с отпадающими гласными“¹.

Восстановление гласных *a*, *ä* в виде *e*(*e*), по мнению Турунена, могло произойти или под влиянием пассива, или под воздействием редукции гласных.

Исходя из первого соображения, он полагает, что „присоединение к концу слова именно гласного *e*(*e*) связано с развитием пассива в глаголах с гласными на *a*, *ä* в основе слова. В таком случае восстановление *a*, *ä* в виде *e*(*e*) в конце слова являлось бы результатом аналогического обобщения“². Однако он считает, что такое объяснение восстановления гласных *a*, *ä* в виде *e*(*e*) не является достаточно убедительным.³

Второе предположение А. Турунена о восстановлении отпавших гласных *a*, *ä* в виде *e*(*e*) построено на редукции гласных. Такую возможность, как замечает он, подсказал в беседе с ним Лаури Пости. Последний отметил, что в некоторых говорах водского языка краткие гласные после долгого первого слога и дальше второго слога всегда слегка редуцированы. Более заметной является редукция гласных *a*, *ä*.⁴ „Основываясь на этом, — пишет А. Турунен, — можно считать допустимым, что при наличии случаев неотпадения конечных *a*, *ä* в таких двухсложных словах, в которых первый слог является кратким [*kana* 'ку-

¹ A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria, II. Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia (SUST), XCIX. Helsinki, 1950, стр. 150 (перевод здесь и дальше наш, — М. Х.).

² Там же, стр. 158. В пассиве *a*, *ä* основы переходят в *e*, например *laulan* 'я пою', *lauletaan* 'поют' (лицо неопределенное). В карельском языке пассив и форма 3 л. мн. ч. совпадают в форме финского пассива.

³ A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria, стр. 158.

⁴ Lauri Posti. Kukkosin alamurreta. SUST, LXIII, стр. 153.

² Прибалт.-финское языкознание, вып. XXXIX

рица', *kynä* 'перо (крыла)'], в словах с отпавшими гласными восстановились или стремились восстановиться отпавшие гласные *a, ä*, но они могли и редуцироваться в относительно слабом безударном положении в многосложных словах и в словах с долгим первым слогом таким же образом, как и в водском языке¹.

Как видим, по вопросу о последовательности развития конечного *a, ä* в южнокарельских наречиях и в вепском языке существует несколько точек зрения. Д. В. Бубрих в этом развитии *a, ä* во всех рассматриваемых языках, наречиях и говорах видит единый процесс. Он считает, что в тех случаях, в которых теперь у ливвиков употребляется *u, ü*, у части людиков *e* и у другой части людиков и у вепсов — нуль, когда-то были редуцированные продолжатели *a, ä*. А по мнению Х. Оянсуу, переход *a, ä* в *u, ü* в ливвиковском наречии произошел через промежуточную ступень *o, ö*. Процесс этого перехода Х. Оянсуу рассматривает вне связи с людиковскими говорами и вепским языком.

Иначе к этому вопросу подходит А. Турунен, который считает, что во всех людиковских говорах, в том числе и в тех говорах, где сейчас на месте конечного *a, ä* употребляется *e(ε)*, произошло отпадение *a, ä* таким же образом, как и в вепском языке.

Принимая предложения А. Турунена о восстановлении отпавших гласных *a, ä* в виде *e(ε)* в части людиковских говоров, можно допустить, что и в ливвиковском наречии имело место отпадение *a, ä*, которые затем восстановились в виде *u, ü*. Такую возможность допускает Лаури Кеттунен. По его мнению, *u, ü* (употребленные в ливвиковском наречии вместо отпавших *a, ä*) возникли в процессе восстановления гласных из редуцированных *a, ä*.²

Распространяя гипотезу о восстановлении гласных в исходе слова и на ливвиковское наречие, можно, как нам представляется, в развитии гласных в исходе слова в указанных наречиях видеть единый процесс: сперва отпадение *a, ä* (непосредственное отпадение или отпадение через промежуточную ступень), а затем восстановление отпавших гласных в исходе слова в виде *e* в части людиковских говоров и в виде *u, ü* в ливвиковском наречии карельского языка. Но такое восстановление гласных могло произойти отдельно в ливвиковских и людиковских говорах.

Рассматривая развитие гласных в исходе слова в ливвиковском наречии и части людиковских говоров как единый процесс, логично было бы искать одни и те же источники их восстановления.

Можно допустить, что при восстановлении гласных *a, ä* они были редуцированными и потом в части людиковских говоров перешли в *e(ε)* и в ливвиковских говорах — в *u, ü*. Но мы предпочитаем дать для этого явления другое объяснение.

Нам представляется, что рассматриваемое нами восстановление гласных могло произойти по аналогии с теми случаями, в которых эти гласные в конце слова занимают устойчивое положение: не отпадают и не изменяют своего качества.

Мы полагаем, что в части людиковских говоров, где произошло восстановление отпавших *a, ä*, это восстановление было совершено гласным *e* по аналогии с теми словами, в которых это *e* в абсолютном

конце слова (в номинативе) оказалось устойчивым, т. е. таким *e*, которое фонетически не могло отпасть и не могло перейти в *i*. К типу слов, в которых *e* не отпало во всех карельских говорах (да и не только в карельских говорах, но и в других прибалтийско-финских языках), относятся такие отглагольные имена, как например кар. *kasse ~ kaste* (<*kastek) 'поса', *lähe ~ lähte* (<*lähdek) 'родник, источник, ключ, прорубь', *sije ~ sive ~ side* (<*sidək) 'вязка' и т. д., и производные имена существительные вроде *ruosse ~ ruoste* (<*rōstek) 'ржавчина', *päre ~ päreg* 'лучина' и т. д. Отметим, что отпадению *e* в подобных случаях препятствовал долго сохранившийся в исходе слова согласный *k*.

Восстановление отпавших гласных *a, ä* в части людиковских говоров именно в виде *e*, по нашему мнению, является самым естественным. Только в группе слов типа *kaste, ruoste* и т. д. в конце слова (в номинативе ед. ч.) оказался неотпадающий гласный, по аналогии с которым и могло произойти восстановление отпавшего *a, ä* в виде *e*.

В ливвиковском наречии отпавшие ранее *a, ä* могли быть восстановлены в конце слова в виде *u, ü* (*laiha* > laih* > laihu, heinä* > hein* > heinü*) по аналогии с такими случаями, в которых в период восстановления гласных *a, ä* в абсолютном конце слова оказались устойчивые *u, ü*. К типу таких слов, в которых *u, ü* в исходе слова возникли относительно поздно, относятся *laulu* 'песня' от глагола *laula* 'петь', *maksu* 'плата' от *maksa* 'платить', *küskü* 'повеление, приказ' от *käske* 'велеть, приказать' и т. д.

Переход *a, ä* в *u, ü* в ливвиковском наречии имеет место также в падежных формах партитива в словах с согласной основой, например *huuldu* <*huulda 'губы', *piendü* <*piendü 'маленького', и в эссиве, например *poigannu* <*poigana 'в качестве сына', *minnü* <*minä 'в качестве чего'. И здесь, можно думать, *a, ä* не перешли непосредственно или через промежуточную ступень в *u, ü*, а сперва произошло их отпадение, а затем восстановление отпавших конечных гласных *a, ä* в виде *u, ü* по аналогии с номинативной формой. Для такого восстановления было много условий. В окончаниях партитива в словах с гласной основой сохранение *a, ä* является фонетичным. Например односложные слова с кратким открытым слогом: *kedü* 'кого', *midü* 'чего' и т. д., и двусложные и многосложные слова с гласной основой, например *kalaa ~ kalua* 'рыбы', *leibää ~ leibiü* 'хлеба', *ikkunaa ~ ikkunua* 'окна' и т. д. Как в номинативе (за исключением, конечно, таких случаев, в которых *a, ä* вообще не отпадают), так и в партитиве в словах с согласной основой *a, ä* могли быть восстановлены в виде *u, ü* по аналогии, поскольку и в этом падеже, подобно номинативу, сохранялись случаи неотпадения *a, ä*.

Условия для восстановления *a, ä* в виде *u, ü* по аналогии были также в эссиве, в котором в некоторых случаях фонетично сохранялись *a, ä* в конце слова в тот период, когда в этом падеже не было геминации *n*. К этим случаям относятся односложные слова с кратким гласным, например *kenü?* 'кем (быть)?', *minä* 'чем (быть)?', *tänd* 'этим'.

Эсвив на *-na(-nü)* сохраняется до сих пор в односложных словах с кратким гласным в некоторых застывших словосочетаниях, например *tänpäi* 'сегодня', *tänvuon(nu)* 'в этом году'. Когда произошла геминация *n* в эссиве, то восстановление *a, ä* в виде *u, ü* стало фонетичным для всех случаев этого падежа. В современном ливвиковском наречии окончанием эссива является *-nnu(-nnü)* также и в односложных словах с кратким гласным, например *kennü?*, *minnü?* 'кем? чем?'.

¹ А. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. SUST, XCIX, стр. 195.

² Lauri Kettunen. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet. Helsinki, 1960, стр. 17.

В ливвиковском наречии Лаури Кеттунен допускает возможность отпадения *a, ä*, а затем восстановления отпавших гласных в виде *u, ü* (*heind > hein > heinü*). По его мнению, *u, ü* в процессе восстановления гласных возникли из редуцированных *a, ä*.¹

Несколько замечаний о последовательности возникновения и отпадения гласных в конце слова в праприбалтийско-финском языке. Изменения качества гласных в конце слова дальше первого слога и их отпадение, как известно, происходили еще в праприбалтийско-финском языке. Но это касается только древнейшего слоя гласных конца слога (*a, ä, e*). Гласный звук *e* в конце периода праприбалтийско-финской общности стал переходить в *i* в конце двусложных слов и отпадать в конце многосложных. Первоначальная закономерность сохранения, отпадения и перехода *e* в *i* была иная: *e* переходило в *i* в конце четносложных слов и отпадало в конце нечетносложных.

Развитие *a, ä* в конце слова в праприбалтийско-финском языке в некоторой степени было сходным с развитием *e* в таком же положении (переход *a, ä* в *i* и *e* в *i*, отпадение *a, ä* через промежуточные ступени в таких же позициях, как и *e*). Но развитие *a, ä* в конце слова было более сложным, чем развитие *e*. В частности, в науке высказывается мысль о восстановлении *a, ä* во многих случаях в эпоху праприбалтийско-финской языковой общности. Это восстановление *a, ä*, вероятно, касается и тех говоров или наречий праприбалтийско-финского языка, которые дали начало вепсскому языку.

Если в эпоху праприбалтийско-финской языковой общности в указанных выше фонетических позициях отпали гласные древнейшего слоя конца слова *a, ä*, то это отпадение гласных в вепсском языке распространилось на все многосложные и двусложные слова с долгим или закрытым первым слогом. Этим было завершено в вепсском языке отпадение гласных *a, ä*.

Отпадение *a, ä* в таком положении было первым нарушением общеприбалтийско-финской закономерности отпадения и изменения конечных гласных. Вместе с тем это являлось также продолжением и завершением отпадения *a, ä* в вепсском языке. Полагают, как мы уже отметили, что гласные *a, ä* в вепсском языке отпали через промежуточную ступень.

Это предположение построено на том, что в прибалтийско-финских языках *a, ä* в определенных позициях отпали не непосредственно, а через промежуточную ступень: сперва переход *a, ä* в *i*, а затем его отпадение. Возможно, что это так. Но весьма вероятно и то, что нарушение первоначальной закономерности сохранения гласных *a, ä* привело также и к нарушению первоначальной закономерности и последовательности их отпадения через промежуточную ступень.

Очевидно, таким же образом, как и в вепсском языке, было завершено отпадение *a, ä* в ливвиковском наречии карельского языка, точнее в наречии, которое тогда не входило в состав карельского языка, а являлось, можно полагать, говором вепсского языка. В дальнейшем отпавшие *a, ä* были восстановлены в абсолютном конце слова в виде *u, ü*.

Во всех людиковских говорах карельского языка (в недалеком прошлом говоров вепсского языка) было такое же отпадение *a, ä*, как и в вепсском языке, и только в части этих говоров, довольно поздно, эти отпавшие *a, ä* были восстановлены в виде *e*.

¹ Lauri Kettunen. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet, стр. 16—17.

Но в вепсском языке и людиковских говорах карельского языка, кроме *a, ä* и *e*, происходит также отпадение *i, o, u* и *ö, ü*. В ливвиковских говорах карельского языка эти гласные не отпадают.

Встает вопрос: закономерно ли связывать между собой отпадение гласных *a, ä* в вепсском языке и в части людиковских говоров или переход *a, ä* в *e* в части людиковских говоров и в *u, ü* в ливвиковских говорах, если в последних гласные *i, o, ö* и *u, ü* в конце слова полностью сохраняются, в то время как в вепсском языке и людиковских говорах они отпадают?

Здесь неотпадение гласных в одном случае и их отпадение в другом не исключают возможности рассмотрения развития этих гласных как единого процесса. Дело в том, что гласные *a, ä* и *e* непервого слога слова, с одной стороны, и гласные *i, o, u* в таком же положении — с другой, по своему происхождению восходят к разным периодам, к разным слоям: первые — более древние, последние — более поздние; самыми молодыми являются гласные *ö, ü*. Происхождение рассматриваемых гласных не относится к периоду развития вепсского языка, а является более древним. В том, что различные группы гласных в прибалтийско-финских языках по своему происхождению относятся к разным периодам, в науке нет больших разногласий, хотя по некоторым вопросам их развития имеются расхождения. Интересные мысли о происхождении гласных в прибалтийско-финских языках высказывает Д. В. Бубрих: «Есть одно обстоятельство, которое весьма располагает в пользу возможности позднего происхождения *i, a* и также *o, u* в первых слогах слова. Это обстоятельство не решающее, но весьма веское. Нетрудно видеть, что *i, o, u* ведут себя вообще иначе, чем *a, ä, e*. Они по-разному относятся к гармонии гласных: первые в древнее прибалтийско-финское время стояли вне ее, вторые — ей подчинялись (напомним, что *e* выступало в двух разновидностях: отодвинутой назад и передней). Они по-разному относятся к изменению своего качества, а также к отпадению и выпадению: первые в древнее прибалтийско-финское время были качественно устойчивы, не отпадали и не выпадали, вторые же были качественно неустойчивы, отпадали и выпадали. Наконец, они по-разному укладываются в историческую перспективу: по отношению к первым в части случаев отчетливо выясняется происхождение из звукосочетаний, а по отношению ко вторым ничего в этом роде не выясняется. Первые вообще „крепче“, „массивнее“, а вторые „слабее“, „легче“. Тщетно искать основание этого различия в природе *i, o, u*, с одной стороны, и *a, ä, e* — с другой. Дело складывается так, как если бы первые представляли собою явление одного слоя, позднейшего, а вторые — явление другого слоя, древнейшего»¹. Э. Тункело отпадение гласных связывает с их природой.² Мы полностью разделяем мнение Д. В. Бубриха о последовательности развития гласных в конце слова в прибалтийско-финских языках.

Нам представляется, что в вепсском языке и людиковском наречии карельского языка (или, точнее, в тех говорах вепсского языка, продолжателем которых является людиковское наречие) отпадение *i, o, u*, а также *ö, ü* произошло позднее, чем отпадение *a, ä, e*, т. е. раньше начали отпадать такие гласные, которые в конце слова раньше и возникли, и позже стали отпадать такие гласные, которые в конце слова

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 94.

² E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria.

возникли позже. В пользу такого предположения говорит связанная с *i* палатализация согласных в конце слова. Очень свежи еще следы употребления *i* в конце слова в прошлом вепсского языка. Прямо в непосредственном виде сохраняется в нем палатализация согласных перед отпавшим *i* (для вепсского языка фонетична палатализация согласных перед *i*), например: *suur* ~ *su* < *suuri* 'большой', *peñ* < *peen'i* 'маленький', *huul* ~ *hul* < *huuli* 'губа', *läks* < *läksi* '(он) пошел, отправился' и т. д.

Хотя условия для палатализации уже перестали существовать, но эти слова не смешиваются со словами, в которых палатализация и не могла возникнуть, и, наоборот, слова без палатализации не смешиваются со словами с палатализацией, связанной с *i*: *por* (< *poori*) 'молодой' и *por* (< *poora*) 'веревка', *suimad* (< *suur'imad*) 'крупы' и *surmad* (< *surmad*) 'смерти', *hul* (< *huuli*) 'губа' и *hul* (< *hula*) 'горячий' и т. д.

Языковые факты ливвиковских говоров карельского языка также не противоречат высказанной нами мысли о последовательности отпадения в вепсском языке конечных гласных разных слоев. В указанных говорах не отпадают и не изменяют своего качества гласные более поздних слоев. Например: *üksi* 'один', *kaksi* 'два', *nuori* 'молодой', *ambari* 'амбар', *kehveli* ругательн. слово 'черт', *verkko* 'сеть', *halgo* 'полено', *hurbilo* 'кромка ткани', *höstö* 'навоз', *kerähmö* 'сходка, собрание', *hüppü* 'бег вскачь', *hurattšu* 'левша' и т. д.

Очевидно, те говоры вепсского языка, которые принимали участие в образовании ливвиковского наречия карельского языка, отделились от вепсского еще в тот период, когда и в вепсском языке гласные более поздних слоев конца слова *i*, *o*, *u*, *ö*, *ü* еще не отпали.

Ливвиковское и людиковское наречия, отколовшись от вепсского языка (сперва ливвиковское, а затем, довольно поздно, людиковское); и собственно карельские наречия стали на путь такой тесной консолидации, что стали наречиями одного языка — карельского, с южнокарельскими (ливвиковским и людиковским) и собственно карельскими наречиями. Возможно, что собственно карельские наречия и задержали дальнейший процесс отпадения гласных более поздних слоев в ливвиковских говорах.

М. И. ЗАЙЦЕВА

О НЕКОТОРЫХ СУФФИКСАХ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ

Вепсский язык богат средствами словообразования. Для него, как и для других финно-угорских языков, характерны морфологический, синтаксический и семантический способы образования новых слов. Основным морфологическим способом образования глаголов является суффиксальное словообразование. Префиксальное глаголообразование в вепсском языке отсутствует. Имеется только несколько заимствованных из русского языка префиксов, которые почти не участвуют в словообразовании.

Вепсский язык отличается обилием глаголообразовательных суффиксов и многообразием их сочетаний, передающих иногда тончайшие оттенки значения глаголов. В данной статье рассматриваются некоторые из суффиксов, выражающих многократность действия.

Суффикс *-ele(-le-)*¹

Основное значение суффикса *-ele(-le-)* и его оморфем — выражение многократности действия (глаголы, образованные с помощью суффикса *-ele(-le-)*, иногда могут иметь также оттенок значения длительного действия).² Примеры: сев. *pidele-*, инф. *pidelta* 'держат' (многокр.) от *pidada* 'держат'; сев. *katsle-*, инф. *katselta* 'смотрят' (многокр.) от *kaista* 'смотреть'; сред. *valele-*, инф. *valelda* 'выливать' (многокр.) от *valada* 'вылить'; сред. *vedele-*, инф. *vedelta* 'водят' (многокр.) от *veda* 'вести'.

Л. Кеттунен в своей работе по синтаксису вепсского языка приводит два примера, в которых, по его мнению, образованы многократные глаголы с взаимно-возвратным значением (без возвратной частицы): *Ozr jo tühkale lähtleb, pigai ehtib* (VMLT, 434) 'Ячмень уже в колос выходит, скоро созреет'.³ Правда, тут же автор оговаривается, что возвратное значение в этих глаголах сомнительно. Мы же считаем, что в приведенных глаголах совершенно нет взаимно-возвратного значения.

В вепсском языке, действительно, имеется целый ряд глаголов, образованных с помощью суффикса *-ele(-le-)*, в которых комбинаторно со значением многократности действия имеется возвратное значение. Однако

¹ Здесь и в дальнейшем ограничимся указанием на один вариант суффикса, не перечисляя его оморфемы (*-ele-*, *-le-*, *-el'e-*, *-le-*). В форме *-ele(-le-)* суффикс выступает в северном диалекте вепсского языка. Относительно вариантов данного суффикса см.: Е. А. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria (VKÄH), Helsinki, 1946, стр. 421, 430, 435—436.

² Примеры даются из разных диалектов вепсского языка. Условные сокращения перед примерами означают: сев. — северный диалект, южн. — южный, сред. — средний. Примеры, в которых отсутствует указание на источник, собраны автором во время экспедиций в 1959 и 1960 гг.

³ Lauri Kettunen. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus (VMLT), Helsinki, 1943, стр. 434 (примеры даются в упрощенной транскрипции: долгие гласные обозначаются двумя одинаковыми буквами; не обозначаются отодвинутые назад и передвинутые вперед гласные и др.).

ко всем этим глаголам присоединяется возвратная частица (-ze-, -zei-, -zhe- и т. п.),¹ без которой глагол имеет значение чисто многократного действия. Например: сев. *lämbiteläzä pätsinnu* 'греться около печки' от *lämbiteläda* 'греть' (многокр.), *lämbitadä* 'греть'; сев. (*Koir*) *vereteleze laual* 'собака' валяется на полу' от *vereteläda* 'валять' (многокр.), от *veretada* 'свалить'; сев. *pideltaze* 'держаться (за что-либо)' *pidelta* 'держат' (многокр.) от *pidada* 'держат'; сев. *huikteltaze* 'стыдиться' от *huiktelta* 'стыдит', от *huiged* 'стыдно'. С другой стороны, в отдельных возвратных глаголах с суффиксом -ele(-le-) иногда значение многократности может быть частично затемненным: (*en*) *vijinu pideltaze i langsin* 'не смог(ла) удержаться и упал(а)'.

Глаголы с возвратно-многократной семантикой имеются и в других прибалтийско-финских языках. Например: финск. *lämmittelä* 'согреться', от *lämmittä* 'греть'; *lähennellä* 'сближаться, приближаться' от *lähentää* 'приближать'; эст. *kiitlema* 'хвастать(ся)' от *kiitma* 'хвалить', *visklemä* 'метаться' от *viskama* 'бросать'.

Кроме того, в вепском языке некоторые глаголы с суффиксом многократности -ele(-le-) употребляются иногда при выражении однократного действия. Параллельно может употребляться и форма без -ele(-le-). Например: *Mams se küzeleb* (или *Mams i möst küzüi*): „Äjik uk pordhäst'?" (NVM, 32)² 'Старуха-то спросила (или спрашивает): „Старик, сколько ступенек?"; *Neitsukaine vastoili, pezefii lapsuziid* (NVM, 23) 'Девочка напарила (веником), вымыла детушек'; *Möst miñä dumaiiin...* (*nu, mina itselein dumaiin*) 'Опять я думала... (ну, я про себя подумала)'. Однако в некоторых говорах употребляется только форма с многократным -ele(-le-), например: *Mujel, ka hän ii krätäde* (NVM, 8) 'Потрогал, так он не сдвигается с места'; *Tahtel kirfhel painda* (NVM, 14) 'Хотел топором ударить'.

Необходимо отметить, что в вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, имеются глаголы, в которых значение многократности почти, а в некоторых случаях и полностью, исчезло. Например: вепск. *ombelta* 'шить', *kundelta* 'слушать', *ajeltaze lidnha* 'съездить в город'; финск. *ommella* 'шить', *uskotella* 'уверять'; эст. *õelda* 'сказать', *sõitlema* 'ругать, выругать'; водск. *jutella* 'оказать'; ливск. *vodlob* 'ждет'.

Иногда у глаголов с многократным суффиксом -ele(-le-) может быть оттенок значения некоторой неопределенности. В этом случае может подразумеваться как однократное, так и многократное действие. Например: сред. *ostlen pertin* 'покупаю, хочу купить дом' от *ostan* 'покупаю, куплю'; сред. *andlin kazile maidod, da ii sö* 'дала (= давала) кошке молока, да не ест' от *andjin* 'дала'.

Глаголы, образованные с помощью суффикса -ele(-le-), имеют оттенок значения деминутивности, ибо многократность иногда раздробленных действий есть не что иное, как повторение многихкратно длящихся действий. Таким образом, эти глаголы находятся в тесной зависимости от производных с чисто деминутивным значением. На этом основании суффиксы -ele(-le-), а также -i(-j-) сравниваются с деминутивными суффиксами *-l- и *-i- (< *-j-).³

¹ Относительно фонетических вариантов возвратной частицы см.: Е. А. Тупе-Кело, ВКАН, стр. 104, 105, 238, 290, 394.

² Lauri Kettunen ja P. Siro. Näytteitä vepsän murteista (NVM), Helsinki, 1935.

³ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка (РСФЯ), ч. 1. М., 1953, стр. 245.

Венгерский ученый Ё. Дёрке в своей работе, посвященной истории первичных словообразовательных суффиксов,¹ такое предположение подкрепляет примерами из уральских языков, где один и тот же глагольный суффикс наряду со значением *verbum frequentativum* может иметь также значение *verbum deminutivum*. Более того, Ё. Дёрке предполагает, что некогда существовала определенная группа чисто деминутивных глаголов, из которых впоследствии образовались две побочные группы: деминутивно-фреквентативные и деминутивно-моментативные глаголы. С течением времени затемняется значение деминутивности, и таким путем из деминутивно-фреквентативных глаголов образуются континуативные, итеративные и др., а из деминутивно-моментативных — чисто моментативные.

С помощью суффикса -ele(-le-) в вепском языке образуются многократные глаголы как от основы непроизводного глагола, так и производного (на -ta, -hta, -sta и т. д.). При этом гласный производящей основы (a, ä, o, u, ü) выпадает перед суффиксом -ele(-le-). Например: сев. *küzele-* 'спрашивать' от *küzu-* 'спросить', сев. *ajele-* 'ездить' от *aja-* 'ехать', сев. *döksele-* 'бегать' от *dökse-* 'бежать', сев. *laindele-* 'глотать' от *lainda-* 'проглотить'.

Если производящая основа оканчивается на i (в глаголах с суффиксом -i- многократного-длительного действия), то суффикс -i- выпадает перед суффиксом -ele(-le-), который, в свою очередь, выступает в форме -le-. Например: сев. *pihkke-* 'вытирать' от *pihki-*, сев. *lükke-* 'бросать' от *lükki-*, сев. *kokke-* 'клевать' от *koki-*, сев. *tätsle-* 'бросать, кидать' от *tätsi-*.

В некоторых говорах вепского языка суффикс -ele(-le-) может присоединяться к односложным глаголам на гласный. Например: южн. *jolooda* (< *jolelda*) 'пить' (многокр.), *joda* 'пить'; южн. *sölooda* (< *sölelda*) 'есть' (многокр.), *söda* 'есть'.

На этот случай образования глаголов со значением многократности действия указывает Я. Калима,² причем автор исходит только из южного диалекта вепского языка (вероятно, потому, что в то время не имелось записанного языкового материала по куйскому говору среднего диалекта) и оперирует всего лишь тремя глаголами. Ниже приведем еще несколько подобных примеров: южн. сред. *möleb ~ möskendeb* 'продает' (многокр.) от *mödü* 'продавать'; южн. *löleb pätsin* 'делает печь' (многокр.) от *lödü* 'делает'.

Однако многократные глаголы от односложных глаголов на гласный образуются также и в среднем диалекте вепского языка, а именно в его восточном говоре (дер. Куя Шольского района Вологодской области), например: сред. *gölor*, инф. *gölojda* ($\mu < \lambda$) 'пить' (многокр.) от *göda* 'пить'; сред. *gälör*, инф. *gälöjda* 'оставаться' от *güda* 'остаться'; сред. *salör*, инф. *salöjda* 'доставать, получать' от *sada* 'достать, получить' и т. д.

Такое явление не свойственно северному диалекту вепского языка, а также финскому и эстонскому языкам.

Как видно из примеров, в многократных глаголах на -ele(-le-), образованных от односложных глаголов на гласный, в форме инфинитива, кроме суффикса многократности, элемент l (λ) выступает и в начале второго слога. Например: *salöjda, salooda* (< *salelda*) 'получать'.

¹ J. Györke. Die Wortbildungslehre des Uralischen (primäre Bildungssuffixe) (WUPB). Tartu, 1935, стр. 84—85.

² J. Kalima. Eräistä etelä-vepsäläisistä frekventatiiviverbeistä. „Virittäjä“, 1926, стр. 42—43.

(многokr.) от *sa-* (инф. *sada*); *joluuda*, *jolooda* (<*jolelda*) 'пить' (многokr.) от *jo-* (инф. *joda*).

Этот *l* (л) появляется также и в глаголах с однократно-мгновенным значением, образованных с суффиксом *-aada* ~ *auda* (<*-alda*): южн. *sölaada*, сред. *sölauda* (*sölaalda*) 'съесть' (однокр.-мгн.) от *sö-* (инф. *söda*); южн. *jolaada*, сред. *jolauda* (<*jolaalda*) 'выпить' (однокр.-мгн.) от *jo-* (инф. *joda*).

Я. Калима связывает происхождение этого *l* с суффиксом финского языка *-lis*, образующим два отглагольных существительных от односложных глаголов на гласный (*saalis* 'добыча, улов' от *saada* 'получить', *vielis* 'дары, уносимые при уходе', от *viedä* 'уносить') и *-las* (*saalas* 'новорожденный ребенок', *suulas* 'разговорчивый, болтливый')¹.

Более убедительным, на наш взгляд, кажется объяснение, данное Л. Кеттуненом,² по мнению которого многократные глаголы от односложных основ образовались по аналогии с многосложными. Например, *salen* 'достаю' (многokr.), *jolen* 'получаю' (многokr.) образовались по аналогии с *andlen* 'даю' (многokr.), *magadelen* 'сплю' (многokr.). Формы инфинитива *salooda* 'доставать' (многokr.), *jolooda* 'пить' (многokr.) образовались опять-таки по аналогии с многосложными глаголами *andooda*, *magadooda*. Таким образом, инфинитив многократных глаголов, образованных от односложных глаголов на гласный, стал содержать два *l*-овых суффикса многократности.

В глаголах с однократно-мгновенным значением это „лишнее“ *l* может выступать по аналогии, например, с глаголом *kävooda*³ 'ходить, сходить', частично потерявшим значение многократности. От него образуется глагол с однократно-мгновенным значением *kävüüda* (<*kävüalda*) 'сходи' (однокр.-мгн.) и по аналогии с ним — *tolaada* (<*tolalda*) 'принеси' (однокр.-мгн.), *velaada* (<*velalda*) 'отнести' (однокр.-мгн.) и т. д.

Вообще необходимо отметить, что в южном диалекте вепского языка суффикс *-ele(-le-)* более продуктивен, чем в других диалектах. С суффиксом *-ele(-le-)* образуются, например, такие многократные глаголы, как южн. *nägileb* 'виднеется' (многokr.) от *nägi-* 'виднеться', южн. *kulileb* 'слышится' (многokr.) от *kuli-* 'слышаться', южн. *tuleleb* 'приходит' от *tule-* 'прийти', южн. *ololen tijaa* 'бываю у вас' от *olen*, инф. *olda* 'быть', что совершенно необычно для других диалектов вепского языка. Несвойственно такое образование многократных глаголов также и другим прибалтийско-финским языкам.

Суффикс *-ele(-le-)* в вепском языке очень часто входит в сочетания суффиксов, которые передают различные оттенки значения многократных глаголов. Ниже приведем несколько таких сочетаний.

1. *-skele-* (состоит из *-sk+ele-*). Суффикс *-sk-* также многократного действия и в современном вепском языке, как и в финском,⁴ встречается только в сочетании с другими суффиксами: *-ele-*, *-endele-* и т. д. Таким образом, здесь плеонастическое сочетание двух отглагольных суффиксов с многократным значением. Например: сев. *lähteskelen* ~ *lähtlän* 'ухожу' (многokr.) от *lähten* 'ухожу', сев. *söskelen* ~ южн. сред. *sölen*, *säskenden* 'ем' (многokr.) от *söda* 'есть', сев. *möskelen* ~ южн. сред. *mölen*, *möskenden* 'продаю' (многokr.) от *möda* 'продать' сев. *katsuskelen* ~ *katslän* 'смотрю' (многokr.) от *katsu-* 'смотреть'.

¹ Там же, стр. 43.

² L. Kettunen. Yksitavuisten frekventatiivi- ja momentaaniverbien *-l-* etelävep-sässä. "Virittäjä", 1926, стр. 183—184.

³ Там же, стр. 184.

⁴ А. Хакулинен, РСФЯ, ч. I, стр. 249.

Глаголы на *-skele-* имеют также значение многократного действия, но действия, повторяющегося с перерывами.

2. *-ndele-* состоит из *-nd+ele-*. Как и суффикс *-sk-*, *-nd-* выступает обычно в сочетании с другими суффиксами [*-ele-*, *-ske(nd)ele-*, *-sk-*]. Например: сев. *döksendelen* 'бегаю' (многokr.) от *döksen* 'бегу', сев. *oksendelen* 'меня тошнит, рвет' (многokr.) от *oksendan* 'меня тошнит, рвет'.

3. *-skendele-*, составные элементы: *-sk(e)+nd+ele-*. Например: сред. *gäskendolop* 'остаётся' (многokr.), сред. *söskendelop* ~ *söskendop* 'ест' (многokr.), сред. *möskendeleb* ~ *möskendeb* 'продает' (многokr.).

Подобные сочетания суффиксов существуют и в финском языке.

Иногда же образуются такие сочетания суффиксов с многократным значением, в которых может повторяться дважды один и тот же суффикс (иногда видоизмененно). Например:

4. *-eleskele-* [*-(e)le+sk+ele-*]: сев. *tatsleskele-* 'бросать', от *tatsi* 'бросить', сев. *ofleskele-* 'брать' от *ota-* 'взять'.

5. *-tleskele-* [*-ta+(e)le+sk+ele-*]: сев. *sötleskelen-* 'кормить' (многokr.) от *söta-* 'кормить', сев. *pezeteleskelen-* 'мыть, умывать кого-либо' (многokr.) от *peze-* 'мыть, умыть кого-либо', сев. *dötleskelen-* (многokr.) от *döta-* 'поить'.

6. *-teleskende-* [*-ta+(e)le+sk(e)+nd(e)-*]: сред. *sötloskende-* 'кормить' (многokr.) от *söta-* 'кормить', сред. *götloskende-* 'поить' (многokr.) от *göta-* '(на)поить'.

7. *-teskele-* [*-ta+sk+ele-*]: *tartufeskele-* 'прикреплять' от *tartu-* 'прикрепить', *perdufeskele-* 'возвращать' от *perduta-* 'возвратить'.

Такие сочетания суффиксов передают многократное действие, происходящее время от времени, иногда с более длительными перерывами. В других прибалтийско-финских языках подобные сочетания не встречаются.

Элемент суффикса *l* по своему происхождению восходит к уральскому **l*¹ отглагольных многократных глаголов или к финно-угорскому **l* многократных глаголов.²

С тем же значением, что и в вепском языке, суффикс с элементом *l* (<**l*) имеет соответствия и в других родственных языках. Приведем некоторые примеры: мрд. *кант-л-е-мс* 'носить' от *кандомс* 'нести', *кунтлемс* 'ловить' от *кундамс* 'поймать, задержать; взяться';³ мар. *уэмдылаш* 'обновлять' от *уэмдаш* 'обновить', *колтылаш* 'посылать' от *колташ* 'послать';⁴ коми (с деинутивным или деинутивно-многократным значением) *korsly-* 'искать; попытаться' от *kors* 'искать'; *kutly-* 'держат, содержать' от *kut-* 'держат'; хант. *-l-* суффикс многократности (в сочетании с суффиксом многократности *-i-*): *xolui-* 'часто слышать' от *xol-* 'слышать'.⁵

Суффикс *-i-*

С помощью суффикса *-i-* в вепском языке образуются глаголы как от глагольных основ, так и от других частей речи. И в том и другом

¹ T. Lehtisalo. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe (PUAS). Helsinki, 1936, стр. 171.

² J. Szinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. (FUS). Leipzig, 1910, стр. 124.

³ V. Hallar. Verbaaltuletussufiksidi mordva keeltes (ühismordva keeltes esine-nud sufiksidi). Канд. дисс. Tartu, 1956, стр. 384.

⁴ И. Галкин. Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке. Канд. дисс. Тарту, 1956, стр. 107.

⁵ T. Lehtisalo, PUAS, стр. 174.

случае *i*-овые производные глаголы выражают многократность или длительность действия.

Примеры на отглагольные глаголы с суффиксом *-i-*: сев. *lükki-*, инф. *lükta* 'бросать' (ср. *lückeida* 'бросить'), сев. *hüppi-*, инф. *hüpta* 'прыгать' (ср. *hüppästäda ~ hüppähtada* 'прыгнуть'), сев. *potki-*, инф. *potkta* 'лягать' (ср. *potkeida* 'лягнуть'), сев. *eſi-*, инф. *eſta* 'искать' (длительное время), ср. *etsle-* 'искать' (многокр.).

Иногда глаголы с суффиксом *-i-* распознаются как производные только в сопоставлении с другими производными глаголами того же корня (но образованными с помощью суффиксов мгновенно-однократного действия *-hta*, *-alda*, *-aida* или многократного действия *-ele-*), с которым *i*-овые глаголы находятся в сопоставительной словообразовательной связи.

Относить же эти глаголы к произведенным при помощи суффикса *-i-* позволяет тот факт, что в основе непроизводного слова далее первого слога из гласных в них выступали вначале, по-видимому, лишь *a*, *ä*, или *e*. Все прочие гласные, в том числе и *i*, являются более поздними, образовавшимися в результате каких-либо фонетических изменений или в результате включения в словообразовательные суффиксы и в падежные окончания.¹ На этом основании сюда относятся такие глаголы на *-i*, корневые слова которых в настоящее время находятся с трудом. Некоторые из глаголов этой группы являются общими для большинства прибалтийско-финских языков. Например: вепсск. *kozita*, финск. *kosia*, эст. *kosima* 'сватать' и др.

Примеры на отыменные глаголы с суффиксом *-i-*: сев. *näpi-*, инф. *närta* 'шипать' от *när* 'шепотка', сев. *koki-*, инф. *kokta* 'клевать' от *kok* 'клюв'; сев. *hengi-*, инф. *heŋkta* 'дышать' от *heŋg* 'душа', южн. *notoin*, сред. *notoin*, инф. *notoida* 'ловить неводом рыбу' от *not* 'невод'; южн. *segloin* ~ сред. *segloin*, сев. *seglin* 'просеиваю' от *segl* 'сито, решето'.

В некоторых приведенных отыменных глаголах (а также в отдельных отглагольных глаголах, например *tahtoida*, *tahtida* 'хотеть, желать', сред. *katkoida*, сев. *katkida* 'ломать, разламывать' и др.) формой суффикса является *-oi ~ -ei ~ -oo ~ -ii ~ -i-*,² где *-i-* — суффикс многократно-длительного действия; *-o ~ -e ~ -i* представляет собой замену конечного *-a* основы корневого слова (*-ai > -oi ~ -ei ~ -oo ~ -ii ~ -i*).

Большинство из указанных глаголов образованы от двусложных имен с основой на *a*, *ä*. Например: сред. *segloida*, сев. *segliida* 'просеивать [через сито]' от *segla-* 'сито, решето', сред. *notoida* 'ловить неводом рыбу' от *nota-* 'невод'.

Тоже встречается и в трехсложных производных (например, *haravoi-* 'грести [сено]' от *harava* 'грабли').

В других же случаях гласный основы корневого слова слился с суффиксом *-i-* (*-ai > *ei > -i-*). Например: *muna > *munai > munei > muni-* 'нести [о курах]'.³

Суффикс *-i-* выступает в качестве компонента в сложном суффиксе *-ki-*, образующем глаголы со значением многократного действия. Например: *ahkida ~ ähkida* (< *ahl ~ ähl*) 'ахать', *ohkida ~ öhkida* (< *ohl ~ öhl*) 'охать', *kenak sigaa ohkitab*, 'кто там охает?' ср. *Tervaskant se ohkahtap* (NE, 47)³ 'Пень-то охает' *Lambhad bökitas, lehmäd möuktas* (VMLT, 59) 'Овцы блеют, коровы мычат'.

¹ Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. I, стр. 43.

² Е. А. Тункело, ВКАН, стр. 785.

³ L. Kettunen. Näytteitä etelävepsistä, I—II (NE). Helsinki, 1920.

Первым компонентом суффикса является *-k(g) < *ka* (а возможно и **kka*), с помощью которого образуются глаголы описательно-звукоподражательного характера. Этот суффикс в настоящее время встречается только в сочетании с другими словообразовательными суффиксами (*-u-*, *-ahta-*, *-aida*). Например: сев. *-ku(-gu): viŋgu-* 'пищать', *möugu-* 'пищать', *raigu-* 'мычать'; сев. *-kaida: buhkaida-* 'бухнуть', *puhkaida* 'проткнуть'; сев. *-kahta: bukkahta-* 'бухнуть', *plakkahta-* 'шлепнуть'.

Основой для образования этих глаголов является или звукоподражательное междометие, или корень слова, обозначающего звуки явлений природы, или звуки, издаваемые человеком или животным, и т. п. Так, например, глаголы с суффиксом *-ki(-gi-)* в вепсском языке образованы от междометий: *ohkib* (< *ohl oh!*) 'охает', *bökitas* (< *böl bö!*) 'блеять' и т. д.

Соответствия глаголам с суффиксом *-ki(-gi-)* с описательно-звукоподражательным значением находим также и в других прибалтийско-финских языках, например:

Финск.	Эст.	
<i>ähkiä</i>	<i>ähkima</i>	'кряхтеть'
<i>röhkä</i>	<i>röhkima</i>	'хрюкать'
<i>puhkia</i>	<i>puhkima</i>	'пыхтеть'

В эстонском языке имеется большая группа звукоподражательно-описательных глаголов с многократным значением, образованных с помощью суффикса *-i-*.¹ Вероятно, эти глаголы более позднего происхождения, ибо только небольшая часть из приведенных в работе Х. Рятсепа глаголов имеет соответствия в финском языке. В вепсском же языке не удалось найти соответствий эстонским глаголам, кроме приведенных выше отдельных многократных глаголов с суффиксом *-ki(-gi-)*.

В вепсском языке есть небольшая группа отыменных глаголов, образованных с помощью сложного суффикса *-ti-*, состоящего из суффикса *-ta-* причинительных или понудительных глаголов и суффикса многократного действия *-i-*. Суффикс присоединяется обычно к именам на *-eh*, образуя глаголы со значением многократного или длительного действия. Примеры: южн. сред. *märehtida* 'жевать (жвачку)' от *märeht* 'жвачка', (*gärf*) *lainehtib* 'озеро волнуется' от *laineh* 'волна', ср. *lainištab* < *lainiz*; *rugiz kärmehtib* 'рожь цветет' от *kärmeh* 'пыльца ржи во время цветения'; *roudeižil vandhil küski vandehtta* (NVM, 55) 'Велел приделать железные обручи (досл. заставил обручить)' от *vandeh* 'обруч'; сред. *kiruhtib* 'спешит' от *kiruh* 'спешка'.

Соответствия глаголам с суффиксом *-(eh)ti-* имеются также в карельском и финском языках. Например: кар. *märehti-* 'жевать', *kajehti-* 'завидовать';² финск. *lainehtia* 'волноваться', *tervehitiä* 'приветствовать'.

i-овый суффикс выступает первым компонентом также в сложных суффиксах *-itše* и *-iže*.³ Например: *haravoitšēn*, инф. *haravoida* 'грести (сено)' от *harav* 'грабли'; (*Mamš*) *satootšēb* (*heenān*) (NE, II, 134) '(Старуха) стогует (сено)'; (*Ema*) *kartootšē* (NE, II, 121) '(Не будем) играть

¹ H. Rätsep. *i-sufiksillistest verbidest eesti keeles*. „Emakeele Seltsi Aastaraamat“, II, Tallinn, 1956, стр. 74—89.

² A. Genetz. *Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Kielennäytteitä, sanakirja ja kielioppi*, „Suomi“, 14. osa, Helsinki, 1881, стр. 211.

³ Также в эстонском языке суффикс *-i-* выступает первым компонентом сложного суффикса *-itše*. См.: H. Rätsep. *i-sufiksillistest verbidest eesti keeles*. „Emakeele Seltsi Aastaraamat“, II, Tallinn, 1956, стр. 88.

в карты' от *karta-* 'карта'; южн. *jurīžep* 'гремит' от *jurū-* 'гром'; южн. (*korviš*) *hogīžeb* '(в ушах) шумит'.

В вепском языке иногда параллельно с глаголами на *-itše-* существуют синонимичные глаголы на *-i-*; в большинстве случаев *i-*овым производным среднего и южного диалекта соответствуют производные на *-itše-* в северном диалекте: сред. *arboib* ~ сев. *arbīitšeb*, инф. сред. *arboida* 'гадать' от *arb* 'жребий'; южн. *abidib* ~ сев. *abidīitšeb*, инф. *abidoita* 'обижать' от *abid* 'обида'.

В мордовском языке имеются суффиксы *-na-*, *-ña-*, *-ñä-* и др. ($n < n$ или $ñ$), с помощью которых образуются описательные глаголы (длительного действия), а также сложный суффикс *-ñše* (где $še < *tš$), образующий глаголы с многократно-длительным значением, например *кp|наме, -нась* 'храпеть' *кpно|семс, -сесь* (многокр.).¹ Суффикс *-ñše-*, по всей вероятности, является соответствием суффиксу *-its(e)- is(e)*: (вепск. *-itše-, -iže-*), который в большинстве прибалтийско-финских языков образует в основном описательно-звукоподражательные глаголы.

Таким образом, *-i-* (в *-itše-, -iže-*), исторически восходящий к *-ñ* (или $ñ$),² является суффиксом, который в настоящее время входит в *-itše-, -iže-* как первый компонент сложного суффикса. Второй компонент *-is(e), -ž(e) < *tš*.³

*i-*овый суффикс многократного действия как первый компонент сложного суффикса представлен также в каузативном глаголообразовательном суффиксе *-ita-* (*-i-+ta-*). Чаще всего параллельно существуют (иногда синонимичные) глаголы с суффиксом *-i-* и *-ita-*. Например: сев. *kořitada* ~ *koři-*, инф. *kořda* 'очищать от шелухи, коры' от *kore-* 'кора'; сев. *keņgitada* 'обуть (кого-либо)' от *keņgi-*, инф. *keņkta* 'обуть' от *keņga-* 'обувь'; сред., сев. *rebitada* 'порвать', ср. финск. *repä* (*repäistä*) 'порвать'; южн. *korvitada* 'при плетении лаптей привязывать ушки, веревочки' от *korva-* 'ухо'; южн. *hūpitada* 'дать ребенку подпрыгивать' от *hūpi-*, инф. *hūpta* 'прыгать'.

Что касается происхождения *i-*ового суффикса, то необходимо исходить из двух различных финно-угорских *i-*овых суффиксов, восходящих к отыменному **-i-* или **-j-* и отглагольному **-i-* или **-j-* многократных глаголов.⁴

Суффикс со значением многократности или длительности действия находит соответствия и в дальних родственных языках. Приведем несколько примеров: мар. *шуяш* (*яш=й+аш*) 'удлинять, надставлять', ср. *шуан* 'достать, достигать'; *йытыраш* 'чистить' от *йытыра* 'чистый'; морд. *тостяемс* 'толкать', ср. *тостядемс* 'толкнуть'; удм. *золъ-яны* 'натягивать', ср. *золтыны* 'натянуть'.

В современном вепском языке суффикс *-i-* непродуктивен. Из-за отсутствия древних письменных памятников вепского языка нет возможности судить о былой продуктивности или непродуктивности того или иного глаголообразовательного суффикса, в том числе и суффикса *-i-*.

¹ V. Hallap. Mordva keelte verbaaltuletussufiksitate vasteid lähemates sugulaskeeltes. „Emakeele Seltsi Aastaraamat“, I, 1955, стр. 171—181.

² Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 83—85; E. N. Setälä. Ueber die Bildungselemente des finnischen suffixes *-ise (-inen)*. „Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja“, III, Helsinki, 1881, стр. 134; Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. 1, стр. 243.

³ T. Lehtisalo, PUAS, стр. 218—222.

⁴ T. Lehtisalo, PUAS, стр. 66, 79; J. Szinnyei, FUS, стр. 124; J. Györke, WUPB, стр. 32, 35.

М. И. МУЛЛОНИН

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ И ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о структурных типах предложения в финском языке недостаточно разработан в лингвистической науке. В частности, мало внимания уделено проблеме односоставных предложений. В существующих грамматиках финского языка¹ нет четкого разграничения различных типов односоставных предложений, не выяснены их структурные и семантические особенности. В грамматике Э. Н. Сетяля, например, нет специального раздела, который был бы посвящен односоставным предложениям. О них говорится лишь в разделе „Выражение главных членов предложения“. Указывается, что в предложении нет субъекта, если предикатом является одноличный или однолично употребленный глагол, а также глагол в форме пассива.

В школьной грамматике У. Туурала односоставные предложения разделяются на бессубъектные предложения и предложения, в которых субъект является неопределенным. Автор указывает, что для выражения неопределенности субъекта в финском языке употребляются: 1) пассивные формы глагола, 2) 3-е л. ед. ч. актива, 3) 2-е л. ед. ч. актива и 4) 3-е л. мн. ч. актива. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения им совершенно не разграничиваются. И те и другие относятся к типу предложений, в которых субъект является неопределенным. Назывные предложения он относит к неполным. Односоставные предложения, сказуемое которых выражено глаголом 3-го л. ед. ч., Туурала относит к типу предложений, в которых субъект является неопределенным. Например: *Häntä ei mitenkään olisi voinut luulla niin voimakkaaksi* 'Никак нельзя было подумать, что он такой сильный' (стр. 45). Выше, на стр. 16, автор относит их к бессубъектным, когда приводит такой пример бессубъектного предложения: *Hänen sanoihinsa ei voinut luottaa* 'На его слова нельзя было полагаться'.

Почти так же, как у Туурала, трактуются односоставные предложения в грамматике А. Кирьянен и А. Морозовой, с той лишь разницей, что в последней назывные предложения (*otsikkolauseet*) отделены от неполных и выделены в отдельную группу.

В научной литературе этот вопрос также не нашел пока достаточного освещения. Рассмотрению одноличных глаголов и глагольных конструкций посвящены статьи М. Айрила „Yksipersonaisesti käytetyt verbit“ („Однолично употребленные глаголы“) и А. Пенттиля „Ns. yksipersonaisista verbeistä“ („О так называемых одноличных глаголах“),

¹ E. N. Setälä. Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1952; M. Airila. Suomen kielen lauseoppi oppikouluille. Porvoo-Helsinki, 1953; U. Tuurala. Suomen kielen kielioppi. II osa. Petroskoi, 1950; A. Kirjanen, A. Morozova. Suomen kielen kielioppi. II osa. Petroskoi, 1955.

² Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, № 58, Helsinki, 1928, стр. 1.

³ „Virittäjä“, 1954, стр. 97.

а также раздел „Одноличные глагольные конструкции“ в книге Л. Хакулинен.¹ В них приведены многочисленные примеры одноличных глагольных конструкций, среди которых имеются как безличные, так и неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. Интересные замечания относительно субъекта действия при одноличных и однолично употребленных глаголах имеются в вышеуказанной статье Пенттиля. В ней впервые делается попытка разграничить конструкции с неопределенным субъектом и конструкции, в которых субъект действия мыслится обобщенно.

В академической „Грамматике финского языка“ А. Пенттиля² исходным пунктом синтаксического анализа является словосочетание, а не предложение, поэтому типы простых предложений в ней не рассматриваются. Однако множество примеров глагольных односоставных предложений приводится в связи с рассмотрением вопроса о функциях личных и пассивных форм глагола, а также при разборе некоторых типов словосочетаний. Все же четкой классификации односоставных предложений в финском языке, их характеристики, определения отдельных их разновидностей в лингвистической литературе пока не имеется. Понятия „обобщенно-личные предложения“ в финской грамматике до последнего времени вообще не существовало. Поэтому для обозначения этого типа предложений нет еще и специального термина. Правда, Пенттиля вводит термин „обобщенно-неопределенно-личные выражения“ (*yleisesti eράmääräispersoonaiset ilmaukset*),³ которым он обозначает конструкции с глаголом в форме 3-го л. ед. ч., где субъект мыслится обобщенно. Но этот термин пока еще не закрепился за всеми обобщенно-личными предложениями.

Односоставными называются предложения, имеющие один главный член, который с точки зрения структуры и семантики предложения не требует второго главного члена.

Односоставные предложения финского языка можно разделить на два основных структурных типа: именные (*nominaaliset*) и глагольные (*verbaaliset*), — в зависимости от того, участвует ли глагол в выражении главного члена или нет.

В глагольных односоставных предложениях главный член может быть выражен либо самостоятельным глаголом, либо вспомогательным глаголом в сочетании с именной частью главного члена. При этом нет главного члена, напоминающего подлежащее, субъект либо не мыслится вовсе, либо мыслится как неопределенное или обобщенное лицо. В зависимости от того, как мыслится действующее лицо, глагольные односоставные предложения в финском языке можно разделить на неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные.

В данной статье делается попытка разграничить между собой неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения, дать их определение и краткую характеристику.

Неопределенно-личные предложения

Неопределенно-личными назовем такие односоставные предложения, главный член которых выражен так называемой пассивной формой гла-

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка (РСФЯ), ч. II. М., 1955.

² А. Penttilä. Suomen kielioppi. (SK). Porvoo—Helsinki, 1957.

³ Там же, стр. 464.

гола (иногда формой 3-го л. мн. ч.), а действующее лицо является неопределенным. Например: *Petroskoissa rakennetaan paljon uusia asuintaloja* 'В Петрозаводске строят много новых жилых домов'; *Teos on älykkäästi kirjoitettu* 'Произведение написано умно'.

Действие в неопределенно-личном предложении относится к какому-либо лицу, которое в предложении не названо. Действующее лицо устранено из речи, но не устранено из мысли, оно мыслится неопределенно. Причины устранения действующего лица могут быть различны: действующее лицо может быть неизвестно, забыто, или, наоборот, оно известно, но намеренно не называется, так как важно сосредоточить внимание на самом действии, а не на производителе действия. Иногда действующее лицо известно из ситуации, из контекста, поэтому нет необходимости его называть.

Особенностью неопределенно-личных предложений является то, что их главный член выражен „пассивной“ формой глагола. Так называемый пассив финского языка отличается от пассива индоевропейских языков. Это особая одноличная форма глагола, которая во всех временах имеет только одно лицо, неопределенное. Никакого страдательного значения эта форма глагола, в сущности, не имеет. Как известно, в страдательном обороте подлинный субъект действия является в предложении дополнением, а подлинный объект действия — подлежащим. В этом смысле так называемые пассивные формы глагола в финском языке не образуют страдательных оборотов, так как действующее лицо при них остается невыраженным. Поэтому термин „пассив“ в современном финском языке не соответствует своему содержанию. В связи с тем, что пассивные формы предполагают в качестве производителя действия неопределенное лицо, они и выступают главным членом неопределенно-личного предложения.

Таким образом, неопределенность лица в неопределенно-личных предложениях выражается, прежде всего, грамматической формой главного члена предложения, т. е. формой пассива. Грамматическая форма пассива не указывает ни своей флексией, ни какими-либо другими признаками на какое-нибудь конкретное лицо. Она является выражением абстрактности лица, его неопределенности или обобщенности.

В пассивной форме нет также никакого указания на число действующих лиц. Она лишь указывает, что в качестве производителя действия выступает неопределенное множество (группа) лиц или одно неопределенное лицо. По своему значению неопределенно-личные предложения соответствуют личным предложениям с неопределенно-личным местоимением *joku* 'кто-то' (в ед. ч.) или *jotkut* 'кто-то' (во мн. ч.). Эта соотносительность подчеркивает, что речь идет об одушевленном дейстителе. Однако характер неопределенности здесь совершенно иной. Если в предложении с неопределенно-личным местоимением неопределенность выражена лексически, т. е. с помощью местоимений *joku* или *jotkut*, то в неопределенно-личном предложении она выражена синтаксически, всей конструкцией предложения в целом.

Главный член неопределенно-личного предложения может быть в форме презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта и выступать в различных наклонениях. Например: *Hänet paiskataan jollekin kovalle penkille, sidotaan kiinni, vaatteet repäistään auki, ja iskuja alkaa sataa* (A. Kallas) 'Его бросают на какую-то твердую скамью, связывают, срывают одежду, и удары начинают сыпаться'; *Vihanneksia pestiin kylän läpi lirisevässä kanavapurossa* (P. Haanpää) 'Овощи мыли в ручейке, протекающем сквозь деревню'; *Sanottaneen, ettei*

ihmisen pidä olla niin turhantarkka (H. Tihlä) 'Возможно, скажут, что человек не должен быть таким мелочным'.

Иногда (чаще всего в разговорной речи) в качестве главного члена неопределенно-личного предложения выступает глагол в форме 3-го л. мн. ч. В таких неопределенно-личных предложениях сообщается о фактах, известных говорящему по слухам, с чужих слов. Передавая те или иные сведения, говорящий ссылается на какие-то неопределенные лица. Неопределенно-личное предложение в таких случаях входит обычно в состав сложного предложения в качестве главного предложения, а в придаточном предложении передается само сообщение. Например: *Sanovat, että sinut olisi ammuttu...* (P. Haanpää) 'Говорят, что тебя расстреляли бы...'; *Kertovat, että hän oli kirjailija tai runoilija* (A. Kiiskinen) 'Рассказывают, что он был писатель или поэт'; *Vastatullekseni kertoivat siitä Variksen mökillä, että se Vatanen on joutunut Makkosen lesken verkkoon* (M. Lassila) 'Только что рассказывали в доме Вариса, что этот Ватанен попал в сети вдовы Макконен'.

Придаточное предложение иногда заменяется эквивалентом предложения — причастной конструкцией. Например: *Siellä kuultuvat tienavaan hyvin* (U. Vikström) 'Говорят, что там зарабатывают хорошо'; *Kuule, sanovat Leninin olevan Suomessa. „Onko siinä perää?“ — hän kysyi äkkiä* (U. Vikström) 'Слушай, говорят, что Ленин находится в Финляндии. „Правда ли это?“ — спросил он вдруг'.

Форма 3-го л. мн. ч. употребляется в этих предложениях в таком же значении, как и пассивная форма глагола, и может быть заменена последней.

Неопределенно-личные предложения распространены обычно различными второстепенными членами, которые являются важной составной частью неопределенно-личного предложения и придают ему большую законченность и конкретность. Особенно важна роль прямого дополнения при переходном глаголе. Из-за отсутствия подлежащего это дополнение приобретает большое значение в неопределенно-личном предложении, нередко выражая предмет, о котором говорится в предложении. Например: *Odotettiin kylmiä ilmoja ja talven tuloa* (J. Aho) 'Ждали холодной погоды и прихода зимы'; *Lähdeviittauksia on teokseen otettu hyvin vähän* 'Указаний на источники в произведении дано очень мало'.

Особенность употребления прямого дополнения в неопределенно-личном предложении заключается в том, что тотальный прямой объект в утвердительном предложении выступает всегда в номинативной форме. Например: *Keltainen lamppu on sytytetty, pakkaneen rapsaa talvitävaan alla* (P. Haanpää) 'Желтая лампа зажжена, мороз трещит под зимним небом'; *Puheenjohtajaksi valittiin yksimielisesti kansanedustaja Kilpi* (SNS-lehti) 'Председателем избрали единогласно депутата Кильпи'.

Такое употребление прямого дополнения при пассивной форме глагола объясняется в истории языка следующим образом. Современные так называемые пассивные (неопределенно-личные) формы исторически были близки к подлинно пассивным формам, т. е. имели страдательное значение. Первоначально пассив спрягался по лицам, следовательно, в пассивной конструкции было налицо подлежащее, выраженное номинативом. Впоследствии, когда пассив обезличился, в нем обобщилась форма 3-го лица пассивного спряжения, а подлежащее стало восприниматься как прямое дополнение.¹ Л. Хакулинен приводит некоторые

¹ Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. I, стр. 219; Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955, стр. 65.

древние пословицы, в которых еще сохранилось это первоначальное положение. Например: *Ei saukko salaa saada, näkemättä näädän poika* 'Выдру не добудешь, не выследив, куницу не поймает, не увидев'; *Ei saalis sanoilla saada* 'Добыча словами не добывается'.¹

По-видимому, эти пословицы возникли в то время, когда существительные этих предложений выступали в роли подлежащих и закономерно имели форму номинатива. О былой многочисности пассива свидетельствуют и тексты М. Агриколы, представляющие собой образец старого литературного языка, например: *me domitamme* 'нас судят', *elot niijehet* 'хлеба сжинаются', *he tapettijt* 'их убили',... *iotca finnixi cutzutan*... 'которых называют финнами'.

Функция неопределенно-личных предложений — выражать действия, производимые неопределенным лицом. От личных предложений неопределенно-личные отличаются тем, что в них все внимание сосредоточено на самом действии, событии, а производитель действия оставлен без внимания, так как он не имеет особого значения для цели сообщения. От безличных они отличаются тем, что действующее лицо в неопределенно-личных предложениях — это неизвестный или не названный, но реально существующий производитель действия, не выраженный в речи; в то время как значение безличных предложений действующего лица вообще не допускает. (Об отличии неопределенно-личных предложений от обобщенно-личных см. ниже).

Итак, неопределенно-личные предложения представляют собой тип односоставных предложений, в которых лексически выражено лишь действие, а производитель действия мыслится неопределенно. Однако отсутствие члена предложения, обозначающего производителя действия, не создает неполноты предложения. Наиболее типичными являются неопределенно-личные предложения с глаголами в форме пассива. Главный член предложения, выраженный пассивной формой глагола, может выступать во всех временах и наклонениях. Реже встречаются неопределенно-личные предложения с глаголом в форме 3-го л. мн. ч. Они служат средством передачи чужой мысли.

Обобщенно-личные предложения

Обобщенно-личными назовем такие глагольные односоставные предложения, в которых глагол имеет форму либо 2-го или 3-го л. ед. ч., либо пассива, а по значению предложения действующее лицо мыслится обобщенно. Например: *Minkä hyvin teet, sen hyvin edestäsi löydät* 'Что хорошо сделаешь, от того и хорошие результаты получишь'; *Kahvista talon tuntee ja kahvileivästä talon tyttäret* (M. Jotuni) 'Дом узнают по кофе, а дочерей дома — по выпечке к кофе'; *Kirjailijalta vaaditaan syvällistä elämän tuntemusta* 'От писателя требуется (досл. требуют) глубокое знание жизни'.

Подлежащего в этих предложениях не требуется, так как действие не относится к какому-либо конкретному, определенному лицу, т. е. оно может относиться к любому лицу, оказавшемуся в данных условиях, или ко всем людям вообще, поэтому производитель действия получает обобщающее значение.

Обобщенно-личные предложения следует отличать от неопределенно-личных. В грамматиках финского языка как неопределенно-личные, так и обобщенно-личные предложения относятся к типу предложений,

¹ Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. II, стр. 225.

в которых субъект является неопределенным. Однако нельзя не отметить, что неопределенность субъекта в них носит различный характер. Если в неопределенно-личных предложениях действующее лицо мыслится как „кто-то, некто, многие“, то в обобщенно-личных предложениях действующее лицо мыслится как „каждый, всякий, кто угодно, никто (в отрицательном предложении) или все люди вообще“, т. е. в качестве субъекта действия может подразумеваться любое лицо.

Легко отличить обобщенно-личные предложения от неопределенно-личных в том случае, когда они различаются грамматической формой выражения главного члена. Труднее их отличить тогда, когда в тех и в других предложениях главный член выражен пассивной формой глагола. В таком случае необходимо различать эти предложения по смыслу, по характеру подразумеваемого лица: Обобщенно-личные предложения с формой пассива выражают общее мнение, а не личное, субъективное. Они представляют собой широкое обобщение фактов действительности. В такие предложения можно вставить слово *tavallisesti* 'обычно' или *yleensä* 'вообще', поскольку они обозначают, что люди обычно поступают так. Например: *Tuoreet hedelmät säilytetään viileässä varastossa* 'Свежие фрукты хранят в прохладном хранилище'.

Пассивная форма глагола наиболее употребительна в неопределенно-личных предложениях. Обобщенно-личные предложения с формой пассива встречаются гораздо реже. Обычно они употребляются тогда, когда в предложении дается какой-то вывод, правило, обобщение опыта.

Пассивные формы, выражающие обобщенность лица, чаще всего встречаются в пословицах и поговорках, которые содержат обычно глубокий обобщающий смысл. В краткой и образной форме пословицы и поговорки выражают обобщение различных явлений жизни, различных сторон практической деятельности людей. Например: *Oppien tieto lisääntyy* 'Знания пополняются учением'; *Hädässä ystävä tunnetaan* 'Друга в беде узнают'; *Ketä kerran keksitään, sitä aina arvellaan* 'Кого однажды заподозрят, на того всегда подумают'; *Ei kaikkia kenkiä yhdellä lestillä tehdä* 'Не все сапоги на одну колодку шьют'; *Ei kirvestä yhdeltä puolelta hiota* 'Топор не точат с одной стороны'.

В пословицах и поговорках действующее лицо весьма абстрактное и обобщенное. Абстрактность и отвлеченность грамматического значения пассивной формы обуславливают ее употребление в пословицах и поговорках.

В обобщенно-личных предложениях пассив употребляется в основном в форме презенса. Как известно, презенс выражает действие не только настоящего или будущего времени, но он может выражать и действие, происходящее всегда, обычно, постоянно. Это значение „настоящего постоянного“ и употребляется в обобщенно-личных предложениях.

Прошедшие времена редко употребляются в обобщенно-личных предложениях. Обозначая действия уже прошедшие, известные, реально совершившиеся, они тем самым больше, чем настоящее время, конкретизируют факт действия: Настоящее время обозначает действие более отвлеченное, длительное, повторяющееся, что характерно для обобщенно-личных предложений. Из прошедших времен в обобщенно-личных предложениях чаще всего встречается имперфект. Имперфект пассива обозначает в таких предложениях многократное, повторяющееся действие. Причем, в предложении имеется обычно обстоятельственное слово, указывающее на место или время действия. Например: *Liikekirjeissä käytettiin ennen pitkäveteistä tyyliä* 'В деловых письмах употребляли раньше растянутый стиль'.

Широко распространены в финском языке обобщенно-личные предложения, главный член которых выражен глаголом в форме 2-го л. ед. ч. Например: *Jos astut tämän vuoren... harjanteelle, niin kantaapa silmäsi etäälle kohden kaikkia ilmoja* (A. Kivi) 'Если взберешься на... гребень этой горы, то увидит глаз твой далеко во все стороны'.

Второе лицо обозначает обычно собеседника, к которому говорящий обращается с речью. Форма 2-го лица абстрактнее, чем форма 1-го лица. Она употребляется в обобщенном значении без личного местоимения *sinä* 'ты' в тех случаях, когда не выражает действия конкретного собеседника. В приведенном выше примере говорящий не обращается к какому-либо определенному лицу, поэтому действующее лицо получает особый, обобщающий оттенок, т. е. в качестве субъекта действия может мыслиться любое лицо, находящееся в данных условиях.

Часто в стилистических целях форма 2-го лица единственного числа употребляется вместо 1-го лица. Такие предложения по форме являются обобщенно-личными, хотя действующее лицо в них вполне определенное, конкретное. Например: *Yksin kaikkien noiden ihmisten keskellä, joiden puheesta et ymmärtänyt tavuakaan, sait väkevän mielikuvasi siitä seikasta, että heitä oli paljon* (P. Haanpää) 'Один среди всех этих людей, из разговора которых не понимаешь (досл. (ты) не понимал) ни слова, получаешь (досл. получал (ты)) ясное представление о том, что их было много'; *Väkijoukko oli tosiaankin valtava. Kun sukellit siihen, olit aivan arvaamattasi irti kaikista entisestä, tutusta ja tutuista* (P. Haanpää) 'Толпа была поистине огромна. Когда (ты) нырнул в нее, был (ты) неожиданно оторван от всего прежнего, от знакомого и знакомых'.

В таких предложениях формой 2-го лица выражены действия самого говорящего, но они представлены как действия, свойственные каждому в подобных случаях. Говорящий говорит о самом себе, о своих действиях и переживаниях, но его личное участие скрыто за формой 2-го лица. Так действию придается обобщающий характер.

Наиболее употребительными в финском языке являются обобщенно-личные предложения, главный член которых выражен глаголом 3-го лица единственного числа, употребленным в значении одноличного глагола. Например: *Kyllä siihen tottuu* 'Конечно, к этому привыкаешь (досл. привыкает)'; *Näkee, että te olette harjoitelleet* (M. Haavi) 'Видно (досл. видит), что вы тренировались'; *Ei sitä sentään noin hulluksi olisi uskonut* (P. Haanpää) 'Не верилось (досл. не поверил бы) все же, что он такой сумасшедший'; *Jos souti järven ylitse ja pääsi ulos ahtaasta salmesta, muuttui maiseman luonne kuin yhdellä iskulla* (M. Merenmaa) 'Если гребешь (досл. греб) через озеро и выйдешь (досл. вышел) из тесного пролива, меняется (досл. менялся) мгновенно (досл. как одним ударом) характер пейзажа'.

Подлежащее в этих предложениях устранено, но действующее лицо мыслится как обобщенное. Действие может относиться к любому лицу, оказывающемуся в данных условиях. Нередко действующим лицом является сам говорящий, но форма 3-го л. придает его действиям обобщающий характер.

Форма 3-го л. вообще более абстрактна, чем форма 1-го и 2-го л. Круг ее употребления гораздо шире. Она может выражать не только действия конкретных лиц или предметов, но и действие вообще, безотносительно к какому-либо лицу, или действия, общие для всех людей. Форма 3-го лица употребляется тогда, когда нет необходимости называть субъект действия или когда он неизвестен или обобщен. Например,

неизвестный производитель действия в безличных предложениях обозначается формой 3-го лица: *Metsässä ruskää ja raukkaa* 'В лесу грохочет и трещит'.

Обобщенно-личные предложения с формой 3-го лица единственного числа часто употребляются в пословицах и поговорках. Например: *Hiljaa kylään kerkiää* 'Тише едешь, дальше будешь (досл. медленно в деревню успеет)'; *Paeten pahasta püüsee* 'Убегая, от зла спасаются'; *Orahasta touon tunttee* 'Хлеба по всходам узнают'; *Mitä enemmän elää, sen kummempia kuulee* 'Чем больше живешь, тем больше удивительного слышишь'.

Особую группу обобщенно-личных предложений составляют предложения, главный член которых выражен глаголом 3-го л. ед. ч., обозначающим возможность или невозможность совершения действия, в сочетании с инфинитивом глагола, обозначающего само действие. В качестве вспомогательных глаголов, выражающих значение возможности или невозможности действия, употребляются глаголы *voida saada, saattaa* 'мочь' в форме 3-го лица единственного числа. Например: *Tuskinpa mitään kulkua voi verrata suksiparin... juoksuun keväisellä hangella* (J. Linnankoski) 'Вряд ли какую-либо езду можно сравнить со скольжением лыж... по весеннему насту'; *On onni, kun olla saa taistelussa, yhä luomassa uutta ja suurta* (J. Virtanen) 'Это счастье, когда можно участвовать в бою за соиздание нового и великого'; *Nyt saattoi jo erottaa veneen keulassa kaksi miestä* (M. Merenmaa) 'Теперь можно было уже отличить на корме лодки двух мужчин'; *Ei valheella voi mitään sovittaa. Eikä voi valehdella ja teeskennellä kautta pitkän elämän* (J. Aho) 'Обманом ничего не уладить. И невозможно обманывать и притворяться всю долгую жизнь'.

В таких предложениях главный член обозначает действие, которое в данных обстоятельствах вообще возможно (или невозможно) совершить, независимо от того, кто совершает действие. Глаголы, имеющие модальное значение, выступают в составе главного члена односоставного предложения как одноличные.

По сравнению с другими типами обобщенно-личных предложений предложения с модальным значением возможности или невозможности действия характеризуются наибольшей степенью устранения действующего лица. В этом смысле они ближе всего стоят к безличным предложениям.

Таким образом, обобщенно-личные предложения в финском языке следует рассматривать как самостоятельный тип односоставных предложений, отграничивая их от неопределенно-личных. Основное различие между неопределенно-личными и обобщенно-личными предложениями определяется характером их действующего лица. В неопределенно-личном предложении производитель действия мыслится неопределенно, в обобщенно-личном — обобщенно. Как неопределенно-личные, так и обобщенно-личные предложения являются предложениями с частичным устранением действующего лица; в этом смысле они представляют собой промежуточную ступень между личными и безличными предложениями.

М. И. МУЛЛОНИН

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН КОТОРЫХ ОБРАЗУЕТСЯ ИЗ ГЛАГОЛА-СВЯЗКИ И ПРЕДИКАТИВА, В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

При классификации безличных предложений современного финского языка мы разделили их по способу образования главного члена предложения на три основных структурных типа: 1) безличные предложения, главный член которых выражен одноличным глаголом; 2) безличные предложения, главный член которых выражен личным глаголом, употребленным в значении безличного; 3) безличные предложения, главный член которых выражен глаголом-связкой в сочетании с предикативом-именем или именной формой глагола. Последний из этих типов безличных предложений является в современном языке наиболее продуктивным и включает многообразные по своей грамматической структуре и лексико-семантической природе предложения.

В качестве связки в них чаще всего выступает глагол *olla* 'быть' в форме 3-го лица единственного числа (*on* 'есть', *oli* 'был'). Реже употребляются глаголы-связки *tulla* 'становиться' (3-е л. ед. ч. *tulee, tuli*) и *käydä* 'случаться, становиться' (3-е л. ед. ч. *käy, kävi*).

В безличном предложении связка играет весьма важную роль. Она выступает носителем грамматического значения главного члена предложения, а предикатив выражает его лексическое значение, дает сказуемому конкретное содержание.

Глагол *olla* 'быть' в современном языке выступает в двух аспектах: 1) как полнозначный глагол, выражающий бытие, существование или нахождение где-либо. Например: *Oli kerran köyhä mies* 'Жил-был (досл.: был однажды) бедный мужик'; *Kirja on pöydällä* 'Книга находится на столе'; 2) как вспомогательный глагол (связка), являющийся в предложении выразителем лица, числа, времени и наклонения. В этом случае лексическое значение глагола ослаблено, но выступает весьма отчетливо. Например: *Täällä on hiljaista* 'Здесь тихо'; *Poika on sairas* 'Мальчик болен'.

В финском языке, в отличие от русского, нет так называемой нулевой формы связки, т. е. глагол-связка в форме настоящего времени не опускается ни в личных, ни в безличных предложениях.² Такая же закономерность существует в основном и в других прибалтийско-финских

¹ О других типах безличных предложений см. нашу статью 'Безличные предложения в современном финском языке' ('Ученые записки Петрозаводского государственного университета', т. 7, 1957, вып. 1). Там же дано определение безличного предложения.

² Исключение составляют лишь некоторые пословицы, в которых для краткости связка опускается. Например: *Oma maa mansikka, muu maa mustikka* 'Родина — земляника, чужбина — черника'; *Sitä kuusta kuuleminen, jonka juurella asunto* 'Ту ешь слушать приходится, под которой жилище находится' (досл.: 'Ту ешь слушание, у корня которого жилище').

языках. Однако интересно отметить, что в вепском языке под влиянием русского языка глагол-связка *olla* в форме настоящего времени часто опускается. Например, предложения типа *Tämbei övereil om vilu* 'Сегодня на улице (есть) холодно'; *Hän om čoma prihä* 'Он (есть) красивый парень' очень часто употребляются без связки: *tämbei övereil vilu; hän čoma prihä*. (д. Шокша).

С другой стороны, вепсы, разговаривая по-русски, нередко употребляют глагол „есть“ там, где он в русском языке опускается, что объясняется воздействием родного языка. Например: „Сегодня на улице есть холодно“, или „Он красивый парень есть“ (Шокша). В других финно-угорских языках в отличие от прибалтийско-финских такой закономерности в употреблении связки не наблюдается. В марийском языке глагол-связка „быть“ в форме настоящего времени всегда опускается. Например: *Кас сай* 'Вечер хороший'; *Тушто сыне* 'Тут красиво'; *Мыланем йушто* 'Мне холодно'. В венгерском языке глагол бытия в форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени *van* включается в состав предложения лишь в том случае, когда он выступает как полнозначный глагол. Например: *A könyv az asztalon van* 'Книга на столе находится'. Когда же глагол *van* выступает в предложении как связка, он опускается. Например: *A könyv érdekes* 'Книга интересная'; *Szép az idő* 'Погода хорошая'.

Глаголы *tulla* и *käydä* также выступают в финском языке как полнозначные и как вспомогательные глаголы. Ср., например: *Hän käy meillä usein* 'Он ходит к нам часто' — *Hänen käy kateeksi* 'Ему становится завидно'; *Tulen luoksesi huomenna* 'Я приду к тебе завтра' — *Minun tuli ikävä* 'Мне стало скучно'. Как полнозначные глаголы они употребляются во всех трех лицах единственного и множественного числа, как вспомогательные — только в 3-м лице единственного числа.

Вопрос о разграничении личных и безличных предложений, имеющих в составе сказуемого глагол-связку, не нашел еще окончательного решения в лингвистической литературе. Некоторые типы предложений относятся одними авторами к личным, другими — к безличным предложениям. А. Пенттиля в своей статье „О так называемых одноличных глаголах“¹ обращает внимание на то, что существует много спорных случаев, когда трудно сразу отнести тот или иной тип предложения к личным или безличным. Нам представляется целесообразным рассмотреть сначала те типы предложений, которые не вызывают сомнений в своей безличности, а затем разобрать спорные случаи.

Безличные предложения с главным членом, выраженным сочетанием связки с именем существительным или прилагательным

Очень распространенным типом безличных предложений являются предложения, главный член которых состоит из связки и предикатива, выраженного именем существительным или прилагательным. Характерной особенностью таких предложений является то, что они выражают состояние, а не действие. В них нет производителя действия (и он не мыслится), поскольку нет и самого действия как процесса движения, но может быть логический субъект, являющийся пассивным носителем состояния. Например: *Minun on kylmä* 'Мне холодно', *Hänen oli nälkä* 'Ему было голодно'.

В качестве предикатива в таких безличных предложениях выступает группа слов, обозначающих отвлеченные понятия и выражающих в сочетании со связкой состояние. К таким словам относятся:

1. Некоторые прилагательные с отвлеченным значением: *hauska* 'веселый', *helppo* 'легкий', *ihana* 'прекрасный', *mukava* 'удобный', *raskas* 'тяжелый' и др. (см. ниже). В сочетании со связкой они выступают в форме номинатива или партитива и выражают состояние человека или природы. Например: *on hauska(-a)* 'весело (досл.: есть весело)', *on helppo* 'есть легко', *on ihana(-a)* 'есть прекрасно', *on mukava(-a)* 'есть удобно', *on matala(-a)* 'есть низко, мелко', *on syvä(-ä)* 'есть глубоко', *on tyyni*, *on tyynä* 'есть тихо, безветренно', *on valoisa(-a)* 'есть светло', *on viileä* 'есть прохладно', *on hiljaista* 'есть тихо', *on huopaista* 'есть весело, забавно', *on juhlallista* 'есть торжественно', *on kaunista* 'есть красиво', *on kirkasta* 'есть ясно', *on kodikasta* 'есть уютно', *on levotonta* 'есть беспокойно', *on liukasta* 'есть скользко', *on mieluista* 'есть приятно', *on raskasta* 'есть тяжело', *on siistiä* 'есть чисто', *on sateista* 'есть дождливо', *on sumuista* 'есть туманно' и др. Как предикатив безличного предложения эти прилагательные выражают какой-либо признак, но они не относят его ни к какому предмету, а лишь констатируют наличие или отсутствие этого признака. Например: *Täällä on ihanaa* 'Здесь прекрасно'.

2. Небольшая группа имен существительных, обозначающих состояние человека: *jano* 'жажда', *nälkä* 'голод', *kiire* 'спешка', *häpeä* 'стыд', *hiki* 'пот', *huoli* 'забота', *häätä* 'спешка', *sääli* 'жаль', *uni* 'сон', *vaiiva* 'болезнь'; в безличном предложении они выступают всегда в номинативной форме.

3. Группа слов, выступающих в современном языке как в качестве прилагательных, так и существительных: *hyvä* 'хороший, добрый; добро, благо', *hämärä* 'сумрачный; сумерки', *ikävä* 'скучный; скука, тоска', *kuuma* 'горячий; жара', *kylmä* 'холодный; холод', *luminen* 'теплый; тепло', *pimeä* 'темный; темнота', *paha* 'нехороший, злой; зло', *vilu* 'прохладный; озноб, холод'. Эти слова, по-видимому, представляют собой „следы тех времен раннего периода языка-основы, когда границы между частями речи еще не были настолько четкими, как теперь“.¹ А. Хакулинен считает, что субстантивность этих слов может быть первоначальной. Известно, что в финском языке прилагательные отграничились от существительных сравнительно поздно, поэтому различие между ними до сих пор не всегда ясно выражено. Возможно, что в то время, когда еще не были развиты абстрактные понятия, такие слова, как *kylmä*, *nälkä*, *pimeä* и т. п., воспринимались как конкретные понятия, как имена существительные, и выступали в предложении в качестве подлежащего и лишь впоследствии стали обозначать признак. Вероятно, по аналогии с этими словами постепенно многие прилагательные стали выступать в качестве предикатива безличных предложений, выражающих состояние. Таким образом, сфера употребления этих предложений расширилась.

Слова, выступающие как в качестве существительных, так и прилагательных, характерны и для других финно-угорских языков.

В коми языке к таким словам относятся *кӧдзыд* 'холодно', *шоньд* 'тепло', *югыд* 'светло', *пемыд* 'темно' и т. п. Например: *Друг лои зэв кӧдзыд* 'Вдруг стало очень холодно'.

¹ А. Penttilä. Ns. yksipersonaisista verbeistä. „Virittäjä“, 1954, стр. 97.

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка (РСФЯ), ч. 1. М., 1953, стр. 65.

Д. В. Бубрих считал, что подобные слова, выступающие в составе главного члена безличного предложения, «являясь словами именной сферы, по своему грамматическому качеству являются неопределенными... Они не могут быть отнесены ни к какой определенной части речи именной сферы»¹. Поэтому он называет их неопределенно-качественными словами именной сферы.

В марийском языке также имеется группа слов, выполняющих в предложении роль как существительного, так и прилагательного. Вслед за Д. В. Бубрихом З. В. Учасв называет такие слова неопределенно-качественными в том случае, когда они выступают в качестве главного члена безличного предложения.² Он относит сюда слова йокрок 'скучно', йёсö 'тяжело', ййштö 'холодно', лавран 'грязно', ночко 'мокро', пычкемыш 'темно', тымык 'тихо' и т. п. Например: *Тудлан моткочак йёсö* 'Ему очень тяжело'; *Чодраште тымык лиеш* 'В лесу становится тихо'. В роли главного члена безличного предложения они соответствуют русским словам категории состояния, однако морфологически они ничем не отличаются от соответствующих имен существительных и прилагательных.

В финском языке такие слова не выделяются в особую часть речи. Употребляясь в сочетании со связкой, они образуют безличные предложения, выражающие состояние природы, окружающей нас среды или обстановки, а также состояние человека и других живых существ. Перейдем к более конкретному рассмотрению этих предложений.

Безличные предложения, выражающие состояние природы или окружающей нас среды

В предложениях этой группы утверждается (или отрицается) наличие или становление какого-либо состояния природы, окружающей нас среды или обстановки. В них нет не только грамматического подлежащего, но и логического субъекта состояния. Здесь выражается существование признака безотносительно к субъекту, субъект даже не мыслится. Главный член состоит из глагола-связки и примыкающего к нему прилагательного в форме номинатива или партитива. Например: *Oli melkoisen viileä, mutta samalla tavattoman raikas* (F. E. Sillanpää) 'Было довольно прохладно и в то же время необыкновенно свежо'; *Siellä oli hänen mielestään liian yksitoikkoista ja siistiä* (P. Haanpää) 'Там, по его мнению, было слишком однообразно и чисто'; *Musiikin ääni lakkasi, ja tuli aivan hiljaista* (M. Waltari) 'Музыка умолкла, и стало совсем тихо'; *Alkaa tulla pimeä* 'Становится темно (досл.: начинает становиться темно)'.³

Большая или меньшая степень наличия признака выражается формой сравнительной степени прилагательного. Например: *Välistä oli hiljaisempäänkin, kun lueskeltiin ja kirjoittaa sukaiistiin kirjeitä* (P. Haanpää) 'Иногда было потише, когда почитывали или наскоро пописывали письма'.

Безличные предложения, обозначающие состояние природы и окружающей нас обстановки, обычно выражают какое-то объективно существующее явление. Но иногда они одновременно выражают и субъективное восприятие или ощущение человека, находящегося в данной

обстановке. Например, предложение *Täällä on kylmä* 'Здесь холодно' выражает не только то, что объективно здесь холодно, но и то, что человеку, находящемуся в данной среде, холодно. Еще примеры: *Huoneessa oli tukahduttavan kuuma* 'В комнате было удушающе жарко'; *Heillä oli oikein mukavaa ja kodikasta* (P. Haanpää) 'У них было очень хорошо и уютно'.

Слова *myöhä*, *myöhäinen* 'поздно', *varhainen* 'рано', *matala* 'мелко', *syvä* 'глубоко', обозначающие временные и пространственные понятия, в сочетании со связкой также образуют безличные предложения, выражающие состояние окружающей нас среды и обстановки. Например: *Oli jo myöhäinen ja kauppa tietenkin kiinni* (P. Haanpää) 'Было уже поздно, и магазин, конечно, был закрыт'.

Безличные предложения, выражающие физическое или психическое состояние человека и физическое состояние живых существ

Слов, обозначающих физическое состояние человека, сравнительно немного. Это слова *kylmä* 'холодно', *kuuma* 'жарко', *lämmiin* 'тепло', *vilu* 'холодно', *jano* 'жажда', *nälkä* 'голод' и некоторые другие. Гораздо больше слов, обозначающих душевное состояние, психическое чувство человека. Сюда относятся слова *hauska* 'весело', *helppo* 'легко', *hyvä* 'хорошо', *häpeä* 'стыдно', *huoli* 'забота', *ikävä* 'скучно', *kiire* 'спешка', *lysti* 'весело', *mukava* 'удобно', *paha* 'плохо', *raskas* 'тяжело', *sääli* 'жаль', *vaikea* 'трудно' и др. Такие слова, как *helppo*, *raskas*, *vaikea*, в зависимости от лексического значения инфинитива, с которым они сочетаются, могут употребляться для выражения как физического, так и психического состояния человека.

В отличие от предложений, выражающих состояние природы, в предложениях, выражающих состояние человека, обычно имеется (или подразумевается) косвенное дополнение, выраженное именем существительным или местоимением в форме генитива или адессива. Это дополнение является в предложении субъектом состояния, обозначающим лицо, испытывающее то или иное состояние или ощущение, чувство. Например: *Minun on jano* 'Мне хочется пить'; *Lapsen tuli uni* 'Ребенку захотелось спать (досл.: пришел сон)'; *Hänen tuli sääli itseään* (E. Sinervo) 'Ей стало жаль себя'; *Palvelijalla oli kiire hänen kantaessaan yhä uusia laseja, lautasia ja tarjottimia saliin* (M. Waltari) 'Служанка спешила (досл.: служанке было спешно), неся все новые стаканы, тарелки и подносы в зал'; *Harakan mieli käy surulliseksi, sillä on nälkä ja vilu* (J. Aho) 'Сороке становится грустно, ей голодно и холодно'. Здесь субъект является лишь как бы пассивным носителем своих переживаний.

В литературном языке наиболее употребительна генитивная форма косвенного дополнения, но наряду с генитивной употребляется и адессивная форма, пришедшая в литературный язык из восточных диалектов. Адессивная форма выступает также в эстонском и карельском языках (кроме людиковского диалекта), например, у калининских карел: *Minulla on ägie* 'Мне жарко'; в ливвиковском диалекте: *Minulla on vilu* 'Мне холодно'. В вепском языке и близком к нему людиковском диалекте карельского языка употребляется аллативная форма. Например, вепск. *Millä on nälkä* (Шокша) 'Мне голодно'; люд. *Lapselle on kibeä* 'Ребенку больно'; *Minulle on atkal* (Пелдожа) 'Мне скучно'.

Употребление адессивной и аллативной формы — явление более позднее. Известно, что генитивная форма, имеющая в данном случае датив-

¹ Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 117—118.

² З. В. Учасв. Безличные предложения в марийском языке. "Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории", вып. 8, Йошкар-Ола, 1956, стр. 70.

ное значение, является по происхождению *n*-овым лативом, восходящим к уральскому языку-основе.¹ Дополнение, обозначающее прямой объект, в безличных предложениях этой группы употребляется только со словами *sääli* 'жаль' и *ikävä* 'скучно'. Сочетание связки со словом *sääli* всегда требует после себя прямого дополнения, подобно глаголу *sääliä* 'жалеть'. Ср. *Minun on sääli häntä* 'Мне жаль его' — *Minä säälin häntä* 'Я жалею его'. Сочетание связки со словом *ikävä* 'скучно' может выступать как с прямым дополнением, так и без него. В первом случае оно обозначает чувство человека, направленное на какой-то объект; во втором — состояние человека. Ср. предложения: *Pojan oli täällä ikävä entisiä tovereitaan* 'Мальчик скучал здесь по прежним товарищам'; *Pojan oli täällä ikävä* 'Мальчику было здесь скучно'.

С глаголом-связкой *käydä* 'случаться, становиться' предикатив может выступать в форме транслатива. Например: *Isännän kävi jo vähän sääliksikin herrasväkeä* (M. Waltari) 'Хозяину стало уже немного жаль господ'; *Naapurien kävi häntä kateeksi* 'Соседи стали ему завидовать (досл.: соседям стало его завидно)'.²

В качестве предикатива с глаголом *käydä* может употребляться и наречие образа действия. Например: *Kävi miten kävi, ajattelin itsekseni, hyvin hullusti ei tässä käy* (M. Jotuni) 'Что бы ни случилось (досл.: случись как ни случись), думал я, очень плохо не будет'.

Безличная конструкция, выражающая состояние человека, может входить в состав сложно-подчиненного предложения в качестве главного предложения. Например: *On sääli, että te matkustatte näin pian* 'Жаль, что вы уезжаете так скоро'; *On ilahduttavaa, että meillä nousee uusia oraita runouden vainiolla* (U. Vikström) 'Отрадно, что у нас поднимаются новые всходы на ниве поэзии'. В таких случаях безличное предложение обычно выступает сказуемым сложного предложения, а придаточное предложение является по отношению к главному подлежащим.

Слова, выражающие состояние природы, не могут образовывать таких конструкций.

Безличные предложения, главный член которых образуется из сочетания связки с предикативным причастием или так называемым IV инфинитивом

Такие предложения выражают долженствование, потребность, необходимость. Предикативное причастие законченного действия (пассивное причастие настоящего времени) является неизменяемой формой, оканчивающейся на *-tava(-tävä)* или *-ttava(-ttävä)*. Оно выражает действие, которое должно быть произведено. Лицо, которое должно производить действие, обозначается генитивным дополнением. Например: *Joskus hänen jalkojaan alkoi kivistää, niin että saappaat oli kiskottava jalasta ja tilalle vedettävä väljät nahhakengät* (P. Haanpää) 'Иногда его ноги начинали так болеть, что сапоги приходилось стаскивать и вместо них натягивать свободные ботинки'. Эти предложения типа *Minun on lähdettävä* 'Мне нужно пойти' синонимичны предложениям типа *Minun pitää lähteä* 'Мне нужно пойти', однако в первом случае необходимость действия выражена более категорично, чем во втором.

Значение долженствования имеют также безличные предложения, главный член которых образуется из сочетания связки и так называемого IV инфинитива. Они синонимичны типу предложения с предика-

тивным причастием. Например: *Hän tuli pihaan: näki rappuset, joita hänen oli nouseminen, ja oven, ja huoneiden ikkunat* (M. Canth) 'Она пришла во двор; увидела лестницу, по которой ей нужно было подняться, и дверь, и окна комнат'.

В пословицах для краткости связка опускается: *Sitä puuta puskeminen, johon on kiinni kytkettyä* 'То дерево бодать приходится, к которому привязан'.

Такая форма предикатива является устаревшей, она встречается в основном в литературе прошлого века; в современном литературном языке чаще употребляются предложения с предикативным причастием.

Отрицательные и вопросительные предложения образуются с помощью партитивной формы IV инфинитива. Например: *Ei herrain kanssa ole marjaan menemistä* 'Господам нельзя верить (досл.: нечего с господами по ягоды ходить)'; *Onkohan sinne menemistä?* 'Нужно ли туда идти?'.

Однако с глаголом-связкой *käydä* и в отрицательных предложениях выступает номинативная форма. Например: *Ei käy kieltäminen, että valitukset ovat oikeutettuja* (J. Linnankoski) 'Нельзя отрицать, что жалобы правомерны'; *Ei käynyt enää kääntymäinen, sillä kontio oli ihan kintereillä* (M. Haavi) 'Нельзя было уже возвращаться, так как медведь шел по пятам'.

Тип предложения *Minun on (tulee) lähteminen* синонимичен типу *Minun pitää (tulee) lähtemän*, который также является архаичным и заменяется в современном языке типом предложения с I инфинитивом: *Minun pitää (tulee) lähteä* 'Мне нужно идти'.

Предложения типа *Minun on lähteminen* характерны и для других прибалтийско-финских языков. Например, в карельском языке: *On sinul peldo kyndämine* 'Тебе нужно поле вспахать'; *Äijä on minul kävelemine* 'Много мне нужно пройти'; *Jeäl ei ole menemistä*¹ 'На лед не надо идти'; в вепском языке: *lamp-se uksihe tafmine*² 'Лампу нужно выбросить вон'. В. Грюнталь считает, что этот тип предложения восходит к прибалтийско-финскому языку-основе.³ Возможно, что такая конструкция с *m*-овым инфинитивом еще более древняя; во всяком случае, сходные конструкции имеются и в мордовском языке. Там значение необходимости действия выражено именем действия на *-ма* в соединении с глаголом 3-го лица единственного числа *сай* 'придет' в значении 'придется'. Например: *Сай тейть тума, аш мезьса тумс* 'Придется тебе выехать, не на чем выехать'.⁴ Здесь имя действия на *-ма* осмысливается как глагол-инфинитив. О. Чудаева в своей диссертации указывает, что «подобные обороты в мордовском языке очень устойчивы... они обслуживают язык с незапамятных времен».⁵

Безличные предложения, главный член которых образуется из глагола-связки *tulla* и партитивной или транслативной формы II причастия пассива, обозначают случайное, непредвиденное действие. Например: *Tuli tehtyä virhe* 'Случилось сделать ошибку'; *Tuli turhaan kiirehdittyä* 'Случилось напрасно поспешить'; *Minun tuli syödyksi liikaa* 'Мне случилось съесть лишнее'.

¹ E. V. Ahtia. Karjalan kielioppi. Suojärvi, 1936, § 169.

² L. Kettunen. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943, стр. 79.

³ W. Grünthal. Itämerensuomalaisten kielten yksikön nominatiivi objektin edustajana. Helsinki, 1941, стр. 179.

⁴ О. Чудаева. *M*-овые имена действия в мокша-мордовском языке. Канд. дисс., М., 1952, стр. 153.

⁵ Там же, стр. 163.

¹ См.: А. Хакулинен, РСФЯ, ч. I, стр. 85.

Безличные предложения, главный член которых образуется из глагола-связки *olla* и транслативной или паллативной формы имени существительного или пассивного причастия

Такие предложения выражают пригодность или непригодность того или иного лица или предмета на что-либо. В них всегда имеется дополнение в форме элатива, обозначающее лицо или предмет, о пригодности или непригодности которого идет речь. Например: *Olisiko sinusta, honka, Väinämöiselle venoksi?* (Kalevala) 'Годилась ли бы ты (досл.: было ль бы с тебя), сосна, Вяйнемейнену на лодку?'; *Onko hänestä kirvesmieheksi?* 'Годится ли он (досл.: есть ли с него) в плотники?'; *Hänestä ei ole mihinkään* 'Он ни на что не годится (досл.: с него нет ни на что)'; *Kirjoituksesta ei ollut painettavaksi* 'Статья не годилась в печать (досл.: со статьи не было для печатания)'.¹

Перейдем к рассмотрению спорных случаев разграничения личных и безличных предложений.

Экзистенциальные предложения

Весьма спорной представляется нам трактовка некоторых типов экзистенциальных предложений как предложений двусоставных. В них переходный глагол, являющийся глаголом бытия, выступает всегда в форме единственного числа, поэтому в тех случаях, когда подлежащее стоит в форме множественного числа, нарушаются нормы согласования между подлежащим и сказуемым.

Экзистенциальные предложения могут выражать бытие, существование предметов в двух аспектах: а) предмет, лицо или явление вообще существует или не существует в действительности, безотносительно к месту и времени; например: *On ihmisiä, jotka aina valittavat* 'Есть люди, которые всегда жалуются'; *Tuskin on miestä, joka siihen pystyi* 'Вряд ли есть человек, который был бы на это способен'; б) существование предмета, лица, явления или состояния в определенных границах: в ограниченном месте, у определенного лица или в определенное время; например: *Minulla on kauniit kintaat* 'У меня красивые варежки'; *Ukolla on pitkä parta* 'У старика длинная борода'; *Täällä on hiljaista* 'Здесь тихо'; *Nyt on talvi* 'Сейчас зима'.

Экзистенциальные предложения, которые выражают наличие предмета у какого-либо лица или в каком-либо месте, а также отсутствие чего-либо у кого-либо, считаются в традиционной грамматике двусоставными, несмотря на то, что в них отсутствует согласование в числе между подлежащим и сказуемым. Например: *Pojalla on vaaleat hiukset* 'У мальчика (есть) светлые волосы'; *Tytöllä on siniset silmät* 'У девушки (есть) синие глаза'; *Säkissä on saappaat* 'В мешке (есть) сапоги'; *Suomessa on kylmät talvet* 'В Финляндии (есть) холодные зимы'.¹

Эти предложения, обозначающие существование, Л. Хакулинен объединяет в одну группу с такими предложениями, в которых в качестве сказуемого выступает полнозначный глагол в форме 3-го лица единственного числа и которые обозначают становление или прекращение. Например: *Koivuun puhkesi lehdet* 'На березе распустились листья'; *Sotilaalta paleltui korvat* 'Солдат отморозил уши'; *Meille tulee kesällä häät* 'У нас будет летом свадьба'; *Heiltä loppui rahat* 'У них кончились

¹ Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. II, стр. 243.

деньги'. По мнению Хакулинен, в таких предложениях имя существительное в форме номинатива (первоначально грамматическое подлежащее) является прямым дополнением, следовательно, конструкция в целом безлична. Он опирается при этом на такие предложения, как *Minulla on sinut* 'У меня есть ты', где *sinut* — прямое дополнение.

Возражая Хакулинену, О. Икола указывает,¹ что предложения типа *Minulla on sinut*, где дополнение выражено личным местоимением, более позднего происхождения, чем предложения типа *Pojalla on vaaleat hiukset* 'У мальчика светлые волосы' или *Minulla on hevonen* 'У меня есть лошадь', поэтому они не могут влиять на расчленение уже давно сложившихся типов предложений. Кроме того, такие предложения, как *Minulla on sinut*, вообще редко употребляются. Они появились в литературе под влиянием иностранных языков и не свойственны финскому языку. О. Икола утверждает, что номинативную форму существительного в рассматриваемых предложениях следует считать грамматическим подлежащим, а не дополнением.

Нам представляется, что тип предложения *Pojalla on vaaleat hiukset* стоит все же ближе к безличным предложениям, чем к личным, даже если отвлечься от влияния предложений типа *Minulla on sinut*. Ведь существительное *hiukset* 'волосы' в указанном типе могло не считаться подлежащим еще до появления типа *Minulla on sinut*. Л. Хакулинен указывает, что «единственное число сказуемого в предложениях типа *Minulla on sukset* 'У меня есть лыжи' может быть наследием тех древнейших времен, когда форма *ota*, являющаяся этимологически исходной формой глагола *on*, еще не стала глаголом, а в качестве неизменяемого определения поясняла существительное *sukset*, образуя вместе с ним так называемое именное сказуемое». ²

Другим спорным моментом в разграничении личных и безличных предложений являются экзистенциальные предложения, констатирующие наличие, существование какого-либо явления природы или соответствующего ему состояния. Например: *on kesä* 'лето (досл.: есть лето)'; *on pakkanen* '(есть) мороз'; *on sota* '(есть) война'; *on rauha* '(есть) мир'; *on lauantai-ilta* '(есть) субботний вечер'. Здесь бытие выражено формой 3-го лица единственного числа глагола *olla* 'быть' в сочетании с именем существительным в форме номинатива или партитива. В традиционной грамматике такие предложения также считаются двусоставными. А. Пенттиля же считает их безличными.³ Свое утверждение он обосновывает тем, что имя существительное в таких конструкциях, по его мнению, имеет некоторые признаки предикатива. В частности, оно может иметь при себе такие определения, как *aivan*, *ihan* 'совсем, совершенно', *melkein* или *miltei* 'почти', которые не могут употребляться при подлежащем: ср. *Nyt on melkein kesä* 'Теперь почти лето' — *Hän on melkein terve* 'Он почти здоров'. Наречие *melkein* является пояснительным словом к предикативу *kesä*, *terve*. Кроме того, данная конструкция, как указывает А. Пенттиля, имеет такой порядок слов, который не свойствен обычной субъектно-предикатной конструкции. Если же изменить порядок слов так, чтобы существительное было на первом месте, а глагол на втором, то конструкция получит вид обычного субъектно-предикатного предложения, в котором существительное уже не считается предикативом.

¹ O. Ikola. Suomen lauseopin ongelmia. „Virittäjä“, 1954, стр. 631.

² Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. II, стр. 195; ч. I, стр. 231.

³ A. Penttilä, Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1957, стр. 469.

Предложения рассматриваемого типа близки к безличным предложениям типа *on kylmä* 'холодно', *on pimeä* 'темно' и т. п., выражающим состояние природы и окружающей нас среды. С другой стороны, их можно соотнести с номинативными предложениями, называющими какое-либо явление. Сравним, например, предложения: *Akkunan takana on yö ja hiljaisuus* (P. Haanpää) 'За окном (есть) ночь и тишина' — *Pimeä yö, sadetta, tuulen tohinaa* 'Темная ночь, дождь, шум ветра'; *On kevät, pitkäksi venynyt kevät, räntää, kojoa* (P. Haanpää) '(Есть) весна, надолго затянувшаяся весна, мокрый снег, слякоть' — *Kevät. Luonto virkkoa talviunestaan* 'Весна. Природа просыпается от зимней спячки'. В этих предложениях глагол *olla* не служит выражением связи признака с его носителем, а утверждает (или отрицает) наличие какого-либо явления или состояния, выраженного именем существительным.

Предложения этого типа по своим особенностям отличаются от обычных двусоставных предложений, но в то же время они не вполне подходят под понятие безличных, поэтому мы склонны относить их к переходному типу.

Очень близки к безличности и экзистенциальные предложения, рассматриваемые в финской грамматике как предложения с парциальным подлежащим. Например: *Pöydällä on ruokaa* 'На столе есть пища'; *Maljakossa on kukkia* 'В вазе есть цветы (досл.: цветов)'; *Lapsia leikkii pihalla* 'Дети играют (досл.: детей играет) на дворе'; *Puistossa kasvaa erilaisia puita* 'В парке растут различные деревья (досл.: растет различных деревьев)'.¹

В последние годы на страницах журнала „*Virittäjä*“ появилось много статей, в которых рассматриваются закономерности употребления тотального и парциального подлежащего.¹ По единодушному утверждению авторов всех статей, парциальное подлежащее выступает только в экзистенциальных предложениях, как утвердительных, так и отрицательных, причем в утвердительных предложениях партитив выступает только в тех случаях, когда подлежащее выражает делимое понятие и является неопределенным по своему спецису, в остальных случаях выступает номинатив.

В современном языке партитив чаще всего употребляется с переходными глаголами как прямое дополнение. Например: *Isä hakkaa puita* 'Отец рубит дрова'; *Minä syön leipää* 'Я ем хлеб'. В экзистенциальных предложениях партитив выступает в субъектном значении как при глаголе *olla*, так и при других непереходных глаголах, означающих существование, становление, прекращение. В таком предложении экзистенциальный глагол указывает на существование, наличие (или отсутствие) того, что выражено партитивом имени существительного. Известно, что при партитиве глагол всегда выступает в форме единственного числа, т. е. партитивная конструкция однолична. Вследствие одноличности глагола и нарушения норм согласования экзистенциальные предложения с партитивной конструкцией тяготеют к безличным.² Их можно сравнить с русскими безличными предложениями типа „Наехало гостей“ или отрицательными безличными предложениями с родительным падежом су-

¹ „*Virittäjä*“, 1954, стр. 224; 1955, стр. 10; 1955, стр. 148; 1956, стр. 28; 1957, стр. 181; 1957, стр. 292.

² Норман Денсон называет парциальное подлежащее предикативным, считая, что партитив в экзистенциальном предложении ближе к предикативу, чем к подлежащему. По его мнению, все типы экзистенциальных предложений в финском языке являются безличными. См.: Norman Denison. The partitive in finnish (Suomalaisen tiedekat. toimitt. Ser B, т. 108), Helsinki, 1957, стр. 109—119.

ществительного типа „Книги не было на столе“, „Воды у нас нет“. В утвердительной форме этим безличным отрицательным предложениям соответствуют экзистенциальные предложения с формой именительного падежа, которые в русской грамматике считаются личными предложениями.¹ Однако в северно-русских диалектах в таких предложениях употребляется форма родительного падежа, и предложение считается безличным. Например: „Было бы дождика — было бы и грибочко. Комароф налетело. Утиц плавает. Грянуло дождя“.² Эти предложения являются прямым соответствием финским предложениям с партитивной конструкцией. И. Вахрос даже считает, что такие обороты с родительным падежом в северно-русских диалектах могли возникнуть под влиянием соседних прибалтийско-финских языков.³ Но с этим вряд ли можно согласиться, если иметь в виду, что аналогичные конструкции имеются во многих славянских и балтийских (литовском и латышском) языках⁴ и они существовали также в древнерусском языке. Возможно, что влияние прибалтийско-финских языков сказывается в том, что оборот с родительным падежом до сих пор еще бытует в северно-русских диалектах, в то время как в южно-русских говорах он уже почти утрачен.

Отсутствие согласования в экзистенциальных предложениях, характерное для многих индоевропейских языков, вызывало и вызывает немало споров при определении типов этих предложений в индоевропейском языкознании. В финской лингвистике этому вопросу уделено пока мало внимания, поэтому в экзистенциальных предложениях много сомнительного и спорного, что нуждается в дальнейшем, более детальном исследовании.

Безличные предложения, главным членом которых выступает сочетание связки с именем существительным или прилагательным и примыкающим к ним инфинитивом

Предложения, в состав которых входит I инфинитив, примыкающий к сочетанию связки с именем существительным или прилагательным, также трактуются в финской лингвистической литературе по-разному. Это предложения типа *On aika lähteä kotiin* 'Пора идти домой', *On häpeä opiskella noin huonosti* 'Стыдно учиться так плохо'. До последнего времени как в школьных грамматиках финского языка, так и в научной литературе такие предложения относили к двусоставным, считая инфинитив в одних случаях подлежащим, в других — определением, но не частью составного сказуемого. Так, в грамматике Сетяля—Ниеминена⁵ указывается, что инфинитив является подлежащим в предложениях, сказуемым которых выступает однолично употребляемый глагол *olla* и предикатив, выраженный именем прилагательным. Например: *Huvä on taitavan laulaa* 'Хорошо петь умеющему'. Так же трактуются подобные предложения в грамматике Кеттунена—Ваулы.⁶ Инфини-

¹ См.: Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958, стр. 186.

² Примеры заимствованы из статьи Т. Г. Доля „Синтаксические особенности говора Заонежья“ (в кн.: Лингвистический сборник, вып. I. Петрозаводск, 1962, стр. 64).

³ Igor Vahros: Venäjän genetiivi ja suomen partitiivi eritoten objektin ja subjektin kaansuksina. Juhlakirja L. Hakulisen 60-vuotispäiväksi, Helsinki, 1959, стр. 283.

⁴ См.: М. И. Пигни. Из истории отрицательных безличных предложений. В кн.: Лингвистический сборник, вып. I. Петрозаводск, 1962, стр. 7—9.

⁵ E. N. Setälä—K. Nieminen. Suomen kielen oppikirja. Helsinki, 1954, стр. 161.

⁶ L. Kettunen—M. Vaula. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1952, стр. 131.

тив, примыкающий к существительным *aika, pakko, määrä* и т. д., в этих грамматиках считается определением, а само существительное — подлежащим. Только А. Пенттиля относит этот тип предложения к безличным, рассматривая инфинитив как составную часть сказуемого.¹

В русской грамматике подобные предложения в большинстве случаев считаются односоставными. Уже А. А. Шахматов² и А. М. Пешковский³ уделали много внимания в своих работах предложениям с инфинитивной конструкцией. Подробный анализ таких предложений дается также в работе Е. М. Галкиной-Федорук „Безличные предложения в современном русском языке“, в которой конструкции типа „весело кататься“, „холодно сидеть“, „неудобно ходить“ и т. п., состоящие из безлично-предикативных слов и примыкающего к ним инфинитива, считаются односоставными безличными предложениями.⁴ В академической „Грамматике русского языка“ такие предложения также относятся к безличным.⁵ К. Е. Майтинская, рассматривая безличные предложения в венгерском языке, считает спорным вопрос о том, является ли инфинитив в сочетаниях с такими словами, как *szükséges* 'нужно, необходимо', *kár* 'жалко' и т. п., составной частью главного члена безличного предложения или он должен рассматриваться как подлежащее двусоставного предложения.⁶ По ее мнению, этот вопрос может быть выяснен путем специального исследования с привлечением фонетики. Однако она считает, что нет пока достаточного основания отказаться от принятой в венгерских грамматиках точки зрения и относить эти предложения к односоставным.

По нашему мнению, в финском языке предложения с конструкциями, состоящими из связки, имени существительного или прилагательного и I инфинитива, являются несомненно безличными. Указанные конструкции представляют собой тесное словосочетание, выражающее единое понятие. В них инфинитив является необходимым дополнением к первой части главного члена. Интонация также не разделяет соответствующие предложения на две части, не выделяет в них двух членов предложения — подлежащего и сказуемого.

Инфинитив вне словосочетания называет действие безотносительно к лицу или ко времени. В словосочетаниях инфинитива с именами значение времени и наклонения передается глаголом-связкой, являющимся здесь обязательным элементом.

Инфинитив передает идею действия отвлеченно. Он вступает в словосочетания только с теми именами, которые обозначают отвлеченные понятия, а не конкретные предметы. Таковыми, в частности, являются: а) имена прилагательные, выражающие в сочетании со связкой состояние человека (*on hauska* 'весело', *on ikävä* 'скучно'), временные понятия (*on myöhäistä* 'поздно'), модальные значения возможности или невозможности (*on mahdollista* 'возможно', *on mahdotonta* 'невозможно'); б) группа имен существительных, обозначающих в сочетании со связкой модальные значения необходимости, возможности, долженствования (*on aika* 'пора', *on pakko* 'необходимо').

¹ А. Penttilä: 1) *Ns. yksipersonaisista verbeistä*. „Virittäjä“, 1954, стр. 97.

² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941.

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

⁴ Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958, стр. 288—290.

⁵ Грамматика русского языка, т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 30.

⁶ К. Е. Майтинская. Венгерский язык, III. М.—Л., 1960, стр. 220.

Перечисленные группы слов в сочетании с I инфинитивом выступают в роли главного члена безличного предложения. Инфинитив в таких словосочетаниях стоит обычно после имени.

Разделим эту группу безличных предложений по составу главного члена на две подгруппы: а) предложения, в которых инфинитив сочетается с именем прилагательным; б) предложения, в которых инфинитив сочетается с именем существительным.

Безличные предложения, главный член которых состоит из словосочетания связки, имени прилагательного и I инфинитива

Словосочетания имени прилагательного с I инфинитивом широко употребительны в финском языке. Как уже указывалось выше, инфинитив сочетается не со всеми прилагательными, а лишь с определенной группой прилагательных с отвлеченным значением. Сюда относятся имена прилагательные, выступающие в сочетании со связкой в форме номинатива или партитива и выражающие: состояние человека: *on hauska(-a)* 'весело', *on helppo(-a)* 'легко', *on hyvä* 'хорошо', *on häpeä* 'стыдно', *on harmillista* 'досадно', *on huvittavaa* 'забавно', *on ihana(-a)* 'прекрасно', *on ikävä(-ä)* 'скучно', *on ilkeätä, iljettävää* 'скверно, отвратительно', *on inhottavaa* 'противно', *on kaunista* 'красиво', *on kauhistavaa* 'ужасно', *on mielenkiintoista* 'интересно', *on murheellista* 'печально, грустно', *on paha* 'плохо', *on paras(-ta)* 'лучше', *on raskas(-ta)* 'тяжело', *on tukala(-a)* 'тягостно', *on vaarallista* 'опасно', *on vaikea(-ta)* 'трудно' и многие другие; временные понятия: *on aikaista* 'рано', *on myöhäistä* 'поздно', *on varhaista* 'рано'; модальные значения возможности или необходимости: *on mahdollista* 'возможно', *on mahdotonta* 'невозможно', *on tarpeellista* 'нужно', *on tarpeetonta* 'не нужно', *on välttämätöntä* 'необходимо'.

В словосочетаниях с инфинитивом эти прилагательные выражают субъективную или объективную оценку действия, обозначенного инфинитивом. Эти три группы прилагательных образуют соответственные семантические группы безличных предложений.

а) Прилагательные, обозначающие состояние человека, в сочетании с I инфинитивом образуют безличные предложения, выражающие состояние человека в связи с процессом или действием, названным инфинитивом. Признак, выраженный именем прилагательным, в них дополняется указанием на действие, в отношении которого признак проявляется. Например: *Hän kaivaa taskustaan hitaasti hopearahaa...*, *hän on vaikea siitä erota* (A. Kallas) 'Он медленно вытаскивает из кармана серебряную монету...', *ему трудно с ней расстаться*; *Parasta on meidän tuntea suora totuus* 'Лучше нам знать всю правду'; *Oli mieluisa heittää reppu selästään ja vettä turskavat saappaat jalastaan* (P. Haanpää) 'Было приятно сбросить котомку со спины и промокшие сапоги с ног'.

Генитивное дополнение *hänen* 'ему', *meidän* 'нам' в этих предложениях является логическим субъектом состояния. Иногда оно не выражено в предложении, но все же мыслится определенно. Например: *On hupaista huomata, kuinka hänen kasvoensa alkavat puunttaa* (P. Haanpää) 'Забавно видеть, как его лицо начинает краснеть'.

Логический субъект отсутствует в тех случаях, когда в предложении выражается констатация факта, объективная оценка действия. В таких предложениях действующее лицо мыслится обобщенно, глагол-связка выступает в них всегда в форме презенса (в значении настоящего

постоянного). Такие предложения чаще всего встречаются среди пословиц, так как в пословицах действующее лицо является обобщенным, действие может относиться к любому человеку или ко всем людям вообще. Например: *Häpeä on häistä tullen juosta juomahan joesta* 'Стыдно, возвращаясь со свадьбы, идти пить из реки'; *Parempi antaa kuin anoa* 'Лучше давать, чем просить'; *Työläs on paljaspäätä tukistaa* 'Трудно лысого за волосы таскать'.

При инфинитиве переходного глагола обычно выступает прямое дополнение, которое первоначально было подлежащим предложения. Например: *Virke on helppo korjata sanajärjestystä vaihtamalla* 'Фразу легко исправить, изменив порядок слов'.

б) Имена прилагательные, обозначающие временные понятия, в сочетании с I инфинитивом образуют безличные предложения, выражающие оценку действия по времени. Например: *Nyt on jo myöhäistä lähteä* 'Теперь уже поздно идти'; *On vielä aikaista aloittaa työ* 'Еще рано начинать работу'.

в) Сочетания инфинитива с именами прилагательными, обозначающими модальное значение возможности или необходимости, образуют безличные предложения, выражающие различные степени возможности что-либо сделать. Например: *Oli tarpeellista selvittää lapselle totuus (S. Alkio)* 'Нужно было объяснить ребенку правду'; *Oli ehkä sittenkin välttämätöntä ... sanoa ainoastaan totuus, kertoa asia niinkuin se oli (J. Aho)* 'Может быть, необходимо было все-таки сказать только правду, рассказать, как было дело'; *Minun on mahdotonta kaikkea tietää (E. Sinervo)* 'Мне невозможно все знать'.

Имя в генитиве обозначает лицо, о возможностях которого говорится в предложении.

Безличные предложения, главный член которых состоит из связки, имени существительного и I инфинитива

Имена существительные, выражающие отвлеченное понятие (*aika* 'пора', *aikomus* 'намерение', *lupa* 'разрешение', *määrä* 'долженствование', *oikeus* 'право', *pakko* 'необходимость', *tarkoitus* 'намерение', *valta* 'власть', право', *velvollisuus* 'обязанность'), и наречия *tarpeen*, *tarvis* 'нужно, необходимо', выступая вместе со связкой и I инфинитивом, образуют тесное словосочетание. Например: *on aika lähteä* 'пора идти', *on pakko suostua* 'придется согласиться'. В таких конструкциях имена существительные из полнозначных слов превратились в модальные. Поэтому они являются носителями модального значения главного члена предложения, а лексическое значение несет инфинитив. Такие безличные предложения выражают необходимость действия, долженствование, возможность или невозможность действия, желание или намерение что-либо сделать. Эти различные оттенки модальности зависят от лексического значения имен существительных, входящих в состав главного члена. Так, предложения со словами *aika*, *määrä*, *pakko*, *tarvis*, *tarpeen*, *velvollisuus* выражают долженствование, необходимость. Например: *Meidän on kai aika mennä lepäämään* 'Нам, пожалуй, пора идти отдыхать'; *Lainan oli määrä lausua runo iltamissa (F. E. Sillanpää)* 'Лайна должна была прочитать стихотворение на вечере'; *Isännän oli pakko hetkeksi laskea käsi vartensa hänen olkapäilleen (M. Waltari)* 'Хозяину пришлось на секунду опустить руки на его плечи'; *Hänen ei ole tarvis tulla* 'Ему не нужно приходить'.

Предложения со словами *lupa*, *oikeus*, *valta* выражают различные степени возможности что-либо сделать. Например: *Lupa on koiran luuta purra, kokin suolaa kokea* (пословица) 'Собаке можно (разрешается) кость грызть, повару — соль пробовать'; *Meidän ei ole lupa kertoa asiasta* 'Нам нельзя рассказывать об этом'.

Предложения со словами *aikomus*, *tarkoitus* выражают желание, намерение что-либо сделать. Например: *Filmauksen on tarkoitus alkaa tammikuussa*. 'Съемку намерены (досл.: есть намерение) начать в январе'.

Генитивное (или адессивное) дополнение в таких безличных предложениях обозначает лицо, которое должно или намерено произвести действие, выраженное инфинитивом, т. е. оно является подлинным производителем действия или носителем состояния.

Как видно из изложенного, безличные предложения со сложным главным членом (глагол-связка + предикатив) в финском языке очень многообразны по своей структуре и семантике. В качестве предикатива могут выступать различные части речи: имя существительное, имя прилагательное, наречие, инфинитивные и причастные формы глагола.

В разграничении личных и безличных предложений еще много спорного. Особенно много разногласий возникает при классификации экзистенциальных предложений с глаголом бытия, специфичность содержания которых заключается в том, что они выражают не активное действие, а состояние, бытие. В грамматиках финского языка принято считать партитив, наряду с номинативом, формой подлежащего, хотя сказуемое не согласуется в числе с этим подлежащим. Нам представляется, что при решении вопроса о грамматической структуре предложения следует исходить из сугубо грамматических показателей. Поэтому правомерно поставить вопрос о том, не правильнее ли считать экзистенциальные предложения с партитивной конструкцией безличными. Несомненно, этот вопрос, как и другие затронутые здесь спорные вопросы, требует более тщательного анализа.

Г. Н. МАКАРОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ КАРЕЛЬСКИХ ПОСЛОВИЦ
(Простое предложение)

В поэтическом творчестве карельского народа видное место занимают пословицы и поговорки, „образцово формирующие весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа“ (А. М. Горький). Пословица — это образное изречение, выражающее общее суждение в конкретной форме путем возведения частного случая в степень широкого обобщения. Зародившись в конкретной действительности из наблюдений над жизнью, пословицы содержат в себе какой-то вывод и мораль, благодаря чему они и применяются для характеристики множества других подобных фактов и явлений жизни. Переносный смысл пословиц значительно расширяет сферу их применения.

Пословицы, не развертывая изображения явлений жизни, в предельно сжатой форме отображают общепризнанный, выдержавший испытание временем закон. Одни из таких пословиц, выражая общие суждения или „вечные истины“, живут в языке народа и на протяжении долгого времени служат его интересам, другие вместе с изменением условий, в которых они возникли, теряют свою актуальность и становятся архаизмами.

Форма пословиц отточена и отшлифована языковой практикой народа и закреплена определенными художественными средствами языка (внутренней и конечной рифмой, аллитерацией, ритмом и т. п.). Поэтому в языковом отношении пословицы представляют собою художественно отработанные различной степени слитности фразеологические единства, в которых воплощены лучшие черты народного языка: выразительность, меткость, простота и лаконичность. Эти качества изречений народной мудрости в значительной степени достигаются их синтаксическим строем, заслуживающим специального изучения. Отсутствие исследований в этой области карельского синтаксиса осложняет решение поставленной задачи, и поэтому из целого круга вопросов здесь рассматриваются лишь некоторые особенности построения простого предложения в пословицах.¹ Содержащееся в пословице законченное суждение может быть выражено как простым, так и сложным предложением, в положительной или отрицательной форме.

Одной из специфических черт этого жанра народного творчества является то, что в нем представлены не все типы предложений. Не встречаются среди пословиц, например, вопросительные предложения,

¹ В качестве иллюстративного материала используются составленные автором статьи сборник „Карельские пословицы, поговорки и загадки“ (Петрозаводск, 1959) и имеющаяся в его распоряжении картотека, насчитывающая более четырех тысяч изречений, записанных в различных районах Карельской АССР и Калининской области. Хотя указанные источники и неполно охватывают пословичное богатство карельского народа, но они дают все же достаточный материал для наблюдений над языком пословиц.

за исключением редких примеров риторического вопроса: *Min tuuli kivellä voipi!* (ухт.)¹ 'Что ветер с камнем поделает!'

Пословица выражается обычно повествовательным предложением, заключающим в себе суждение о каком-либо факте, явлении, событии или утверждающем наличие у предмета того или иного признака. В сравнении с повествовательными предложениями значительно реже в пословицах встречается тип побудительных предложений, выражающих волеизъявление или совет: *Elä kehu ennen aikua* (ухт.) 'Не хвастайся раньше времени'.

Второй характерной чертой пословичных предложений является их четкое членение на две части, представляющие собою определенные, относительно замкнутые смысловые компоненты связной речи — синтагмы.²

При синтагматическом членении пословицы на две части последние могут совпадать или не совпадать с членением простого предложения на состав подлежащего и на состав сказуемого. Когда такое деление совпадает, то обычно одну синтагму образует состав подлежащего, вторую — состав сказуемого. Например: *Yks'inänie puu | tuwlda varajaw* (псн.) 'Одинокое дерево | ветра боится'; *Laihan kurren idäni | ei loitos kuwlu* (смб.) 'Крик тощего журавля | недалеко слышен'; *Kevähiäne kehno ilma | hyvyä ajattelow* (ухт.) 'Весенняя дурная погода | доброе предвещает'.

Когда синтагматическое членение простого предложения не совпадает с членением предложения на состав подлежащего и состав сказуемого, то одну синтагму в таком пословичном предложении может составить какой-либо из второстепенных членов, а другую — весь остальной состав предложения. Например: *Bohatalla | i kukko tuñiw* (псн.) 'У богатого | и петух несется'; *Nakruan | ei mieli piäh tule* (вкн.) 'Смеясь | ума не наберешься (досл.: ум в голову не приходит)'; *Koššutah lambahan kywnelet | hukalla* (псн.) 'Отзовутся овечьи слезы | волку'.

При таком членении пословичного предложения на синтагмы второстепенные члены предложения, важные в смысловом отношении, получают особое логическое ударение и становятся доминирующими. Так достигается быстрое схватывание основной идеи пословицы.

Третья характерная черта пословиц — их предельная сжатость. Пословица, образно выражаясь, сжимает предложение и отбрасывает все лишнее, мешающее простоте, ясности и краткости. „Пословицы... — говорит А. М. Горький, — всегда кратки, а чувства и ума в них на целые книги“.³ Именно сжатием пословичных предложений объясняется то, что среди них встречается множество неполных, эллиптических предложений. Несмотря на неполноту таких предложений, в смысловом отношении они законченны и самостоятельны, а значение отсутствующего в них члена выясняется через лексико-грамматические средства всего предложения. Пожалуй, ни в каком другом жанре устного народного творчества

¹ Пословицы, приведенные в качестве иллюстраций, в языковом отношении представляют разные диалекты карельского языка и даются здесь в упрощенной транскрипции. Взятые в скобки сокращения обозначают название деревни (или источник), где записана та или иная пословица. Расшифровка сокращений дается в конце статьи.

² Под синтагмой в данном случае понимается семантико-синтаксическая единица речи, несущая интонацию сообщения и отражающая связный элемент речевого целого. Звуковое единство в синтагме создается интонацией, главным образом ударением. Синтагма может состоять из одного слова или ряда слов. (См.: В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. В сб.: „Вопросы синтаксиса современного русского языка“, М., 1950, стр. 253).

³ А. М. Горький. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1934, стр. 114.

ства так часто, как в пословицах, не пропускается обязательное для карельского предложения сказуемое. Вот ряд предложений без сказуемых: *Toissapiänä toiñe i oža* (псн.) 'Новый день — новое и счастье'; *Pahašša piwšša pahat i okšat* (тиг.) 'На плохом дереве — плохие и сучья'; *Väöyn abu vain stolan tagana* (псн.) 'Помощь от зятя только за столом'.

В роли подлежащего в этих предложениях, как правило, выступает только существительное.¹ Оно стоит в форме номинатива единственного или множественного числа. Номинативная форма существительного указывает на целостность субъекта. По нормам карельского языка существительное могло бы стоять и в форме партитива. Тогда оно указывало бы на частичность субъекта, например: *Toissapiänä toista i oža* 'На другой день — другое и счастье (досл.: другого счастья)'.

В пословицах же закрепилась номинативная, целостная форма и поэтому более яркая, категоричная.

Сказуемое в таких эллиптических предложениях легко подразумевается; им служит как глагол *olla* 'быть' (в 3-м л. ед. или мн. ч.: *on, ollah*), так и другие смысловые глаголы, например: *ropad'iw* 'попадает', *pidäw* 'надо, нужно', *roih, lienöw* 'станет', *ruadua* 'работать', *riittä* 'хватать, быть достаточным', *eht'iu* 'успеть' и др. *Ruadamattomah kädeh [lienöw libo kažvaw]*² *rakko* (там.) 'На не привыкшей к работе руке [быстро вырастет] мозоль'; *Liiga [ropad'iw] liikujalla* (псн.) 'Лишнее [попадет, перепадет] тому, кто на месте не сидит (досл.: двигающемуся)'; *Yheštü kylüštü yheksüt kuwloimat [iijuššat]* (тиг.) 'Новости да сплетни всегда разноречивы (досл.: из одной бани девяти сортов слухи [узнаешь])'; *Maguajalla [pidäw] pielüšta* (псн.) 'Спящему [нужна] подушка'; *Huviä mieštü šuwrehšoppeh [vejetäh] kiäštü* (мсв.) 'Хорошего человека за руку [ведут и сажают] в красный угол'; *Purdilon ei veži [peššyn], nälgu peži* (псн.) 'Миску не вода [вымыла], голод вымыл'.

В конструкциях с невыраженным смысловым глаголом предметам (*rakko* 'мозоль', *pielüš* 'подушка' и т. д.) приписывается активное или пассивное действие, хотя само это действие лексически и не обозначено.

Среди карельских пословиц встречаются конструкции бесподлежащих обобщенно-личных предложений. В них обозначаемое глаголом действие отнесено не к конкретному, а к обобщенному лицу, ко всякому человеку: им может быть или сам говорящий, или его предполагаемый собеседник, или люди вообще. Такие пословицы выражены как утвердительными, так и отрицательными конструкциями обобщенно-личных предложений. В роли сказуемого может стоять глагол 2-го или 3-го л. ед. ч. настоящего времени в изъявительном наклонении. Особенностью конструкций с глаголом 2-го лица единственного числа настоящего времени является то, что среди них встречаются примеры как в изъявительном, так и повелительном наклонении. В конструкциях же с глаголом в форме 3-го л. ед. или мн. ч. примеров в повелительном наклонении не встречается.

1. Примеры первой разновидности.

а) Сказуемое выражено глаголом в форме изъявительного наклонения: *Muanitat vai kierran* (смб.) 'Обманешь только однажды'; *Kuolies-ta väliän viluššut* (псн.) 'К мертвому скоро охладешь'; *Igiä eliäššü*

¹ Примеров ни с субстантивированным именем прилагательным, ни с местоимением, ни с другими частями речи в имеющейся коллекции не встретилось.
² В квадратных скобках дается предполагаемое сказуемое.

kaikkena kuavehtiečēt (псн.) 'На веку всяко поживешь (досл.: по всякому причудишься)'; *Dengalla oža et ošša*¹ (псн.) 'На деньги счастья не купишь'; *Kärbäzie tapannalla et ota* (псн.) 'От мух тем, что их давишь (досл.: давленьем), не избавишься'.

б) Сказуемое выражено глаголом в форме повелительного наклонения: *Jatka päiväi huandekses* (мгрз.) 'Продлевай день с утра'; *Syötä hebo kagral ende pletin iškud* (плд.) 'Накорми лошадь овсом до удара плетью'; *Elä opašša utua uimah* (псн.) 'Не учи утенка плавать'; *Älä sapan kohtah ammu* (сст.) 'Не задевай больного места (досл.: не стреляй в желчь)'.

2. Примеры второй разновидности.

а) Сказуемое выражено глаголом 3-го лица единственного числа настоящего времени: *Muaten unešta piäšöy* (ухт.) 'Спавнем от сна отделаешься (досл.: отделается)'.

Примеров, где сказуемое было бы выражено отрицательной формой глагола 3-го лица единственного числа, в этой группе пословиц не встречается, так как в этом значении всегда употребляется глагол в форме 2-го лица (см. 1, а).

б) Сказуемое выражено глаголом 3-го лица множественного числа настоящего (-постоянного) времени в утвердительной или отрицательной форме: *Paha taba tahkotah* (смб.) 'Дурной характер на точле оттачивают', *Päiväd kiitetüh ehtül* (плд.) 'День хвалят вечером'; *Verdahizel verkko paikatah* (срв.) 'Теми же [нитками] сеть чинят'; *Silmien tagana i čuarie koškietah* (псн.) 'За глазами и царя судят'; *Ei unešta huttuo keitetü* (вкн.) 'Из сна кашу не варят'; *Kyzyndüs jülles ei ajeta* (смб.) 'За спрос не преследуют'; *Kalah iemmä merda ei münnä* (псн.) 'За рыбой дальше моря не ездят'; *Poštoa ei sivota, eigö keritetü* (срв.) 'Вестей (досл.: почту) не завязывают и не развязывают'.

Главный член — сказуемое — в таких предложениях не вызывает представления об отнесении действия, о котором говорится, к предмету или лицу как его производителю. В предложении подчеркивается лишь то, что действие совершается безотносительно к конкретному действителю, неизвестно кем или безразлично кем.

При „сжатии“ пословичного предложения иногда даже в бесподлежащих предложениях опускается сказуемое. Таким путем, отбросив „все лишнее“, предложение, как правило, теряет смысловую законченность, присущую пословице, и пословица переходит в категорию поговорок — метких образных изречений, употребляемых в известном контексте. Так возникают некоторые карельские поговорки. Например: *Rahvahašša ei mečüššü* (псн.) 'На людях — не в лесу'; *Kodvañe da korjašša* (псн.) 'Недолго — да в санках'; *Pihalla da brihalla* (псн.) 'На улице — да за парня'; *Nällällä da omalla vällällä* (псн.) 'Толодом — да на своей воле'; *Lapšen tokkua i nänkällä nokkua* (псн.) 'Через ребенка и няньке вдоволь'.

В изречениях типа *Lapšen tokkua i nänkällä nokkua* не выражен ни один из главных членов предложения. Употребление их в известном контексте делает высказывание сжатым и придает речи особую экспрессивность и образность.

В основе большинства пословиц лежит антитеза, предполагающая наличие двух противопоставляемых понятий. Такое противопоставление легче всего может быть осуществлено в сложно-сочиненном предложении, которое поэтому остается ведущим типом в синтаксическом строе

¹ В карельском, как и в некоторых других прибалтийско-финских языках, в отрицательной форме спрягается только отрицание *ei* 'не', а смысловой глагол остается без изменения.

пословиц. Компоненты сложносочиненного предложения очень часто выражены простыми нераспространенными предложениями всех выше рассмотренных типов. Например: *Oma ohkahtah, vieras lohkahtah* (мгрз.) 'Свой вздохнет, чужой захохочет'; *Suwih sanow, vaččah menöw* (смб.) 'На ухо (досл.: в рот) скажет, на сердце (досл.: в живот) ляжет'; *Päiväksi herruutta — ijäksi koiruutta* (ухт.) 'На день панства — на всю жизнь хамства' и т. д.

Из рассмотренных пословиц, имеющих в своей основе антитезу, простые предложения — компоненты сложных предложений — сжаты до предела, состоят только из подлежащего и сказуемого (*Oma ohkahtah, vieras lohkahtah*). Примеры этого рода довольно широко распространены среди карельских пословиц, но среди простых предложений нераспространенные почти не встречаются. В частности, нет таких примеров, где сказуемое было бы выражено глаголом. Имеется несколько пословиц, выраженных простым нераспространенным предложением с составным сказуемым (глагол-связка пропущена, налицо только именная часть): *Elämäföin — tiedämäföin* (псн.) 'Непожитое — неведомое'; *Alimmahe — viärimmähe* (тнг.) 'Побежденный — виновный (досл.: более нижний — более виновный)'; *Hairahuš — ew viäryš* (псн.) 'Ошибка — не вина'; *Hyllätty — ew hullattu* (мгрз.) 'Покинутый — не параличом разбитый'; *Ruattu — ew muattu* (псн.) 'Поработано — не поспано'; *Gazietta — ew azeitta* (псн.) 'Газета — новости со всего света (досл.: газета — не без дела)' и т. д.

Сжатость пословиц достигается также лексико-семантическими средствами. В качестве подлежащего и особенно дополнения в пословичном предложении часто выступают субстантивированные имена прилагательные, причастия, имена числительные, т. е. слова, совмещающие в себе указание на предмет и одновременно на его качество, свойство или количественные отношения. Субстантивизация имени прилагательного и других частей речи дает возможность не называть само существительное и тем самым сокращает, „сжимает“ предложение.

Примеры с субстантивированными прилагательными. *Huväle miero hinnan aziw* (мгрз.) 'Хорошему мир цену установит'; *Valmiš ewle ainos kawhiš* (мгрз.) 'Готовое не всегда красиво'; *Tywhi väliemmä tywriäw* (псн.) 'Тихоня (досл.: тихий) скорее саданет'; *Aigahe myöhäzellä ei heittäče* (псн.) 'Ранний позднему не поддается'; *Kyltähe nälgähizen päivie ei arvuä* (псн.) 'Сытый голодного не разумеет'; *Iänettämhä kätin et mäne* (тнг.) 'К молчаливому не прицепишься'.

Примеры с субстантивированным местоимением. *Omašta ew ubitkua* (псн.) 'От своего нет убытка'; *Oma on jogohizella šoma* (псн.) 'Свой у каждого красив'.

Примеры с субстантивированным причастием. *Oššettu käzie varajaw* (псн.) 'Покупное (досл.: купленное) рук боится [быстро тратится]'; *Hädäwäw on howkka* (тлм.) 'Попавший в беду безумен'; *Jalki jännehen vetäy* (ухт.) 'След отставшего приведет'; *Astuja istujah ei vaihtuäče* (тнг.) 'Идущий с сидящим не поменяется'.

Примеры с субстантивированными числительными. *Yksi suaw — yheksä syöw* (смб.) 'Один добывает — девятеро (досл.: девять) едят'; *Yksi ruadaw, kakši kačow* (псн.) 'Один работает — двое (досл.: два) смотрят' и т. д.

Употребление субстантивированных прилагательных, числительных и других частей речи в роли подлежащего и дополнения делает эти предложения краткими. В таких случаях отпадает необходимость в опреде-

лении существительного прилагательным, которое „загромождало“ бы предложение и замедляло бы темп высказывания. С другой стороны, и это самое главное, отсутствие определения (при субстантивированных прилагательных — отсутствие определяемого) придает пословице обобщающий смысл.

Известно, что всякое определение ограничивает понятие известными рамками и тем самым сужает сферу применения этого понятия. Отсутствие в пословичном предложении конкретного определяемого при субстантивированном имени прилагательном, а также причастии, местоимении, числительном делает пословицу более объемной. Наглядно в этом можно убедиться на примере *Tyhjäl et tykiče* (смб.) 'Пустым не заткнешь'. Здесь не названо, что *tyhju* 'пусто', 'пустой' может быть и рука (*tyhju käzi*), 'пустым' может быть и кошелек (*tyhju kukkaro*), в переносном смысле 'пустой' может быть и голова (*tyhju piälakka*), словом — все, что вмещает в себя или содержит в себе что-либо. Поэтому целенаправленный подбор лексических средств служит одним из главных способов сжатия пословичных изречений, делающих их лаконичными по форме и объемными по содержанию, охватывающими большое количество жизненных явлений и фактов.

Предикативные отношения в пословицах выражаются сказуемым. Но в связи с тем, что в пословицах говорится о постоянно действующих связях и закономерностях, сказуемое выражается глаголом только настоящего времени (в значении настоящего-постоянного или вневременного): *Peldo perehen šyöttäw* (тлм.) 'Поле семью кормит'; *Työ teki-jänšä neuvou* (ювл.) 'Работа мастеру подскажет'; *Ruado mieštä ei riko* (псн.) 'Работа человека не портит'; *Huolova laisalda kiästä kis-kow* (псн.) 'Радивый у нерадивого из рук вырывает'.

В случаях, когда сказуемое выражается не глаголом в настоящем времени, а другими частями речи (прилагательным, существительным, инфинитивом), глагол-связка *olla* 'есть' (или *pidäw* 'надо' при инфинитивах), как правило, опускается: *Muamön vičča [on] villahe* (псн.) 'Мамин прут мягкий (досл.: шерстяной)'; *Kauhiž velgu [on] maksajen* (смб.) 'Долг платежом красен'; *Veri vetkä [on] šagiemi* (псн.) 'Кровь гуще воды [о родстве]'; *Uni [on] uiruneen toveri* (ухт.) 'Сон — друг утомившегося'; *Paha taba — [on] terveh hädä* (смб.) 'Дурной характер — безболезненная хворь (досл.: здоровая болезнь)'; *Kerda luw koiralla [pidäw] luwva* (псн.) 'Собаке кости бросается один раз [дочь замуж выдается один раз]'; *Ezmäine dielo langettuw [pidäw] nosta* (смб.) 'Упадешь — первым делом встань'; *Itkijen [pidäw] mennä, nagrajen [pidäw] el'ia* (*miehele mennes*) (илн.) 'С плачем выходить, радуясь — жить [о замужестве]'.

Глагол-связка с именной частью сказуемого в пословицах употребляется только в тех случаях, когда логическое ударение падает на сказуемое: *Tyhjästä on paha nyhätd* (вкя.) 'Из ничего трудно (досл.: есть плохо) выдернуть'; *Oma on čoma jogahizes* (срв.) 'Свой красив (досл.: есть красив) у каждого'; *Tervehyš ilmalda on paraš* (тлм.) 'Здоровье есть красивое у каждого'; *Tervehyš ilmalda on paraš* (тлм.) 'Здоровье есть красивое у каждого'; *Uskalmo on tyhju* на свете самое дорогое (досл.: есть самое пустое); *Paha on borčuija vägö* (смб.) 'Обещание пусто (досл.: есть пусто)'; *Myöhädistä väнке* (псн.) 'Плохо с сильным бороться (досл.: есть плохо)'; *Myöhädistä väнке on kuoltuo katuo* (ухт.) 'После смерти поздно каяться (досл.: есть поздно)'.

Подлежащее и сказуемое в пословичном предложении, как правило, согласуются в числе. Однако когда подлежащее выражено существительным во множественном числе, называющим парные предметы

(части тела) или отвлеченные понятия, иногда имеет место нарушение согласования в грамматическом числе, например: *Vellal on puwhizet jallat* (смб.) 'У долга (досл.: есть) деревянные ноги'; *Ei loru kummat kuulumašta* (ухт.) 'Чудеса не переводятся (досл.: не кончаются)'; *Ihmine vanhenoo, vaivat nuorenoo* (сст.) 'Человек стареет, недуги молодеют (досл.: молодеет)'.
Нарушение согласования в грамматическом числе иногда наблюдается и в обыденной речи, когда какое-либо множество воспринимается как нечто целое, например: *Tulou sielä halonleikkuaajat vastah* (АКФ, колл. 26, № 52) 'Идут навстречу дровосеки (досл.: идет навстречу дровосеки)'; *Pennut sielä vikaiau* (АКФ, колл. 19; № 20) 'Щенята там пишат (досл.: пишат)' и т. д. Обратное явление: подлежащее — существительное с собирательным значением — стоит в единственном, а сказуемое — во множественном числе: *Rahvas tullih kaččomah tuas* (АКФ, колл. 19, № 23) 'Народ пришел (досл.: пришли) смотреть снова'; *Sotaväki tuli jovernannalla ta kysytäh* (АКФ, колл. 19, № 12). 'Войско пришло на берег и спрашивают' и т. д.

Для выражения основного содержания действия в пословицном простом предложении из второстепенных членов чаще всего употребляется дополнение, которое выражает объект действия непосредственно или косвенно.¹ Прямое дополнение может быть выражено как в форме I аккузатива (схожего с формой генитива), так и в форме партитива.

а. Прямое дополнение в форме I аккузатива: *Sualis miehen kiihyttäy* (ухт.) 'Добыча возбudit человека'; *Kyben kylän virittäw* (псн.) 'Искра деревню зажжет'; *Humala prawvan šanow* (псн.) 'Хмель правду выложит'; *Spora da tora druwwžban zavod'itah* (крш.) 'Со спора и драки и дружба начинается (досл.: спор и драка дружбу начинают)'.
б. Прямое дополнение в форме партитива: *Ahneh šytyttäy riitua* (ухт.) 'Жадный ссору разжигает'; *Käzi kättä pežow* (псн.) 'Рука руку моет'; *Vehnäne ei šuwda lyötä* (тлм.) 'Пшеничный (хлеб) оскомину не набьет (досл.: рта не натрудит)'; *Aiga ni kedü ei vuota* (псн.) 'Время никого не ждет'; *Keñen oža midü šuaččow* (псн.) 'Не всем во всем везет (досл.: чье счастье что любит)'.
В пословицах широко представлены также косвенные дополнения, показывающие различные отношения к действию. Они могут быть выражены существительными в различных падежах; в адессиве: *Viestillä podvodua ei pie* (псн.) 'Для вестей подвода не требуется'; в элативе: *Prowbus piä ei mene* (смб.) 'За попытку головой не расплачиваются'; *Kulda revušta tunduw* (псн.) 'Золото от грязи отличается'; в иллативе: *Vuašah kaikki mänöw* (псн.) 'В крошку все годится'; в транслативе: *Lapsi muamokši luadiw* (псн.) 'Ребенок научит быть матерью (досл.: матерью делает)'.
Другие второстепенные члены в простых пословицных предложениях, как указывалось выше, встречаются реже, чем дополнение, так как они не всегда обязательны для выражения основного содержания действия. Однако там, где определение или обстоятельство употреблены, они несут на себе большую смысловую нагрузку, уточняя высказываемую мысль. Например: *Yhteh hiileh puhutah* (смб.) 'На один уголь дуют'

¹ Интересно отметить, что в опубликованном сборнике „Карельские пословицы, поговорки и загадки“, содержащем около 1100 изречений, менее 300 пословиц выражены простыми предложениями, из них более двух третей (230) распространены только одним второстепенным членом, в том числе половина предложений (114) имеет дополнение, одна треть (78) — обстоятельство и одна шестая (38) — определение.

(т. е. заодно); *Kaikkii hyvyžii ei kierdah* (мгрз.) 'Все хорошее не сразу'; *Leččimätöin kibu janduw* (псн.) 'Невылеченная болезнь о себе напоминает'; *Laihan kurren iäni ei loitoš kuulu* (кмн.) 'Крик того журавля недалеко слышится'.
Без определения эти предложения, за исключением последнего, не имеют законченного смысла. В последнем предложении определение *laiha* 'тощий' при слове *kurgi* 'журавль' имеет переносное значение, и все сочетание в целом обозначает „беззащитное существо“.

Знаменательно, что в пословицах исключительно редко встречается характерный для произведений народного творчества постоянный эпитет, играющий, как известно, „украшающую“ роль, например: *valgie valda* 'вольная воля (досл.: белая воля)'; *lagie peldo* 'чисто (досл.: ровное) поле'; *mušta broñi* 'черный ворон'; *suwri miero* 'большой мир' и т. д. Когда этот эпитет выступает в пословице или близком к ней фразеологическом обороте, то он теряет функцию „украшения“ и принимает на себя роль, функцию конкретного определения, например: *Vuota, kuñi mušta broñi harmawduw* (псн.) 'Жди, пока черный ворон будет серым'; *Oma valda lapšen rikkow* (псн.) 'Самовольство (досл.: своя воля) ребенка испортит'.

Несмотря на то что обстоятельство в предложении выполняет множество функций, оно характеризует действие или признак в отношении его качества или интенсивности, указывает на способ совершения действия, время, место, причину, цель, условие, с которым связано действие или появление признака и т. п., оно в простых пословицных предложениях встречается относительно редко (см. примечание-сноску на стр. 60). Вот несколько примеров: *Käzi issunnalla ottaw* (псн.) 'Кошка умеет ждать (досл.: сиденьем берет)'; *Oppien šeppiä tulou* (ухт.) 'Кузнецами становятся учась'; *Koissa i šeinät autetah* (ухт.) 'Дома и стены помогают'; *Linnašša on kaikki hinnašša* (псн.) 'В городе все за денежки (досл.: в цене)'.
Среди пословицных предложений, сжатых по конструкции, встречаются немногочисленные примеры с однородными членами предложения.

а) С подлежащими: *Toivotuš da muaniuš ollah rinnakkeh* (псн.) 'Посул да обман рядышком'; *Päčči da vačču velgah ei vuoteta* (псн.) 'Печь да желудок не могут долго ждать'.

б) Со сказуемыми: *Viina piäštaw i issuttaw* (псн.) 'Вино освобождает и сажает'; *Yhellä šuwlla itet dai nagrat* (псн.) 'Одним ртом плачешь и смеешься'.

в) С дополнениями: *Kielastandal da värrastandal et elä* (смб.) 'Обманом да воровством не проживешь'; *Lapšie da kažiloida et muaniuš* (псн.) 'Детей да кошек не проведешь'; *Šurmalla da šula-hazella vägeh ei mäne* (псн.) 'К смерти да к жениху не напросишься (досл.: силой не пойдешь)'.
г) С однородными обстоятельствами: *Udala n'ägöw ieštü i taguoda* (псн.) 'Ловкий видит спереди и сзади'.

Характерно, что примеров с однородными определениями среди простых пословицных предложений из указанного сборника не встретилось. Это еще раз говорит о второстепенном значении определения и доказывает, что пословица стремится избежать всего лишнего, что загромождает высказанную в ней мысль.

Из приведенных выше примеров видно, что пословица с особой тщательностью отбирает слова, а среди однородных членов предложения избегает синонимов. Во всех выше приведенных случаях наблюдается сочетание более или менее отдаленных понятий, контрастных сравнений.

построенных на антитезе или схожих между собою по какой-либо функции или особенности, например: *päčči* 'печка' и *vačči* 'желудок' — оба регулярно „требуют питания“; *lapšet* 'дети' и *kažit* 'кошки' — те и другие очень отзывчивы и чутко реагируют на обиду или ласку; *toivotuš* 'посул' и *tuahitus* 'обман' связаны единым понятием выполнения или нарушения какого-либо обязательства и т. п. Большую роль при этом играет также художественное оформление пословицы (рифма, ритм, аллитерация и др.), однако рассмотрение этого вопроса не входит в задачу данной статьи.

Несколько замечаний о порядке слов. Карельский язык обладает богатой системой словоизменения, поэтому порядок слов в предложении не является строго определенным, как это имеет место в ряде индоевропейских языков. В карельском языке, как и в большинстве других прибалтийско-финских языков, допускается свобода расположения членов предложения. Многообразие и богатство системы окончаний в некоторых прибалтийско-финских языках, в частности в финском, допускает, как утверждает Л. Хакулинен, даже некоторую монотонность в интонации предложения.¹ Поэтому порядок слов в предложении здесь служит одним из внутренних средств более точного выражения мысли, а следовательно, и определенным стилистическим приемом.

При спокойном повествовании нормальным для карельского языка является следующее расположение членов предложения: подлежащее — сказуемое — объект (при обязательной препозиции определения; обстоятельство также больше тяготеет к препозиции), например: *Havvukku otti valgien kanan* 'Ястреб унес белую курицу'; *Hänen tuattah čomah vestäv uwttu kirvesvärtu* 'Его отец красиво строгаёт новое топориче'.

Однако в пословицах такой (условно назовем „прямой“) порядок слов встречается исключительно редко. Из нескольких тысяч пословиц нам удалось выделить лишь два-три примера с „прямым“ порядком слов: *Ahneh šytyttäy riitua* (ухт.) 'Жадный затевает ссору'; *Juonda vedäv šellällä tuonnan* (псн.) 'Пьянка утащит то, что спина притащит (досл.: спиной приносимое)'.

Для подчеркивания того или иного смыслового оттенка в сжатом пословичном предложении порядку слов принадлежит одно из ведущих мест. Путем перемещения сказуемого с постпозиционного положения по отношению к подлежащему в препозиционное, путем перестановки его в начало предложения достигается то, что на действие будет обращено особое внимание, совершение такого действия будет акцентировано: *Tulou piä pitälläki* (ухт.) 'Будет конец и длинному'; *Tuntou tuuli taivahan tuumat* (ухт.) 'Знает ветер неба думы'; *Onhan še šokka norpallagi* (тиг.) 'Имеется же нос и у нерпы'; *Ewlo omah šuwš šylgijästä* (псн.) 'Нет таких, кто стал бы себя охаивать (досл.: не бывает плюющих себе в рот)'; *Kawhiš velgu maksajen* (смб.) 'Красив долг платежей'.

Если действие акцентируется порядком слов, то даже такой широко распространенный художественный прием, как аллитерация, отступает на второй план. Между аллитеративно звучащими словами здесь появляется слово без аллитерации: *Tuhmi dorogan tundow* (мгрз.) 'Провинившийся дорогу знает'; *Huomenell'ine iče huolen pidäv* (псн.) 'Завтрашнее о себе само позаботится'.

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. М., 1955, стр. 169.

В случаях, когда речь идет об известном действии и его хотят дополнить новым сообщением, дополнение с конца предложения перемещается в самое начало: *Ohvotnikkua šiu ei pie* (псн.) 'Охотника погода не держит'; *Pyytäjy ei pyytämättömäh vaiheta* (вкн.) 'Ловца на неловца не поменяют'; *Kirvesü elü hivo yhtiäl'dä päin* (псн.) 'Топордых надо учить'; *Nuorie pidäv opaštua* (псн.) 'Молодых надо учить'.

В отрицательных пословичных предложениях при акцентировании негативного суждения отрицание *ei* ('не') отрывается от смыслового глагола и ставится в начало предложения, а глагол в самый конец его: *Ei yksi piüşkyñi kešyä luai* (ухт.) 'Одна ласточка лето не делает'; *Ei ruado mieštä riko* (псн.) 'Труд человека не портит'; *Ei lapsi rovušta kaaо* (псн.) 'Ребенка по роду отличишь (досл.: ребенок из рода не потеряется, т. е. сохранит повадки рода)'.

В других случаях отрицание *ei* стоит обычно непосредственно перед глаголом: *Ei ole hukan šyömiä ristikanžua* (псн.) 'Не бывает, чтобы волк съел человека (досл.: волком съеденного человека)'; *Valehuksella ed'äh et aja* (псн.) 'На обмане далеко не уедешь'; *Tulijan piädä et t'ijü* (псн.) 'Нежданного гостя не знаешь'; *Juwretta i kargie heiñä ei kažva* (псн.) 'Без корня и горькая трава не растет'.

Таким образом, порядок слов в пословицах, как одно из внутренних средств более точного выражения мысли, играет очень важную роль. В пословицах находит отражение один из основных законов поэтического искусства, сформулированный Л. Н. Толстым: „единственно нужное размещение единственно нужных слов“¹.

Выводы

1. Для выражения членов предложения в карельских пословицах употребляются основные общераспространенные средства языка с некоторым ограничением, обусловленным специфическими особенностями жанра. В силу обобщающего характера пословиц подлежащее в них, например, не может быть выражено личным местоимением.

2. Множество пословиц передается эллиптическими предложениями, что объясняется стремлением к сжатию изречения. Сжатие пословичного предложения может происходить путем отбрасывания всего лишнего (даже главных членов, если они выясняются из контекста) или путем отбора лексико-семантических средств языка. Поэтому в пословицах особенно широко употребляются субстантивированные прилагательные, причастия и числительные, которые в данном контексте мыслятся предметно.

3. В синтаксическом строе пословичного предложения широко представлены конструкции обобщенно-личных предложений, в которых сказуемое выражено глаголом 2-го лица единственного числа в изъявительном и повелительном наклонении, а также глаголом 3-го лица единственного числа настоящего времени (в значении настоящего-постоянного) в изъявительном наклонении.

4. Среди максимально сжатых пословичных простых предложений наиболее типичными являются простые двусоставные предложения, распространенные чаще всего одним или двумя второстепенными членами,

¹ Л. Н. Толстой. Что такое искусство? М., 1898, стр. 344—345.

в первую очередь — дополнением. Самостоятельных простых нераспространенных предложений в карельских пословицах почти не встречается.

5. Порядок слов, как один из внутренних средств более точного выражения мысли, в пословичных предложениях играет исключительно большую роль. Прямой порядок слов в карельском предложении: подлежащее, сказуемое, объект (при обязательной препозиции определения) в пословицах встречается в единичных случаях. Целенаправленный выбор порядка слов в карельских пословицах возможен благодаря исключительно богатому многообразию и полноте системы словоизменения.

Список сокращений

- АКФ — Архив Карельского филиала АН СССР
 вки. — Вокнаволок, район Калевалы Карельской АССР
 илн. — Ильинское, Олонецкий район Карельской АССР
 кмн. — Каменное Озеро, район Калевалы Карельской АССР
 крш. — Крошнозеро, Пряжинский район Карельской АССР
 мгрз. — Мегрозеро, Олонецкий район Карельской АССР
 мсв. — Мосеевское, Весьегонский район Калининской области
 пзд. — Пелдожа, Пряжинский район Карельской АССР
 псн. — Пасынок, Спировский район Калининской области
 пчи. — Печная Сельга, Олонецкий район Карельской АССР
 смб. — Самбатукса, Олонецкий район Карельской АССР
 ест. — Суйстамо, Суоярвский район Карельской АССР
 срв. — Суоярви, Суоярвский район Карельской АССР
 там. — Толмачи, Лихославльский район Калининской области
 тнг. — Тунгуда, Беломорский район Карельской АССР
 ухт. — Ухта, район Калевалы Карельской АССР
 ювл. — Ювялакша, район Калевалы Карельской АССР

В. П. ТАРАСОВ

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ НЕЗАКОНЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Причастия — именные формы глагола — заключают в себе как признаки глагола, так и прилагательного. Они обозначают действие, приписываемое лицу или предмету как признак или свойство, проявляющееся во времени. В карельском языке, как и в ряде других прибалтийско-финских языков, на основании морфологических особенностей и различий в значении выделяется несколько групп причастий. В настоящей статье рассматриваются причастия незаконченного действия.

Происхождение причастий незаконченного действия в общем плане развития этой грамматической категории в прибалтийско-финских и финно-угорских языках нашло отражение в исследованиях Д. В. Бубриха и ряда других ученых. В „Исторической фонетике финского-суоми языка“¹ „Исторической морфологии финского языка“² и других работах Д. В. Бубрих освещает вопрос развития имен действия в финском языке и вместе с тем касается вопроса о развитии активных причастий и в карельском языке. Он пишет, что важную роль в образовании отглагольных имен играет суффикс *-ja, -jä* или в случае отпадения — *a(ä)-i*. Этот суффикс встречается в именах типа *muistaja* ‘тот, кто помнит’, *rainaja* ‘тот, кто давит, жмет’, *työntäjä* ‘тот, кто толкает’ и т. д. Это — название действителя; в карельском языке отсюда происходят активные причастия незаконченного действия. Далее он указывает, что названия действителя на *-ja, -jä* сложились не в независимой позиции, а в позиции определения, т. е. в случаях вроде *muistaja-mies* ‘память-человек [тот, кто помнит (человек)]’, откуда могло происходить *muistaja* ‘тот, кто помнит’.³ В дальнейшем развитии употребление имен действителя на *-ja, -jä* в позиции определения обобщилось. Эта форма активных причастий незаконченного действия на *-ja, -jä* полностью вытеснила в карельском языке общеприбалтийско-финскую форму активных причастий на *-va, -vä*. Если в настоящее время для ряда прибалтийско-финских языков (в частности, финского и эстонского) характерно употребление в позиции определения имен действителя на *-ja, -jä* наряду с причастиями на *-va, -vä*, то в карельском языке глагольные формы на *-va, -vä* сохранились только как имена прилагательные: *elävä hengi* ‘живая душа’, *palava kivi* ‘горячий камень’, *kuulova ristikanza* ‘прославленный человек’ и т. д.

Характерно, что А. Генетц еще в конце прошлого века в своем исследовании ливвиковского диалекта карельского языка, рассматривая систему причастий карельского языка, по образцу финских грамматик выделял в нем „первое и второе“ причастие. К первому причастию он относил все глагольные образования на *-va, -vä*, т. е. активные

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петро-заводск, 1948.

² Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955.

³ Там же, стр. 112.

и пассивные причастия незаконченного действия: *hän on löykkänüh soavan* 'он хвастался, что получил'.¹ Но в современном карельском языке активные причастия как по форме, так и по своему значению отличаются от глагольных образований на *-va, -vä*. Во всех диалектах карельского языка глагольные образования на *-va, -vä* со значением „находящийся в таком-то состоянии, совершающий такое-то действие“ утратили свою первоначальную функцию активных причастий незаконченного действия и перешли в прилагательные. Они встречаются в сравнительно небольшом количестве фразеологических оборотов и в конструкциях с семантически ограниченным кругом глаголов. Как причастия они сохранились только в пассивных формах.

О былом существовании формы активных причастий незаконченного действия на *-va, -vä* в карельском языке свидетельствуют пассивные причастия незаконченного действия на *-va, -vä*, которые в настоящее время выступают с суффиксами *-ta-va, -tä-vä, -tta-va, -ttä-vä, -da-va, -dä-vä* (формы собственно карельского диалекта), *-ta-vu, -tä-vu, -tta-vu, -ttä-vu, -da-vu, -dä-vu* (формы ливвиковского диалекта) и *-ta-v, -tä-v, -tta-v, -ttä-v, -da-v, -dä-v* (формы людиковского диалекта): например, *kylvettävä peldo* 'засеиваемое поле', *ruattavu ruoda* 'делаемая работа', *kaivettavu kaivo* 'копаемый колодезь', *juodavu vezi* 'выпиваемая вода', *kainettavu väzyu, kandaju ei* 'Несомый устает, несущий нет (о лодке)'; *Syödävy suodavas, elettävy kylän varas* 'Кушай, что сам заработаешь (досл.: из зарабатываемого), в беде на деревню надейся'.

Эти пассивные причастия типа *otettava* „новообразованы при «пассивных» глагольных формах, когда они были еще подлинно пассивными по образцу активных причастий типа *ottava* при активных глагольных формах“.²

Ниже рассмотрим наиболее характерные для карельского языка обороты с глагольными образованиями на *-va, -vä*, совпадающие по своей форме с причастиями незаконченного действия в финском языке.

Как уже указывалось, эта глагольная форма в карельском языке полностью адъективировалась и утратила свое первоначальное значение действия, приписываемого предмету или лицу как его свойство или признак. Как и имя прилагательное, эти глагольные образования выступают в роли определения, согласуясь с соответствующими формами определяемого слова, например: *vältävä dielo* (номинатив) 'подходящее дело', *vältäviä dielo* (партитив) 'подходящего дела', *vältävät dielot* (номинатив мн. ч.) 'подходящие дела', *tuttava ristikanza* (номинатив) 'знакомый человек', *tuttavašša ristikanzašša* (инессив) 'у знакомого человека', *Muamo lastu sanow pädäväkse päiväžekse* (транслатив) 'Мать ребенка называет ласковым солнышком (досл.: пригодившимся солнышком)' и т. д.

Как и имена прилагательные, они могут выступать именной частью составного сказуемого: *Tämä kala on eläu* 'Эта рыба живая (досл.: есть живущая)'; *Nenne tuarjat eulla syödävät* 'Эти ягоды не съедобны (досл.: не поедаемы)' и др.

Причастная форма на *-va, -vä* в карельском языке не участвует в образовании сложных времен, как это имеет место в финском языке, например: *Hän on lukeva tämän kirjan* 'Он должен прочитать эту книгу'. Причастие вместе с глаголом *olla* 'быть' образует составную форму, выражающую действие, которое должно совершиться в будущем.

¹ A. Genetz. Tutkimus Aunuksen kielestä. Sanakirja ja kielioppi. „Suomi“, II jakso, 17, osa. Helsinki, 1885, стр. 193.

² Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка, стр. 82.

Большое количество адъективированных причастий на *-va, -vä* в карельском языке субстантивировалось, и в этом виде они употребляются в предложении в качестве подлежащего или дополнения. Субстантивированные формы особенно часто встречаются во фразеологических оборотах, в пословицах и поговорках, например: *Huolova laisalda kiästä kiskou* 'Заботливый (досл.: заботящийся) у ленивого из рук вырвет'; *Elävy kuoliedu ei varua* 'Живой мертвого не боится'; *Elävistä ei kavo* 'От живого (досл.: живущего) не пропадет'; *Kekšova toizen hairahuksen piäh otattau* 'Смекалистый (досл.: смекающий) ошибку другого на ус наматывает' и др.

Глагольные образования на *-va, -vä* в транслативе употребляются с известным семантически ограниченным кругом глаголов, обозначающих чувственные восприятия: *Luuli orren ohkavaksi* (КЭП)¹ '(Он) думал, что полка охает (досл.: думал полку охающей)'; *Kuuli purren puhattavaksi, venehen valittavaksi* (КЭП) '(Он) слышал, что парус стонет, что лодка жалуется'.

Конструкции в транслативе соотносительны с конструкциями, в которых глагольная форма на *-va, -vä* выступает в генитиве: *Luuli orren ohkavan, Kuuli purren puhattavan, venehen valittavan*.

Глагольные образования на *-va, -vä* в форме эссива множественного числа употребляются в качестве предикативного обстоятельства при глаголе *olla* 'быть'. Они соответствуют сравнительным придаточным предложениям с союзом *biitekui, rounokui* 'как будто' и выражают нереальное, воображаемое или фиктивное действие, например: *Häi oli olevinah kuurnis* 'Он прикидывался глухим', ср.: *Häi oli biitekui kuurnis* 'Он как будто не слышал'; *Ei ole nägevinäh, midä nägöy, eigo kuulevinah, midä kuulou* 'Делает вид, как будто не видит того, что видит, делает вид, как будто не слышит того, что слышит', ср.: *Rounokui ei näi, midä nägöy, eigo kuule, midä kuulou* 'Как будто не видит того, что видит, как будто не слышит того, что слышит'; *Hänel on jo sanottu siid kymmene kerdoo, ga häi ei ole ni kuulevinah* 'Об этом ему сказано уже десять раз, но он делает вид, как будто не слышит'.

Рассматриваемые глагольные образования на *-va, -vä* в инессиве или в адессиве с глаголом *olla* 'быть' встречаются в именной части составного сказуемого: *Kai kylä oli nägyvil* (или *nägyvis*) 'Вся деревня была на виду (досл.: в видении)'; *Karju oli kaiken aijan kellon kuuluvil* 'Стадо все время было на расстоянии слышимости колокольчика'; *Dengu on soodavis* 'Деньги можно достать (досл.: деньги в добывании)'.

Особенно широко в современном карельском языке употребляются пассивные формы причастий незаконченного действия.

Пассивные причастия незаконченного действия в форме номинатива выступают составной частью сказуемого и выражают необходимость действия, например: *Kylä hyvä jätettävyy, kodi köhy muistettavuu* 'Деревню легко (досл.: хорошо) оставить, но дом бедный нужно вспоминать'; *N'ero eule sell'äs kannettavu* 'Умения за спиной не таскаемо'; *Oravil on ostettavu* (КЭП) 'Белками надо покупать'; *Suuri pino on halgu pilkottava* 'Большую поленицу дров надо наколоть' и т. д.

Пассивные причастия незаконченного действия в партитиве выступают составной частью сказуемого с глаголом *olla* 'быть', например: *Hä-*

¹ КЭП — Карельские эпические песни. М. — Л., 1950.

nen sanois eule padah pandavoo 'Его словам нельзя верить (досл.: в его словах нет в котел полагаемого)'; *Ongo sinul midä peel pandavoo?* 'Есть ли у тебя что одеть на себя?' (досл.: на себя надеваемого); *Hänes eule koovittavoo* 'С него нечего брать (досл.: в нем нет выскабливаемого)'; *Eule kyläs kyzellävee, midä kois keitetäh* 'Нечего в деревне спрашивать (досл.: нет спрашиваемого), что дома варят'.

Пассивные причастия незаконченного действия в форме эссива выступают обстоятельствами цели. Они обозначают воздействие, которому что-либо подвергается в настоящем времени: *Illan jäl'les vilu vezi juodavanni, pitky yö muottavanni* 'После ильина дня вода холодная для питья, ночь долгая для сна'; *Pelovahat ollah riibes loukutettavanni* 'Лен в риге находится для обработки'; *Sovat ollah pestävännny* 'Белье находится в стирке (досл.: для стирания)'; *Puoli on piädä palmikoidu, toine on palmikoittavanna* (КЭП) 'Полголовы (в косы) заплетено, другая половина заплетается (досл.: находится в плетении)'.

Пассивные причастия в форме транслатива выступают обстоятельствами цели и указывают на действие, которому предмет подвергается или будет подвергаться в будущем: *Villat kerrittih veikattavakse* 'Хлеба поспели для жатвы'; *Delegy viedih kohendettavakse* 'Телегу повезли на починку'; *Laaji lylu lykättävükse* 'Сделай лыжи для катанья'.

Формы пассивных причастий незаконченного действия употребляются в агентной конструкции и соответствуют определительным придаточным предложениям. Действующее лицо выражается в этих конструкциях в форме генитива: *Älä heity kaikkien jähkittävükse* 'Не будь таким, чтобы все тебя толкали'; *Älä, vell'i, ole ihmizien nagrettavanni* 'Не будь, брат, посмешищем (досл.: людьми надсмеяемым)', ср.: *Älä, vell'i, ole moizennu, štobi ihmizet nagrettais* (с тем же значением), *Älä heity, štobi kaikin selläs jähkittäis* (то же самое); *Pienen hevон sälgy on kaikkien ajettavanni* 'На жеребенке маленькой лошади все ездят (досл.: жеребенок маленькой лошади всеми ездомый)', ср.: *Pienen hevон sälgy on moine, štо kaikin ajetah* (с тем же значением).

В карельском языке встречается конструкция с повторением основы причастия. В качестве прямого дополнения выступает аккузативная форма пассивного причастия незаконченного действия основного глагола: *söi syödävän* 'поел, что должен был поест'; *möi myödävän* 'продал, что должно было продаваться'; *jogo häi sanoi sanottavan?* 'сказал ли он уже, что должен был сказать (досл.: сказал „сказаемое“)?'; *jo olen soonuh soodavan* 'я уже получил, что должен был получить (досл.: получил получаемое)'; *häi kandoi kannettavan aglah sah* 'он нес до конца (досл.: он нес несомое), что должен был нести'.

Из приведенного выше материала можно заключить, что глагольные образования на *-va, -vä* в современном карельском языке наиболее широко представлены пассивными причастиями незаконченного действия. Глагольные образования на *-va, -vä*, совпадающие по своей форме с активными причастиями незаконченного действия на *-va, -vä* в родственных языках, в карельском языке выступают только как имена прилагательные или употребляются только с семантически ограниченным кругом глаголов во фразеологических оборотах различной степени спаянности. Не случайно, что большинство примеров глагольных образований на *-va, -vä* падает на пословицы, поговорки и карельские эпические песни.

Для современного карельского языка, как указывалось выше, более характерно употребление причастий незаконченного действия на *-ja, -jä*. В разных диалектах карельского языка этот суффикс (как и суффикс *-va, -vä*) оформляется по-разному. В собственно карельском диалекте суффикс *-ja, -jä* сохраняется без изменения: *kyndäjä mies* 'пашущий мужчина', *ombelija naihe* 'шьющая женщина'; в ливвиковском и людиковском диалектах в номинативе произошло выпадение конечного *-a, -ä*, оставшееся в конце слова *-j* перешло в неслоговое *-i* и с предшествующим гласным образовало дифтонг. В результате в этих диалектах имеем суффикс *-i* (с основой на *-ja, -jä*), например: *kyndäi — kyndäjän* 'пашущий — пашущего', *ombelii — ombelijan* 'шьющий — шьющего'. Если основа глагола оканчивается на долгий гласный или дифтонг, то в ливвиковском диалекте в номинативе вместо конечного *-a, -ä* выступает *-u, -u*, например: *tuoji* 'приносящий', *luoji* 'наметающий (стор)', *syöju* 'кушающий', *leikkuaju* 'режущий; жнущий'. В людиковском диалекте в данном случае только *i: ruodai* 'работающий', *luoi* 'наметающий (стор)'.

Активные причастия незаконченного действия на *-ja, -jä* в предложении выполняют те же синтаксические функции, что и имена прилагательные и существительные. Они сочетают в себе признаки прилагательного и глагола. Как и имя прилагательное, они согласуются с соответствующими формами определяемого имени в числе и падеже. Но причастия на *-ja, -jä* отличаются от имени прилагательного, выступающего в роли определения, тем, что они имеют ряд глагольных признаков; например, они выражают активный характер действия, которое приписывается предмету, как его признак или свойство: *ruodaja ristikanža* 'рабочий человек', *kukkii pelvas* 'цветущий лен', *kazvai mečču* 'растущий лес' и т. д., *Magvajalla kazilla hiiri šuvh ei tule* 'Спящей кошке мышь в рот не прибежит', *Vierijü kivi ei šammaloiju* 'Катящийся камень мхом не обрастет'.

Образованные от переходных глаголов причастия незаконченного действия на *-ja, -jä* могут иметь при себе прямое дополнение, которое может стоять как в партитиве, так и в аккузативе (сходном с генитивом), например: *pelduo kyndäi mies* 'пашущий поле мужчина', *hivveh meni koiru* 'на лося идущая собака', *zuakunna sanoi starikku* 'сказку рассказывающий старик', *Meidy opastai učiitelu tuli meil vastah* 'Нас обучающий учитель пришел нам навстречу', *Tervan ajajat mužikat l'ähtietih tervuhavval* 'Смолоконы (досл.: смолу гонящие мужики) пошли на смолокурню'.

Имена действителя на *-ja, -jä* в современном карельском языке широко употребляются в своей основной роли — имени существительного. При помощи суффикса *-ja, -jä* можно образовать названия действителя от любого личного глагола, например: *vedjä* 'таскать' — *vedäjä* 'таскающий', *kiärie* 'наматывать' — *kiärijä* 'наматывающий', *kandua* 'носить' — *kandaja* 'носильщик', *kalastua* 'рыбачить' — *kalastai* 'рыбак', *ruadua* 'работать' — *ruadaja* 'рабочий', *Puutäjäyü puutamättömäh ei vaje-heta* 'Ловца на неловца не поменяют', *Kandaja takan tiedäu* 'Носильщик ночью знает', *Parembi on kaččua nagrajan suuh, midä itkijän* 'Лучше смотреть на смеющегося, чем на плачущего'.

Из сказанного следует, что активные причастия незаконченного действия на *-ja, -jä* в карельском языке — очень продуктивная категория, принявшая на себя функцию так же причастий незаконченного действия на *-va, -vä*, которые в родственных языках (финском и эстонском) имеют такую же продуктивность, как и причастия *-va, -vä*.

Г. Н. МАКАРОВ

О ПЕРЕВОДНОМ ПАМЯТНИКЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА 20-х гг. ПРОШЛОГО ВЕКА

(К истории перевода)

В 20-х годах прошлого века высшие правительственные круги Российской империи с целью усилить влияние церкви на нерусское население стали распространять религиозные книги среди многочисленных народностей на их родном языке. Российское библейское общество (РБО) во главе с президентом А. Н. Голицыным — тогдашним министром духовных дел и народного просвещения — предприняло энергичные меры по изданию таких книг на многих языках окраинных национальностей России.¹ Переводы книг поручались в первую очередь местным священникам и учителям, знавшим эти языки. При печатании книг использовался русский алфавит, дополненный некоторыми знаками для передачи особенностей того или иного языка.²

Для истории этих языков указанные переводы являются ценными памятниками, позволяющими судить о развитии данных языков за период, охватывающий почти полтора столетия. К такого рода письменным памятникам относится и переведенное в 1816—1817 гг. на тверское (калининское) наречие карельского языка евангелие от Матфея — *Герранъ мійнь Шюндю-руохтынанъ святой іовангели Матвѣйста, карьяланъ кіельлля. Печатойду Святѣйшаго-Правительствующаго-Синоданъ кяшшеняштя, Веніянъ Библейскойнъ канжа-куннанъ элолла. Пійтери, 1820* (96 страниц).

Этот перевод является первой известной науке печатной книгой на тверском диалекте карельского языка.

С выходом из печати перевод евангелия сразу же привлек внимание финляндских исследователей карельского языка и стал предметом обсуждения среди них. В 1821 г. с рецензией на этот перевод выступил

¹ В Центральном государственном историческом архиве в г. Ленинграде (ЦГИА) в фонде РБО (Синода) хранится переписка об издании книг св. писания на карельском, мордовском, черемисском (марийском), вогулском (удмуртском), зырянском (коми), чувашском, якутском и других языках.

² В карельском переводе были употреблены 43 знака: Аа, ä, Бб, Ва, Гг, Гг, Дд, Ее, е, ё, Ѓ, Жж, Зз, Ии, й, Іі, Кк, Ал, Мм, Нн, Оо, õ, ö, ð, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, ү, Фф, Хх, Чч, Шш, ш, ы, ь, Ээ, Юю, ю, ъ, Яя, я.

С „лужкой“ ä, ё, ð, ү, ъ выступают только в составе второго компонента дифтонгов; е со знаком ударения (é) в середине и в начале слова обозначает гласный переднего ряда (= русскому э); ö, ю и й с „точками“ встречаются в словах переланной огласовки; о с циркумфлексом (ô) встречается в дифтонгах с десятиричным и (iô); ю с циркумфлексом означает йотированное о (= русскому ё: юю кивушиа 'во всякой болезни'); і встречается в качестве первого компонента в дифтонгах; ѳ соответствует русскому е; из буквенных знаков, обозначающих согласные, от современного употребления отличаются три: в употребляется как полугласный во втором компоненте дифтонга (новзи 'поднялся'); знаком ; с „хвостиком“ передается звонкий заднеязычный смычный (аллу 'начало'); з без „хвостика“ соответствует придыхательному согласному звуку h (тенци 'душа').

известный исследователь финно-угорских и кавказских народов филолог и этнограф А. И. Шёгрэн, работавший в то время экстраординарным помощником при библиотеке Абоского (гор. Турку) университета. В литературной газете „Mnemosyne“ он печатает на шведском языке отзыв (около 20 страниц) на перевод.¹ Эти же замечания на немецком языке он направляет в РБО.² Приветствуя идею перевода книг на языки народов Российской империи, рецензент относительно карельского перевода утверждает, что „внешняя, видимая оболочка (т. е. шрифт, — Г.М.) не приноровлена к карельскому языку“ и что „самый выбор русских литер неудачен“. Для карельского языка он считает более подходящим немецкую азбуку, „которая с нужными изменениями могла бы служить основой письменности также и для других единоплеменных финнам народов“. А. И. Шёгрэн выступает против целого ряда знаков, употребленных при написании карельского текста. Однако из примеров, которые он приводит, выясняется, что в большинстве случаев он сам не прав. В частности он не разобрался в условности использования буквы ѳ, которой, как и русским е, в переводе последовательно передается мягкость предшествующего согласного. Рецензент же считает ѳ дифтонгом иэ и обвиняет переводчика в несуразностях, которые якобы допустил он в переводе (например, нѳлля 'четыре' А. И. Шёгрэн читает как niellä, что значит 'глотать', вместо мѳзи 'мед' по Шёгрэну получается 'миэзи', что-то похожее на финское слово mies 'мужчина, человек': мѳчча-мѳзи — metschämiesi, Waldmann 'лесной человек' и т. д.⁴

С целью доказать, что людям, для которых предназначена эта книга, „оказана столь неудовлетворительная услуга“, А. И. Шёгрэн приписывает переводчику даже то, чего нет в переводе. Остановившись, например, на обороте рiäxkihъ кавота 'нагрешить, наделать грехов', рiäxkihъ кадонуотъ (7, 23) 'впавшие в грех', слово кадонуотъ ('потерявшиеся, исчезнувшие') он читает как kaatunnut ('павалившийся'). Поучая переводчика, он советует ему быть последовательным и писать не ка-донуотъ, а куодонуотъ (т. е. павалившиеся, свалившиеся), что делает бессмысленным идиоматический оборот рiäxkihъ кадонуотъ, который означает 'нагрешившие, наделавшие грехов (досл. : потерявшиеся в грехах)'.³

Свое неудовлетворение переводом рецензент высказывает и в заключении, говоря, что „из вышеприведенных примеров можно усмотреть, сколь легкой показалась переводчику работа и с каким удивительным нерадением он при этом поступил“.

Следует сказать, что рецензия А. И. Шёгрэна еще тогда обратила на себя внимание знатоков карельского языка в Финляндии, но несправедливая критика перевода не была отвергнута, а резкий тон автора приписывался его „молодому задору“ (А. Аальквист). Против упреков

¹ „Mnemosyne“. Turku, 1822, стр. 141—156, 165—169. В конце подписано: „14. december, 1821. AJS“. „Уч. зап. имп. Академии наук по первому и третьему отделениям“, 1855, т. 3 (стр. 569—583 — Перечень сочинений Шёгрэна, напечатанных им с 1821 по 1854 год). См. также: Bericht über die Uebersetzung des Evangeliums Matthäi in die twerisch-karelische Mundart (BUEMTw). Joh. Andreas Sjögren's Gesamthät in die twerisch-karelische Mundart (BUEMTw). Abhandlungen über den finnisch-russische Norden, St.-Petersburg, 1861, стр. 47—69.

² Замечания А. И. Шёгрэна „Bemerkungen über die Uebersetzung des Evangeliums Matthäi in die Karelische Sprache“ (BUEMKar) и их перевод на русский язык хранятся в ЦГИА.

³ BUEMKar, стр. 151a; BUEMTw, стр. 52—53.

⁴ BUEMKar, стр. 156a, 157; BUEMTw, стр. 57.

А. И. Шёгрена выступил его современник, известный собиратель финского фольклора и знаток различных диалектов финского и родственных языков К. А. Готлунд. Сравнивая карельский перевод с финским переводом евангелия, вышедшим в Хельсинки на год раньше, он отдавал предпочтение карельскому переводу. К. А. Готлунд писал: „Человек, сделавший перевод евангелия на карельский язык, является самым знающим из всех деятелей в области карельского языка“. Он даже упрекает финнов, что они „оказались менее способными мастерами перевода, чем корелянин из глухой России, сумевший так замечательно справиться с первым опытом письма на карельском языке“.¹

Высоко эта работа оценивается и последующими исследователями карельского языка.²

В связи с тем, что русский шрифт, каким в 1820 г. был напечатан карельский перевод, затруднял пользование этим памятником, академик Ф. И. Видеман через 42 года после опубликования этого перевода в Петербурге, переиздает его в Лондоне латинским шрифтом в количестве 250 экземпляров.³ Но при переложении на латинский шрифт он несколько вольно относится к оригиналу и допускает много грубых ошибок. В стремлении приблизить язык перевода к фонетическим нормам финского языка Ф. И. Видеман во многих местах искажает карельский текст. Он, например вместо *элä* (1, 20), *эльюä* (7, 1) 'не' везде пишет *älä*, *ülgiä*; причастие от глагола *кирьютэмту* (2; 5) исправляет на *kirjoitettu*, прилагательное *йотюшъ* (22, 39) 'подобный' переделывает на *ütüş* и т. д. Такие искажения языка памятника, допущенные в издании Ф. И. Видемана, вызвали возражение со стороны другого исследователя карельских диалектов Августа Альквиста. С целью дать в руки исследователей „достоверный письменный источник одного из восточнокарельских наречий“⁴ А. Альквист переписывает с русского на латинский шрифт карельский текст и в 1865 г., через год после Ф. И. Видемана, вторично в латинской транслитерации публикует этот перевод евангелия.⁵

К своему изданию перевода А. Альквист прилагает грамматический справочник, в котором излагает фонетические и морфологические особенности диалекта, и небольшой карельско-финский словарь, где объясняет или переводит на финский язык наиболее необычные для финского читателя карельские слова. Однако не все приводимые в словаре слова были знакомы автору этой редакции перевода. Тем не менее он включает их в словарь с пометой „ulosantajalle tuntematon sana“ („незнакомое для редактора слово“). А. Альквист, как и Ф. И. Видеман, не избежал ошибок при транслитерации текста. В его редакции имеется также ряд пропусков, не совсем удачно выбраны знаки для передачи удвоенной аффрикаты *ч*, совершенно игнорируется палатализация согласных, допущено большое количество опечаток и т. д.

¹ С. А. Gotlund. Tiiustuksia Niihen Venäjässä löytyvien Karjalaisten kielestä. „Otava, eli suomalaisia huvituksia С. А. Gotlundilta“, II, Tukholma, 1832, стр. 282, 295.

² См.: Eino Leskinen. Tietoja v. 1820 Tverin Karjalan murteella ilmestyneen Matteuksen evankeliumin kääntäjästä. [Сведения о переводчике евангелия на тверское наречие карельского языка, 1820 г.]. „Virittäjä“, 1939, стр. 401—404.

³ Das Evangelium des Matthäus in Süd-karelischer Mundart. Revidirt von F. I. Wiedemann, London, 1864.

⁴ Автор условно называет „восточнокарельским“ наречием („itäkarjalainen murre“) диалект карельского языка, на котором говорят „тверские“ карелы, т. е. карелы Калининской области.

⁵ Matteuksen evankeliumi Karjalan kielellä. Selitysten kanssa toisinkirjoituksella ulosantanut Aug. Ahlqvist. „Suomi, Kirjoituksia isänmaallisista aineista“, II jakso, 4. osa, Helsinki, 1865, стр. 1—112.

В связи с тем, что карельский текст этой книги издания 1820 г. — теперь уже библиографическая редкость и транслитерированный в 1865 г. А. Альквистом текст служит в ряде случаев источником при пользовании этим памятником карельского языка, имеет смысл разобрать хотя бы основные ошибки данной редакции, сличив ее с карельским оригиналом 1820 г. Ниже приводится список наиболее грубых ошибок издания А. Альквиста: в примерах на первом месте дается порядковый номер главы и строфы, затем вариант А. Альквиста, а в круглых скобках карельский оригинал. При сравнении их читатель легко заметит, какая ошибка допущена финляндским редактором.

- 1,18 — *ohkanda i ryngymine* (вместо *рһоньюминне*; *ю=б*).
 2,20 — *hengen etsijät* (вместо *эччялтэ*).
 3,4 — *quattie verbljudan* (вместо *вһрлюуданъ*) *villoista*.
 3,7 — *nägi livana äijä* (вместо *яйие*) *Farisejoja de* (вместо *да*).
 5,39 — *ken iſkenov* (вместо *исквнөөв*) *silma*.
 5,47 — пропущено предложение: *эй ю и айроттоматъ шидя луйита?*
 6,24 — пропуск: *эй: йохтя рубйөөв пидяйичьмьхъ, а тойста алаавъ ауардуä*.
 7,2 — *pagizomah tiijän-piidlä* (вместо *тйянь-пйялла*).
 8,5 — *ruguoli* (вместо *рууолихъ*, в оригинале возвратная форма глагола).
 8,10 — *ženjytyſtä* (вместо *женъ ютюття*).
 8,15 — *i heiti häntä* (вместо *гяндя*) *poltua*.
 9,15 — *voijah go kanzove* (вместо *канжовехъ*) *itkie*.
 9,24 — *ei kuollun tyttö, a magav* (вместо *майуавъ*).
 11,1 — *loppi lusus vakuſtamisen* (вместо *вакуштамизень*).
 11,12 — *vägivallizet* (вместо *вэживаллизэтъ*, пропуск слога).
 12,24 — *ei itſe porotah* (вместо *порота*) *lemboloja*.
 20,12 — *kumbazet terpimä* (вместо *турпима*) *päivän*.
 25,15 — *i ando... kumbazella hen* (вместо *йгенъ*, пропуск первой буквы).
 25,41 — *tuleh, vörruſſettuh* (вместо *варушшэттухъ*).
 28,9 — *i höy* (вместо *юб*) *lähendätshehyö*.

В приложенном Словаре¹ А. Альквист не перевел на финский язык (или перевел неправильно), например, следующие карельские слова:

- 3,4 — *tihet* 'мошкарá' переведено *heinäsirkat* 'саранча'; в русском оригинале „акриды“; *tihä* по-фински *hyttynen*.
 3,7 — *vaskirtſa* 'медянка' переведено *kyykäärme* 'гадюка'; в русском оригинале „ехидна“; *vaskirtſa* по-фински *vaskikäärme*.
 4,24 — *ualaziſſa* (дает помету, что слово ему неизвестно); *-ualane* — в сложном слове второй компонент, означает „такого-то рода, вида, цвета“; *kaikenualane* 'всякого рода'; *-ualane* по-фински *-lajinen*.
 6,19 — *rietta* 'гноя (в глазу)' переведено *ruoste* 'ржавчина'; в русском оригинале „тля“; *rietta* по-фински *rähmä*.
 9,36 — *ärgevdynyöt* (дает помету, что слово ему неизвестно); в русском оригинале „изнуренные“; *ärgevdynyöt* по-фински *nääntyneet*.
 10,39 — *äbäzöitsijä* (дает помету, что слово ему неизвестно); *äbäzöitsijä* означает 'оберегающий'; в русском оригинале „сберегающий“; *äbäzöitsijä* по-фински *hemmot-telija*.
 12,2 — *ſuovattana* 'в субботу', переведено же 'в воскресенье'.
 12,30 — *kolloha* (дает помету, что слово ему неизвестно); в русском оригинале „собирать“, *kollohtaa* в диалектах финского языка означает также *koota*, *kasata*.²
 12,45 — *juohatti* 'напомнил'; у А. Альквиста переведено *osoitti* 'показал'; в русском оригинале „протер руку“.
 13,7 — *tuhjo* (дает помету, что слово ему неизвестно); *tuhjo* означает 'куст'; в русском оригинале „терние“; *tuhjo* по-фински *pensas*.

¹ Там же, стр. 98—112.

² Слово встречается, например, в пословице: *Itaha se paimene vettedä, kotj karjan kollohtoa* 'Вечер наступил домой тянет, дом стадо: соберет'; см.: „Etelä-Karjalan sananparsia“, Porvoo—Helsinki, 1941, стр. 15.

- 14,7 — *jäkksietsennän* (дает помету, что слово ему непонятно); *jäkksietsendä* означает 'зарок, клятва'; в русском оригинале «клятва»; *jäkksietsendä* по-фински *vata, vanhonta*.
- 16,23 — *sanaa häkkynä emme tunne* 'слова *häkkynä* не знаем'; в русском оригинале «соблазн»; *häkky* по-фински *häiriö*.
- 26,31 — *ailaššan paimenda* (дана помета, что слово *ailaštua* непонятно); оно означает 'закинуть'; ударить; погубить'; в русском оригинале «поражу пастыря»; *ailaštua* по-фински *lyödä, tuhota*.
- 26,45 — *jällitsekäsi* (дана помета, что слово незнакомо); оно означает 'напоследок'; в русском оригинале «тогда, послежде»; *jällitsekäsi* по-фински *viimeksi, viimein*.
- 27,37 — *peijettih* (дана помета, что слово незнакомо); *peidä* означает 'выставить на показ; натянуть на стену шкуру'; в русском оригинале «положить над головой»; *peidä* по-фински *pingoittaa, laittaa jotain näytteille*.
- 27,59 — *sollella* (дана помета, что слово незнакомо); *solgi* означает 'полотнище, материя'; в русском оригинале «плащаница»; *solgi* по-фински *kangas(kaistale)*.

Как видно из вышеизложенного, желание финляндского редактора «дать достоверный источник для изучения одного из восточнокарельских диалектов карельского языка» осуществилось не в полной мере, и опубликованный в Хельсинки карельский текст не может считаться подлинным памятником собственно карельского диалекта языка «тверских» (калининских) карел.

Материалы, содержащиеся в рассматриваемом «Деле о переводе книг св. писания на карельский язык», позволяют многое уточнить и относительно автора (или авторов) перевода. В названной выше работе Э. Лескинена (Сведения о переводчике евангелия на тверское наречие карельского языка, 1820) указывалось, что переводчиком является священник села Козлово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии (ныне Вышневолоцкий район Калининской области) Григорий Ефимович Введенский.¹

О Введенском финляндским языковедам стало известно от этнографа Теодора Швиндта, напечатавшего в 1882 г. свои путевые заметки «По Тверской Карелии» в газете «Uusi Suometar».² До этого времени имя переводчика не было известно ни первому рецензенту этого перевода А. И. Шёгрёну, ни его оппоненту К. А. Готлунду, ни Ф. И. Видеману, перепечатавшему этот перевод в Лондоне, ни даже А. Аלקвисту, комментировавшему перевод и вторично перепечатавшему его в Хельсинки. Не был известен переводчик и Отто Доннеру, написавшему в 1872 г. обстоятельный «Обзор истории финно-угорского языкознания», где также говорится об этом переводе.

Первое наиболее подробное сообщение об исполнителе карельского перевода научная общественность получила, таким образом, от Т. Швиндта, путешествовавшего в конце прошлого века в Тверских краях и записавшего воспоминания дочери Введенского. Вслед за Т. Швиндтом о переводчике сообщает собиратель фольклора Вихтори Алава, посетивший эти места после Т. Швиндта. В. Алава сообщает даже точные даты рождения и смерти Г. Е. Введенского (20 IX 1782—23 XII 1865). Кроме имени Г. Е. Введенского, в записях В. Алава в качестве участников перевода называются имена Трофима Самойлова и Ивана Венедиктова из Новоторжской волости.

¹ В «Очерках по истории верхневолжских карел» А. Н. Вершинский, говоря об этом переводе, почему-то переводчиком считает Михайловского («Исторический сборник», 4. М.—Л., 1935, стр. 93). В архивных материалах фамилия Михайловского в числе переводчиков не встречается.

² Th. Schwandt, Twerin Karjalasta. «Uusi Suometar», 1883, № 34. Ссылка по журн.: «Virittäjä», 1939, стр. 404. Его путевые заметки «Matkamuistoja Twerin Karjalasta» с предисловием и подробной библиографией работ Т. Швиндта переизданы Суло Хаалтоном в сборнике «Kansantieteellinen arkisto» (13-е изд. Suomen muinaismuistoyhdistys, Helsinki, 1957, стр. 1—62).

В фондах Государственного исторического архива в г. Ленинграде нам удалось обнаружить подробную переписку и подлинные материалы перевода, вплоть до корректурных листов. Эти документы позволяют точно установить имена действительных исполнителей перевода, а также проследить ход этой работы. Из документов выясняются новые обстоятельства и неизвестное до этого имя первого переводчика этой книги на карельский язык. В частности узнаем, что 15 марта 1817 г. в Комитет РБО от учителя Новоторжского духовного училища Матвея Андреевича Золотинского поступила рукопись перевода евангелия от Матфея на карельский язык. Комитет «для большего удостоверения в правильности перевода» высылает эту рукопись в Тверскую духовную консисторию с просьбой «приказать кому-либо из сведущих в карельском языке лиц просмотреть перевод с точки зрения его сходства с текстом и чистоты языка, в оном употребленного». Таким образом узнаем, что впервые на карельский язык этот языковый памятник перевел учитель Новоторжского уездного училища М. А. Золотинский.

Руководство консистории поручает рецензирование данной рукописи «искуснейшему в карельском языке Вышневолоцкого уезда села Козлова священнику Григорию Введенскому», также бывшему учителю уездного училища с тремя другими священниками, «в карельском языке сведущими».

Проверяя перевод М. Золотинского, Г. Введенский вносит большое количество исправлений в рукопись, а потом и сам решает перевести все евангелие сызнова. С точки зрения знания переводчиками карельского языка и понимания задач перевода интересно привести несколько выдержек из рецензии Г. Введенского. Он пишет: «Некоторые слова переводчик перевел словами, другое на карельском языке значащими, как-то: книга перевел словом *лузу*, что значит *счетъ, свѣтъ* перевел *илма*, что значит *миръ: отъ сложенія міра — муидманъ шюннюнштя-шуа*, что будет *отъ рожденія міра*; неправильно переведены и имена: имя *Симонъ* везде переведено *Симана*, что на карельском языке будет *Сімеонъ* или *Семень, Варфоломей* переведено *Голо*, как называют карелы *Галактиона*,... *звѣзда* переведено *тяи* вместо *тяхти; видѣвъ — няхтю* вместо *нязегю*...» Весьма много употреблено «русских слов таких, коим равносильные имеются в карельском языке и употребительны в нем». Названия монет М. Золотинским переводятся то «сребренником», то «златницею», а количество, значащее «талант» передано словом «сребренник».

Введенский указывает также на ряд пропусков как отдельных слов, так и целых оборотов в переводе Золотинского. Имеется несколько замечаний и относительно употребления отдельных знаков, в частности он предлагает писать «у с краткою» (*уу*) там, где переводчик употребил букву *в*, как-то: *кууленъ* (вместо *кувленъ*) 'слышу', *пуу* (вместо *пув*) 'дерево' и т. д. Объясняет он это тем, что «первое *у* имеет свою силу, а второе *у* сокращенно произносится как на русском языке буква *й*».¹

Со всеми замечаниями рецензента ознакомился автор перевода. Он во многом возражает Введенскому и направляет письменное объяснение в консисторию. Здесь он указывает, что при работе над переводом он пользовался латинским источником — переводами Феодора Безы и Себастиана

¹ Укажем, что в данном случае нет принципиальной разницы: оба переводчика правы в том, что не пишут долгого *у*, которого нет в этом диалекте; в окончательном варианте написание этого звука дается по Введенскому.

ривают как с: 'родила' — *шай*, у них же — *сай*. В их переводе употреблены синонимические слова: 'книга' переведено *санонду*, по-нашему *шанонда* 'сказание'; 'помыслившу' переведено *аятелихъ*, каковой глагол у нас значит 'сомневаюсь', но у них может значить 'помышляю'...

„Вообще оный перевод по своему наречию для карел Тверской губернии непонятен, и мы, понимая оный токмо по начальным слогам (а некоторые слова нам неизвестны: как-то 'дева' *нейдине*) и не зная тамошнего наречия, как о правописании, так и о сочинении слов достаточно судить не можем. В чем Духовной консистории сим покорнейше и объясняемся... Марта 5 дня, 1820 года“.

Из этого следует, что перевод евангелия от Матфея на карельский язык 1820 г. можно считать свободным от влияния других диалектов карельского языка, считать его так называемым переводным памятником чистого собственнокарельского (тверского) диалекта.

Из переписки видно также, что на начальной стадии оба переводчика над переводом работали порознь по разным оригиналам: М. А. Золотинский переводил с латинского текста, а Г. Е. Введенский — со славянского. Это отчасти было причиной тому, что разница между переводами одного и другого оказалась столь разительной.

С получением обоих переводов Комитет РБО в письме от 9 апреля 1818 г. писал в Тверскую консисторию следующее: „Поелику язык карельский, как известно, не находится в правилах языка образованного, следовательно, всякий перевод на оный язык не может быть исправен столько, сколько бы того желать было надобно... и переводы одной и той же книги по той же причине необходимо во многом должны между собою разниться... Для точнейшего удостоверения, который из выше означенных двух переводов исправен и... написан чище и понятнее по-карельски, Комитет положил просить [консисторию] принять на себя труд поручить священнику Введенскому сделать от начала до конца на весь перевод Золотинского подробные критические замечания... Если же, как легко ожидать можно, найдет он иные места у него [Золотинского] лучше переведенными, а другие признает слабыми и недостаточными, то сделанные им возражения можно будет потом просмотреть и сообразить или им обоим вместе, или кому другому по вашему рассмотрению“.

Из приведенной выше дискуссии между Золотинским и Введенским ясно, что необходимые замечания на перевод Введенский сделал, „соображаясь при том и с рукописным переводом евангелия от Матфея на русском языке“, осуществленном комиссией под руководством ректора С.-Петербургской духовной академии В. М. Дроздова.¹ Карельские переводы эти вместе с замечаниями рассматривались в Тверской консистории обоими „сочинителями“ при посредстве священника села Золотихи Матфея Стефанова, также „довольно знающего карельский язык“.

Таким образом, в Российское библейское общество из Тверской консистории был представлен перевод Введенского, который, „судя по усилиям, сделанным для приведения его в совершенство, должен иметь довольно правильности и чистоты, поскольку это возможно для языка, бывшего доныне совсем не книжным“. В письме отмечалось также, что „трудившиеся в сем деле священники оба заслуживают одобрения: Золотинский за свободное усердие, с которым предпринял первый опыт сего дела, Введенский — за ревность, по которой вместо порученного

ему исправления первого опыта предпринял новый перевод, и оба — за беспристрастие друг к другу во внимании к общепольному делу, что можно ясно видеть из последнего отзыва Золотинского, которым он заключил свои замечания“.

Из всего изложенного мы узнаем, что в качестве первоисточника для окончательного варианта карельского перевода служил русский текст евангелия; узнаем также, что карельский перевод дорабатывался обоими переводчиками вместе и что на завершающей стадии работы в качестве помощника выступил еще третий, до сих пор никем не упоминаемый священник села Золотихи Матфей Стефанов. В таком виде перевод, отредактированный в Тверской консистории в апреле 1818 г., и был принят Комитетом РБО для печатания.

Для поощрения переводчиков Синод запросил послужные списки и характеристики на них. Интерес представляют послужные списки, из которых узнаем о подготовленности обоих переводчиков к такого рода работе. В них сообщается, например, что Введенский обучался в Тверской семинарии латинскому, немецкому языкам, арифметике, географии, поэзии, риторике, священной и гражданской истории, философии и богословию, герменевтике, латинскому и российскому красноречиям и начальным правилам медицины; по окончании курса учения около пяти лет учительствовал. Золотинский также окончил Тверскую семинарию и изучал те же предметы, что и Введенский, но вместо немецкого языка, которым занимался Введенский, он изучал еврейский и французский языки. По окончании курса семинарии в 1813 г. он был определен учителем Новоторжского уездного училища низшего отделения.

1 декабря 1818 г. Синод обсуждал совместную работу Введенского и Золотинского над переводом евангелия на карельский язык, „каковой употребителен между некоторыми из обывателей Тверской и Олонецкой губерний и частью в Финляндии“, и предложил просить разрешения Александра I на награждение означенных священников. Г. Е. Введенский был награжден высшим знаком отличия для белого духовства, а М. А. Золотинскому „без назначения особого награждения объявлялось благословение Синода за понесенные им труды“.

В письме о награждении переводчиков предлагалось, чтобы те и дальше „продолжали перевод евангелия“. Из переписки узнаем, что они совместно перевели на карельский язык евангелие от Марка. Рукопись этого перевода на 36½ страницах, написанных от руки русским шрифтом, содержится в указанном „Деле“ и представляет собою второй по объему, ставший известным письменный памятник карельского языка 20-х годов прошлого века.

¹ См.: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1891, т. 6, стр. 699; 1902, т. 70, стр. 739.

В. С. СУХАНОВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ
С РАЗЛИЧНЫМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Притяжательные суффиксы — одна из самых древних и стойких категорий финно-угорских языков. Однако современные финно-угорские языки с точки зрения употребления притяжательных суффиксов и их семантики существенно отличаются друг от друга.¹

В данной статье рассматриваются случаи употребления притяжательных суффиксов в пермских, главным образом в коми, языках. Особое внимание обращается на оформление различных частей речи притяжательными суффиксами.

В пермских языках, как и в ряде других финно-угорских языков, притяжательные суффиксы употребляются преимущественно с существительными. Основная функция притяжательных суффиксов — обозначение принадлежности предмета тому или иному лицу.

Примеры из пермских языков

Из коми-зырянского языка: *Кокöй мудзис* (ГФТ)² 'Ноги-мои устали'; *Мед эськö ветлöмным эз жö ло весь* (ГФТ) 'Хоть бы наше хождение (поход-наш) не было бы напрасным'; *Сылöн чукорöсь чужöмыс ставнас петкöдлiс мыйкö йылысь öтторья думайтöм* (ВЮА) 'Его сморщенное лицо (лицо-его) выражало постоянные думы о чем-то'; *Öтпыр аймамыс сур пуисны* (ЛДХ) 'Однажды их родители сварили пиво'; *Видзöдö пыис вылö* (ГФТ) 'Смотрит на своего сына'; *И Геня высьталiс другыслы ставсö* (АЛЗ) 'И Геня рассказал своему другу все'.

Из коми-пермяцкого языка: *Öтпыр нылысь мунас вöрö* (ЛДХ) 'Однажды их дочка ушла в лес'; *Витялöн семьяыс вöли ыджыт* (ЕПВ) 'Семья (его) Вити была большая'.

Из удмуртского языка: *Валзэ дугдытыса, сюресзэ учкыны мыйнiз со* (ТАЛ) 'Остановив свою лошадь, она пошла смотреть дорогу'; *Иванлэн пиез заводын ужа* (АПС) 'Ивана сын (его) на заводе работает'.

¹ История притяжательной суффиксации в прибалтийско-финских языках детально рассматривается в книге: J. Marck. Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. Helsinki, 1925, стр. 54—277. Вопросы притяжательной суффиксации в волжско-пермских языках разбираются в кандидатских диссертациях А. С. Сидорова «Принадлежностно-указательные личные суффиксы в коми языке» (Петрозаводск, 1944), А. П. Феоктистова «Лично-притяжательные суффиксы имен существительных в мордовских языках (Москва, 1955), А. А. Поздеевой «Синтаксические функции именной формы на -эз и -ыс в пермских языках» (Ленинград, 1948) и в работе В. Шахтера «Studien zum possessivsuffix des Syrjänischen» (Berlin, 1960). Этому вопросу посвящены и статьи автора «О притяжательных формах в финно-угорских языках» и «Семантика притяжательных суффиксов в прибалтийско-финских и пермских языках» в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» (т. 4, 1954; т. 7, 1958).

² Сокращения даются в конце статьи.

Примеры из волжскофинских языков

Из мордовского языка: *Т'ейт'ер'с'т йамазо венчас* (ФМС) 'Девушки подруга (ее) вышла замуж', *Бабанть скалово ёмась* (МНС) 'Пропала у старухи корова (ее)'.

Из марийского языка: *Изамын эрыже Москваште тунемеш* (ЯГМ) 'Сын (его) старшего брата в Москве учится'.

Притяжательными суффиксами оформляются также послелого, инфинитивы, деепричастия и причастия. Рассмотрим употребление суффиксов с указанными частями речи.

ПОСЛЕЛОГИ

В коми языке послелого встречаются с притяжательными суффиксами в случаях, когда существительное, при котором находится послелог, стоит в номинативе, например: *Пийö дум вылам усис* (ГФТ) 'Сын (мой) вспомнился', *Бара ставнысö йöктöдiс ныр выланыс усьтöдз* (ДФС) 'Опять всех заставил плясать до упаду'. *Вылам, выланыс* — послелог, оформленный притяжательным суффиксом 1-го лица единственного числа -ам и множественного числа -ныс.

То же встречаем и в коми-пермяцком языке, например: *А пирöгесö тэчис йур вылас* (ЛДХ) 'А пироги сложила на голову (свою)'.

Однако и при наличии послелога возможно оформление имени существительного притяжательным суффиксом (в таком случае послелог не имеет суффикса), например: *Видзöдö пыис вылö* 'Смотрит на своего сына'; *Игорь дивитöмön видзöдлiс другыс вылö* (АЛЗ) 'Игорь с удивлением посмотрел на друга (своего)'.

Случаи оформления притяжательным суффиксом существительного при наличии послелога все же редки, лексически и семантически ограничены. Чаще встречаются с притяжательными суффиксами существительные, обозначающие лица: *Мамыс вöсна шогысö* 'Печалится о своей матери'; *Кызди батыд кузя тенö?* (ГФТ) 'Как тебя (звать) по отцу (твоему)?'.

При наличии послелога существительные, обозначающие неодушевленные предметы, как правило, притяжательными суффиксами не оформляются. Притяжательный суффикс присоединяется к послелогу: *пызан вылад* 'на стол (твой), на столе (твоем)', *кок улад* 'под ноги (твой)'.

В некоторых случаях, однако, наблюдается опущение существительного, например *вылас* 'на нем, на него', *ордас* 'при нем'. Употребляются без существительных те послелого, которые еще близки по смыслу к именам существительным — послелого-имена.¹ Такие послелого встречаются и в сочетании с местоимениями: *Миан водзаным вöли сук лемыд вөр* 'Перед нами был густой темный лес'.

Оформление послелога притяжательным суффиксом характерно и для других финно-угорских языков. Но если послелог в финском языке выступает с существительным, то притяжательным суффиксом оформляется не послелог, а существительное: *silmiesi edessä* 'перед твоими глазами', ср. в коми языке *син водзad* 'перед твоими глазами' (притяжательный суффикс присоединяется к послелогу).

Как и в коми, в финском языке послелог с притяжательным суффиксом может иметь лексическое значение, выступая без существительного,

¹ Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1955, стр. 269.

например: *päälläni* 'на мне', *päälläsi* 'на тебе' (финск.), *вылам* 'на мне', *вылад* 'на тебе' (коми).

В мордовском языке, как и в финском (в отличие от коми), в послеложной конструкции притяжательный суффикс присоединяется к имени существительному, например: *кудо вакссо* 'около дома' и *кудонзо вакссо* 'около его дома'. Ср. финск. *talon luona* 'около дома' и *talonsa luona* 'около дома его'; коми *керка дорын* 'около дома' и *керка дорас* 'около дома его'. В мордовском языке, как и в финском и коми языках, послелог принимают притяжательные суффиксы и в этом случае имеют лексическое значение; например эрзя-морд. прилатырское *лапксон* 'на мне', эрзя-морд. *икелензе* 'перед ним'.¹

Особенностью марийского языка является то, что притяжательные суффиксы в сочетаниях существительных с послелогом могут присоединяться или к самим существительным, или к послелогам. В грамматическом отношении это безразлично. Примеры: *книгам гыч* и *книга гычел* 'из книги'.

Послелог с притяжательным суффиксом в марийском языке встречаются и без существительных, например *умбалнем* 'на мне', *шенгелныта* 'за нами' и др.

Присоединение притяжательных суффиксов к послелогам и превращение их в формы, заменяющие генитив личных местоимений, — черта, присущая почти всем финно-угорским языкам. По происхождению эти послелог в большинстве своем восходят к именным формам. Не случайно то, что послелог с пространственным значением чаще встречается с притяжательными суффиксами. Они сохранили остатки падежных форм, например коми *вылын*, *вылб*, *вылысь*, *вылббз*, *вылти* (значение послелога с основой *выв* 'на'; он обозначает нахождение на поверхности), *улын*, *улб*, *улысь* и т. д. (значение послелога с основой *ул* 'под'; он обозначает нахождение под чем-нибудь). Эти послелог происходят от имени *выв* 'поверхность', *ув* 'низ'. То же мы видим и в других финно-угорских языках.²

В мордовском и финском языках появилась новая закономерность в оформлении суффиксами послеложных конструкций: если в пермских и марийских языках суффикс присоединяется преимущественно к послелог (коми *син водзад* 'перед твоими глазами', удм. *уж понназ* 'для работы (его)', имя существительное перед послелогом с притяжательным суффиксом стоит в именительном падеже), то в финском и эрзя-мордовском языках имя существительное перед послелогом стоит главным образом в генитивной форме: эрзя-морд. *кудонзо кувалт* 'по его дому', финск. *talonsa takana* 'за его (их) домом'; суффикс присоединяется к существительному. В существительном, которое первоначально было определением в генитиве (ср.: *kodan takana* 'за домом', *kodan* 'дома' первоначально было определением к *takana* 'за'³), совместились значения 'кого?' и 'чей?'. В тех же языках, в которых идея принадлежности выражалась простым соположением слов (пермские языки, марийский язык), притяжательные суффиксы оформляли определяемое слово: ср. коми *керка выв* 'дома верх', *керка вылад* 'на доме твоём'. Как видно из

¹ Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955; Ф. П. Марков. Система словоизменительных форм прилатырского диалекта эрзя-мордовского языка. Саранск, 1959, стр. 45.

² Грамматика финского языка. М.—Л., 1958, стр. 211—212; Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка. (РСФЯ), ч. II. М., 1955, стр. 173—174; К. Е. Майтискай. Венгерский язык, ч. I. М., 1955, стр. 277.

³ Л. Хакулинен, РСФЯ, стр. 173—174.

материала, в современных финно-угорских языках эта закономерность в оформлении притяжательными суффиксами послелога — в прошлом определяемого существительного — не соблюдается достаточно последовательно.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПРИЧАСТИЯ

Прилагательные очень редко принимают притяжательные суффиксы. В пермских языках они, за исключением удмуртского прилагательного с указательно-выделительным суффиксом -эз, как и в волжских, не склоняются, будучи необособленными, не изменяются по числам. В положительном положении прилагательные представляют собой примыкающие имена. Отсюда ясно, что прилагательные, как правило, не оформляются притяжательными суффиксами. В тех случаях, когда встречаются прилагательные с притяжательными суффиксами, они, как правило, субстантивируются. В коми языке, например, встречается имя прилагательное субстантивированное с определенно-указательными суффиксами (определенно-указательные и притяжательные суффиксы в коми языке формально совпадают, в данном случае суффикс выполняет определенно-указательную функцию). Некоторые примеры: *Улица шорас, пемыдас, ичбтик морт сылсис соловей моз...* (ЛТБ) 'Посреди улицы, в темноте, маленький человек пел, как соловей'; *Васька: А мый бурей аддзылим* (ВСП) 'Васька: А что хорошего-то видали?'

М. А. Сахарова в статье „К вопросу о субстантивации имен прилагательных“ пишет, что возможность присоединять указательные суффиксы является одним из показателей полной субстантивации прилагательных.¹ Однако не во всех случаях можно говорить о полной субстантивации прилагательных даже при наличии суффикса. Они могут, например, иметь степени сравнения: *Сэян ковмас медся бурые да медся чбскыдыс* 'Еда потребляется самая хорошая и самая вкусная' (превосходная степень).

<i>Зарни синма варов нылбс</i>	Златоглазую говорунью-девушку
<i>Сийб, меным индб; кылб,</i>	Он мне, по-видимому, указывает,
<i>Сысы мичамс оз тбр!</i> (ИВШ)	Красивее ее не может быть!

В этом примере на степень сравнения указывает падеж (*сысы мичамс* 'красивее ее'). Правда, наличие степеней сравнения не дает еще основания считать, что данное слово является прилагательным. В финно-угорских языках изменяются по степеням сравнения и существительные, ср. финские примеры *syrympänä* 'подале (подальше, в стороне)' от ср. финские *syryjä* 'сторона, край', *aiempi* 'пораньше' от *aika* 'время',² но и лексическое значение говорит о том, что эти имена не отрываются полностью от прилагательных. Подобные прилагательные можно назвать неполностью субстантивированными. Отмечая неполную субстантивацию прилагательных, мы не можем все же считать, что в коми литературном языке прилагательные могут быть оформлены определенно-притяжательными суффиксами.³ В диалектах качественные прилагательные могут

¹ Историко-филологический сборник, вып. 3. Сыктывкар, 1956 (АН СССР, Коми филиал).

² Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. I, стр. 67; M. Airila. Johdatusta kielen teologiaan. Porvoo—Helsinki, 1952, стр. 84.

³ В коми языке выделяется определенно-притяжательная грамматическая категория, основными значениями которой являются принадлежностное и определенно-указательное. Формально суффиксы притяжательные и определенно-указательные не различаются.

оформляются притяжательным суффиксом, находясь в препозитивном положении. Например, в верхневашском говоре коми-зырянского языка встречаются формы типа *зёлтнэйö нылö* 'золотая (моя) дочурка (моя)' (ВСМ).

В волжско-финских языках также прилагательные очень редко бывают оформлены притяжательными суффиксами. В мордовском языке прилагательное в качестве определения находится перед определяемым словом, с которым не согласуется ни в числе, ни в падеже, например *поки кудо* 'большой дом', *поки кудосто* 'из большого дома', *поки кудосо* 'в большом доме' и т. д.

Прилагательное в мордовском языке изменяется по падежам в формах притяжательного склонения лишь в случае субстантивации, например *пацанть якстерезе олась* 'красный цвет (его) платья полинял'.

В финском языке прилагательные очень редко оформляются притяжательными суффиксами.¹

Если прилагательное, как правило, во всех финно-угорских языках не оформляется притяжательными суффиксами, то причастие встречается как с суффиксами, так и без них.

В пермских языках многие имена действия (*nomina actionis*) и причастия морфологически не различаются. Например, в коми языке страдательные причастия прошедшего времени на *-ом* омонимичны именам действия на *-ом*: *ижом* в зависимости от употребления в предложении может быть понято или как 'написанное' (*ижом письмоö* 'написанное письмо'), или как 'письмо' (писание-действие). Не различаются морфологически причастия действительного залога настоящего времени (продолжающегося незаконченного действия) от существительных: *велöдысь* может быть понято как 'учащий' (*велöдысь морт* 'учащий человек') или как существительное 'учитель'.

Рассмотрим примеры употребления существительных и причастий на *-ом* и *-ысь* в коми-зырянском языке. Существительные на *-ом*: *Налон сьылöм гораа юргис гогör* 'Их пение громко звенело вокруг'; *Вöрысь локтöм бöрын пырав мянö* 'После прихода из леса заходи к нам'; *Но, Семен, справитчы, — шуис Сергей да, другö на прощанье кутыштолöм бöрын, петис* (СБЗ) 'Ну, Семен, справляйся, — сказал Сергей и, обняв на прощанье друга, вышел'; *Кöлуй босьтавлöм йылысь тэ, буракö, вунöдин* 'О взятии вещей ты, наверно, забыл'.

Эти отглагольные, или вербальные, имена на *-ом*, по Д. В. Бубриху, обозначают 'действие как таковое или действительную ситуацию'.²

Причастия на *-ом*: *Но-кö, том молодец, корсь вошöм паньсö* (ОВС) 'Ну-ка, молодец, ищи утерянную ложку'; *Босьтис сэсья поплысь вайöм плеть да мöдис готырсö кучкавны* (ДФС) 'Взял потом принесенную попом плеть и начал жену колотить'.

Существительные на *-ысь*: *Став челядь вермасны вуджны мöд классö, колö сбмын уджавны быд велöдыськöд торйöн, отсавны кольчысьяслы вöтöдны ёртъяссö* (ЮТ) 'Все ребята могут перейти в следующий класс, надо только работать с каждым учащимся, помогать отстающим'.

Причастия на *-ысь*: *Бак вылын крепитöма сьöкыда бергалысь башня* (НПЦ) 'На баке закреплена тяжело вращающаяся башня...'; *Тан, гашкö, кыпöдис сэк асьысь дзирдалысь меч* (ПСМ) 'Здесь, может быть, поднял тогда свой сверкающий меч'.

Причастие, как особая грамматическая категория, в коми языке имеет много общего с прилагательными.¹ Причастия, как и прилагательные, не употребляются с притяжательно-указательными суффиксами. Если формы на *-ысь* и *-ом* (не берем для анализа формы на *-ан* и *-тöм*, в которых условия оформления притяжательно-указательными суффиксами еще более ограничены) употребляются с суффиксами *-ыд*, *-ыс* и др., то они могут быть поняты только как существительные. Примеры: *Гожöмнас на, кор Степан ветлывлis вöрö сюмод куданы, либö туис кышъясла, сийö аддзис и кылis. уркайлысь коми вöрьясö вöймсö* (ВЮА) 'Еще летом, когда Степан ходил в лес сдирать бересту или за крышками для бураков,² он видел и слышал приход в коми леса клестов'; *Уджалысьыс мунis нин* 'Рабочий-то (работающий-то) уже ушел'.

Притяжательно-указательный суффикс указывает на принадлежность или содержит в себе момент указания-выделения (*-то*). В некоторых случаях оформление притяжательными суффиксами прилагательного и причастия зависит от порядка слов. В инверсированном положении иногда (очень редко) встречаются причастия с притяжательно-указательными суффиксами, например *Чукöстis коймöд вöвсö, асылis сетöмсö* (ОВС) 'Позвал третью лошадь, себе данную-то'.

Определяемое слово принимает притяжательные суффиксы, а определение остается без изменения — эта основная закономерность оформления притяжательными суффиксами имен сохраняется и в других языках пермской и волжской групп. Только в удмуртском языке есть особая группа прилагательных с выделительным суффиксом *-ез(-ээ)* и *-ыз*.

В финском языке наблюдаются другие закономерности. Например, финское причастие агента (*agenttipartisiippi*) на *-та*, *-tä*, которое является по происхождению именем действия с обозначением результата его и соответствует *м*-овым причастиям и именам действия других финно-угорских языков, употребляется в роли определения или именной части составного сказуемого.³

Агент (действующее лицо) этих причастий может выражаться притяжательным суффиксом, например *Kaivan odottamanne käänne tapahtui täällä viikolla* 'Долго ожидаемый (вами) поворот совершился на этой неделе'. Очевидно, пермское причастие ближе к прилагательному, значение действующего лица ощущается не в такой степени, как в финском языке.

ИНФИНИТИВЫ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Широко представлены с притяжательной суффиксацией инфинитивные и деепричастные формы.

В коми языке инфинитив имеет неопределенную (*мунны* 'идти') и определено-притяжательную форму (*муннысö* 'идти-то'). Определено-притяжательная форма или содержит указание на лицо, которому принадлежит действие, или содержит в себе смысловое 'то'. Примеры: *надлежит действие, или содержит в себе смысловое 'то'*. Примеры: *Мунным оз вермы* 'Идти (я) не могу'; *Мунныд он вермы* 'Не можешь (ты) идти'; *Они сылы сьöкыд кутис лоны ветлöдынысö* 'Сейчас ему тяжело становится ходить-то'; *Колö öтпыр ошкысь повзынысь, мöдысь мырйысь повзян* (ЛДХ) 'Надо один раз медведя испугаться, другой раз пня испугаешься'; *А сийö но мый, юнысö радейтö?* (ЛТБ) 'А он что, пить(-то) любит?'.

¹ См. примеры в книге: Современный коми язык, Сыктывкар, 1955, стр. 241.

² Бурак — цилиндрический сосуд из бересты.

³ М. Э. Куусинен. Причастия в финском языке. Автореф. канд. дисс., Петрозаводск, 1954, стр. 11.

¹ Л. Хакулинен, РСФЯ, ч. II, стр. 217—219.

² Д. В. Бубрих. Грамматика коми литературного языка. Л., 1949, стр. 126.

В удмуртском языке отсутствуют подобные формы. Удмуртский инфинитив никогда не встречается с притяжательным или указательным суффиксом. В мордовском языке основной инфинитив на -мс может иметь притяжательный суффикс.¹

В финском языке всегда с притяжательной суффиксацией выступает целевой инфинитив, в котором притяжательный суффикс указывает на лицо, которое должно осуществить действие, например *Hannes vetäisi onkensa vedestä muuttaakseen vereksen syötin* (JPR) 'Ханнес выдернул из воды удочку, чтобы сменить свежую наживку'.

Оформление инфинитива притяжательными суффиксами свидетельствует о его именном происхождении. В основе пермских деепричастий лежат также имена действия. Поэтому они широко встречаются с притяжательными суффиксами.

В пермских языках деепричастные конструкции встречаются как с общим субъектом для деепричастной конструкции и основной части предложения, так и со своим отдельным субъектом. Притяжательный суффикс как бы вторично выражает (или показывает) действующее лицо в тех случаях, когда оно совпадает у деепричастия и сказуемого.

Примеры деепричастий коми-зырянского языка: *Кутшом сійб гаждчиаг визув, сэтшом и уджаліаг* (КХ) 'Какой он боевой (шустрый) во время веселья (его) (досл.: веселясь), такой и при работе (его) (досл.: работая); *А кысь-но, бббб Аннуш, лбсьыд гажтбмсиад?* (ВЮА) 'А хорошо разве, Аннушка, когда грустишь?'

Коми-пермяцкий пример: *Мусб вэсалиаг пусб бытсбн кинаныс нэтшкыллбмась* (ЛДХ) 'Когда расчищали под пашню лес, то все деревья выдерживали руками'.

Удмуртский пример (в удмуртском языке коми деепричастиям на -и, -іг соответствуют деепричастия на -ку, обе формы восходят к древним формам на -ыкэ):² *Гуртэ бертыкуды-а пумиськиды Корепановен? — юаз агроном Антонина Ивановнальсь* (ППД) 'При возвращении ли домой вы встретились с Корепановым? — спросил агроном Антонину Ивановну'.

Притяжательные суффиксы в пермских языках употребляются и с деепричастиями, которые выступают в функции главного члена субъектной конструкции (агентные деепричастия). Суффикс имеет личное значение.

Коми примеры: *Бөрйианьыд на шулі, мися, месь пбльзаяс отбд ыджыд-б лоас* (КХ) 'Когда вы меня выбирали еще, я говорила, что, дескать, от меня польза-то, не знаю, большая ли будет'; *Мбсьяс-лбн колб лоны асланыс порядок, примерно, лысьтиганьыс требуйтбб спокой* (КХ) 'У коров должен быть свой порядок, например при их доении требуется покой'; *Сералиаг сылбн ичбтик синъясыс дзикбдз саявлісны* (ТОГ) 'При его смехе (когда он смеялся) его маленькие глаза совсем закрывались'.

Если деепричастие употребляется с послелогом, то притяжательным суффиксом оформляется послелог, который становится словообразовательным суффиксом.

Коми пример: *Сійб изігмозыс став чужтб бара сэйис* (ДФС) 'Он во время молотбы (когда молот) весь солод опять съел'.

¹ См. примеры в книге: Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, стр. 153—155.

² Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948, стр. 70.

С притяжательно-указательными суффиксами употребляются деепричастия не только на -і, -ку, но и на -тбдз (удм. -тозь), -мбн, -тбг. Однако степень их употребляемости с притяжательными суффиксами неодинакова. Деепричастия на -тбдз часто встречаются с притяжательно-указательными суффиксами.

Коми примеры: *Мем колб сиктас воны йбз чеччавтбдзыс на* 'Мне надо прийти в село еще до того, как встанет народ'; *Мунтбдзныд пыралб мяняб* 'До ухода вы заходите к нам'.

Удмуртский пример: *Вань улытозям мынам сюлэмы тонэн тиош луоз* (ТАЛ) 'В течение всей жизни мое сердце будет вместе с тобой'.

Деепричастия на -мбн в коми языке также встречаются с определенно-притяжательными суффиксами, но реже, чем деепричастия на -і, -тбдз. Примеры: *Унаыс абуб же, а сэймбныс, бытбб, дасьтвлім жб* (ВЮА) 'Много нет, а в количестве, необходимом для еды, все же доставали'; *Нббитіс кувмбныс* 'Избил до смерти (его)'; *Сы гббгб ставныс кынбм кутмбныс сералбны* 'Вокруг него все так смеются, что за животы держатся'; *Босьтбй сэймбныд* 'Возьмите столько, сколько вы можете съесть'.

В удмуртском литературном языке деепричастия на -мон с лично-притяжательными суффиксами почти не встречаются; изредка они встречаются в диалектах. Пример: *Тани мон солы тысь изі туж уно жадьымонам* (ППД) 'Вот я ему зерна размолол так много, что устал'.

Деепричастия на -тбг широко встречаются с определенно-притяжательными суффиксами. Примеры: *Ворыштам кб тибктыбгыс, а тибктыгад со кыдзи ми карам* (ВЮА) 'Если поиграем, то без (их) веления, а при повелении(то) вот как мы делаем'; *Сэйтбгыд эн мун* 'Не покушав (ты), не иди'.

В удмуртском языке в отличие от коми деепричастие на -тэк, соответствующее коми деепричастию на -тбг, не принимает притяжательных суффиксов.

Коми деепричастия на -бмбн (типа *яндьсыбмбн* 'смущаясь', *локтбмбн* 'придя, с приходом') совсем не употребляются с притяжательными суффиксами.

Чем же объясняется то, что деепричастия так непоследовательно употребляются с притяжательными суффиксами? Ответ находим в самой категории деепричастия в пермских языках.

Под деепричастиями в пермских языках понимается большая группа адвербиализованных имен. Адвербиализация имен является одним из путей образования наречий. Если дело касается обычных имен существительных, то они застывают в форме какого-либо падежа, теряют способность иметь при себе определения и переходят в наречия (*талун* из *талунб* 'сегодня', *талунбдз* 'до сегодня'). Но в том случае, если адвербиализации подвергаются имена существительные, сохраняющие глагольное управление и глагольные категории, не может быть речи об образовании чистых наречий, эти формы условно называются деепричастиями. Деепричастия являются сложной категорией, они имеют признаки, которые сближают их с наречиями. Эти признаки проявляются у разных деепричастий по-разному. Если деепричастие не употребляется с притяжательными суффиксами, то близость его к наречию более ощутима (коми деепричастия на -бмбн, в известной степени на -мбн, удмуртские деепричастия на -тэк). Как правило, эти деепричастия не встречаются в составе субъектной конструкции. Более поздние по образованию формы (деепричастия на -бмбн) не употребляются с притяжательными суффиксами.

МЕСТОИМЕННИЯ

В пермских языках с определенно-притяжательными суффиксами встречаются усилительно-личные, счетно-личные, взаимно-личные и обобщительно-определятельные местоимения. Оформляются суффиксами, как правило, местоимения-существительные (т. е. местоимения, которые по своему значению соответствуют именам существительным). Однако с суффиксами встречаются и некоторые адъективные местоимения, например усилительно-личные. Притяжательный суффикс имеет личное значение.

Примеры из коми языка: *Ассьым мнение ме гижи профессор Шведовлы* (ГФТ) 'Свое мнение я написал профессору Шведову'; *Некыдзи сийё эз чайт, мый экспедицияса начальник ачыс механик* (ГФТ) 'Никак он не ожидал, что начальник экспедиции сам механик'; *Аслам киясён лэпталі машина вылё* (ГФТ) 'Своими руками поднимал на машины'.

Местоимение *ас-* исследователи связывают с существительным „душа, тень“. Ср. в финском языке возвратное местоимение *itse(nsä)* 'себя', которое употребляется с притяжательным суффиксом, притяжательный суффикс соответствует лицу субъекта. По происхождению оно связано с существительным „душа“.

Притяжательные суффиксы широко сочетаются с различными частями речи и являются показателем или былого субстантивного употребления слова (инфинитивы, деепричастия, местоимения, послелогов), или позднейшей его субстантивации (прилагательные, перешедшие в существительные). Пермские языки во многих случаях сохранили ряд интересных закономерностей в оформлении слов притяжательными суффиксами. Например, в коми языке сохранилась более древняя закономерность в оформлении послелогов, связь послелогов с именами более ощутима в коми языке, чем в прибалтийско-финских и мордовских языках.

Пермское причастие во многих случаях омонимично имени действия (*гижом* 'письмо и написанное'). Пути развития пермского причастия не совпадают с финским причастием. В коми языке не выработалась конструкция, подобная финской субъектной причастной конструкции, поэтому причастие в коми языке никогда не принимает притяжательных суффиксов. В этом проявляется их близость к прилагательным. Причастия в коми грамматиках относятся к глагольным формам условно: ощущается их связь с прилагательными. Невозможность присоединения притяжательных суффиксов к причастиям подтверждает вышеуказанное положение.

Оформление притяжательными и указательными суффиксами различных частей речи свидетельствует об устойчивости данной грамматической категории, об именном происхождении ряда частей речи.

Сокращения

- АЛЗ — А. Лыуров. Зарни кияс (Золотые руки). Сыктывкар, 1956.
 АПС — А. А. Поздеева. Синтаксические функции именной формы на *-ез* и *-ыс* в пермских языках. Рукопись, Л., 1948.
 ВЮА — В. Юхнин. Алёй лента (Алая лента). Сыктывкар, 1955.
 ВСП — В. Савин. Пьесаьс (Пьесы). Сыктывкар, 1959.
 ВСМ — В. Сорвачева. Морфологические особенности верхневашского говора. Рукопись, Сыктывкар, 1950.
 ГФТ — Г. Федоров. Тимаи предгорьясьми (В предгорьях Тимана). Сыктывкар, 1949.
 ДФС — Доронин. Фольклорий сборник (Фольклорный сборник). Сыктывкар, 1938.
 ЕПВ — Е. Пермьяк. Вёснит струна (Тонкая струна). Кудымкар, 1959.

- ИВШ — Илля Вась (В. И. Лыткин). Шонді петігён (На восходе солнца). Сыктывкар, 1959.
 КХ — Коми хрестоматия для 10 класса средней школы. Сыктывкар, 1949.
 АДХ — В. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
 ЛТЕ — Л. Толстой. Бөрйом гиждьяс (Избранные произведения). Сыктывкар, 1957.
 МНС — Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955.
 НПС — Новиков-Прибой. Цусима. Сыктывкар, 1940.
 ОВС — И. Осипов. Висервожся сылаикывьяс да мойдкывьяс (Висервожские песни и сказки). Сыктывкар, 1941.
 РСМ — С. Попов. Миян войвын (Наш север). Коми гос. изд., 1948.
 ППД — П. Переводчиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
 СБЗ — С. Бабаевский. Золотой звезда кавалер (Кавалер золотой звезды). Сыктывкар, 1948.
 ТАЛ — Т. Архипов. Лудзи шур дурин (На реке Лудзи). Ижевск, 1949.
 ТОГ — И. С. Турганов. Охотниклён гиждьясьс (Из записок охотника). Сыктывкар, 1948.
 ФМС — Ф. Марков. Система словоизменительных форм приалатырского диалекта эрзя-мордовского языка. Саранск, 1959.
 ЮТ — Югд туй (Светлый путь), газета на коми языке.
 ЯГМ — Я. Г. Григорьев. Марийский язык. Йошкар-Ола, 1953.
 JPR — N. Jaakkola. Pirttijärven rantamilla (На берегах Пирттиярви). Петро-заводск, 1949.

Г. М. КЕРТ

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЕВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последнее время в советской литературе по языкознанию вновь, как и в 30-е годы, горячо обсуждаются вопросы синтаксиса простого предложения и, в частности, вопросы членения предложения. Вновь начинают критиковать традиционную схему членения предложения. Особенно подвергается нападкам выделение второстепенных членов. Некоторые языковеды считают, что второстепенные члены предложения не имеют грамматических критериев. Так, М. Петерсон отмечает, что „сама постановка вопроса о членах предложения ведет к априоризму, к неправильному отождествлению предложения с логическим или психологическим суждением“.¹ А. Шапиро, в частности, указывает на то, что „принципы, по которым до сих пор пытались устанавливать принадлежность второстепенного члена к тому или иному классу, не отвечают существу дела“.²

Другие лингвисты, соглашаясь с тем, что классификация структуры предложения по членам предложения является априористичной, все же принимают ее, поскольку не найдены иные пути исследования предложения.³

Наконец, третьи принимают существующую классификацию, предлагая внести в нее некоторые уточнения.⁴ Акад. В. В. Виноградов пишет, что „традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре“.⁵ Он также отмечает, что „выделение трех второстепенных «членов предложения» и распределение по их рубрикам всего многообразия живых синтаксических связей слов в составе предложения связано с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основано на собственно грамматических принципах“.⁶

Совещание по теории синтаксиса, происходившее в декабре 1960 г. в Московском университете, со всей очевидностью показало наличие разных подходов и разных решений как в определении предмета синтаксиса, так и в методах синтаксических исследований. Это положение объясняется главным образом сложностью самого вопроса. Вопросы

¹ М. Петерсон. Электизм и антисторизм взглядов И. И. Мещанинова на члены предложения и части речи. В сб.: „Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании“, ч. II, М., 1952, стр. 389.

² А. Шапиро. К учению о второстепенных членах предложения в русском языке. „Вопросы языкознания“, 1957, № 2, стр. 82.

³ П. Поллер. О системах членения предложения в зарубежной грамматической литературе. „Проблемы изучения языка“, М., Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1957, стр. 69.

⁴ Е. Кротевич. Члены предложения в современном русском языке. Изд. Львовск. гос. ун-в., 1954; В. Мигри и. Отношения между частями речи и членами предложения. „Научные доклады высшей школы. Филологические науки“, 1959, № 1.

⁵ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис. М., 1954, стр. 97.

⁶ Там же, стр. 96—97.

синтаксиса — это в первую очередь вопросы соотношения мыслительного содержания и средств выражения, т. е. вопросы соотношения языка и мышления. Поэтому при членении структуры предложения необходимо учитывать как значение, так и формальные средства. Однако если понятие формальной стороны языка не вызывает различных мнений и толкований, то в определении значения синтаксических явлений у лингвистов до сих пор нет единого мнения. Предложение далеко не всегда передает суждение в логике. Язык в его письменной форме уже предстает перед нами как результат работы мышления. При анализе структуры предложения (будь это для практических целей — машинного перевода или школьной грамматики, или теоретических — процесс выявления мышления в языке) мы должны оперировать языковыми фактами, а не категориями мышления.

Задача нашей работы — показать некоторые противоречия, имеющиеся в учении о второстепенных членах предложения. При этом мы учитываем, что критерии для их выделения, за небольшим исключением, являются едиными для большинства языков.

Согласование, управление и примыкание, как способы синтаксической связи слов в предложении, характеризуют определенные члены предложения, но отнюдь не являются определяющими для них. Попытка Ф. И. Буслаева¹ определить члены предложения, с одной стороны, по синтаксическим связям (согласование, управление, примыкание), с другой стороны — по вопросам привела к неразрешимым противоречиям: в одних случаях обстоятельство оказываются управляемыми („сидеть в саду“), а определения несогласуемыми („кружка из жести“), в других случаях один и тот же член предложения может трактоваться различно; например, в предложении „я ходил в сад“ слово „сад“ с предлогом по значению (вопросу) является обстоятельством, по управлению же — дополнением.

Обычно синтаксистами различаются понятия „синтаксические связи (или отношения) между членами словосочетания“ и „синтаксические отношения между членами предложения“.² Так, Е. Кротевич пишет: „В строении предложения, абстрагируясь от частного и конкретного, нетрудно обнаружить единство, так сказать, двух линий или двух схем грамматических связей: одну из них составляют внешние, формальные связи между отдельными словами — частями речи, как морфологическими категориями, осуществляющими организацию этого строительного материала с помощью имеющихся в распоряжении языка соответствующих средств (например, согласования, управления, примыкания), вторую схему составляет внутренняя зависимость компонентов предложения друг от друга по определенным синтаксическим отношениям (предикативные отношения, атрибутивные, объектные и др.), в которые вступают наличные в данном языке члены предложения (подлежащее, сказуемое, определение и др.)“.³ Здесь сразу встает вопрос: каковы грамматические критерии этого второго вида связи?

Если для первого типа отношений мы можем установить грамматические критерии (согласование в числе и падеже при определении и

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

² В „Грамматике русского языка“ (т. II, М., 1954), во „Введении“, наблюдается непоследовательность в употреблении терминов „синтаксические приемы“ и „синтаксические связи или отношения“. Согласование, управление, примыкание как способы грамматической связи слов в одних случаях называются „синтаксическими приемами“, в других случаях — „синтаксическими связями, или отношениями“.

³ Е. Кротевич. Члены предложения в современном русском языке. Изд. Львовск. гос. ун-в., 1954, стр. 11.

определяемом, выступление имени в определенном падеже в зависимости от значения управляющего глагола) и это будут грамматические отношения, так как имеют свое формальное выражение, то для второго типа по существу нет единых, формальных грамматических критериев; отношения второго типа в одном случае являются логическими (между субъектом и предикатом, определяющим и определяемым), в другом случае их квалифицируют как объектные, обстоятельственные, хотя, как мы увидим ниже, с точки зрения логики объектные и обстоятельственные отношения также являются определительными между главным и зависимым членами словосочетания.

Как в предложении, так и в словосочетании существуют одни и те же „формальные связи... осуществляющие организацию этого строительного материала“. Единственная „прибавка“ в предложении — это предикация, выражающаяся в интонации предложения и соотносительности действия к лицу, числу, времени, наклонению.

С другой стороны, как в предложении, так и в словосочетании существует „вторая схема грамматических связей“, за исключением предикативных отношений (ведь говорим же мы об определительных, объектных, обстоятельственных отношениях в словосочетаниях).

Таким образом, как предложению, так и словосочетанию присущи одни и те же грамматические связи (за исключением предикативных).

По нашему мнению, подлинно грамматическими связями являются связи первой схемы. Причислять же к разряду грамматических связей связи второй схемы нам представляется нецелесообразным по той причине, что у них отсутствуют грамматические критерии.

Позднее Е. Кротевичем было выдвинуто несколько иное определение синтаксических отношений: „Под синтаксическими отношениями мы понимаем такие отношения, которые устанавливаются между самостоятельными словами и их фразеологическими эквивалентами, выполняющими в словосочетании или предложении определенную синтаксическую функцию“.¹ Сравните также: „Синтаксическая роль слова... зависит прежде всего от синтаксических отношений, которые устанавливаются в строе предложения между его членами“.²

Однако определения синтаксической функции Е. Кротевич не дает, между тем это является одним из труднейших вопросов языкознания.

Наиболее общие критерии для определения синтаксической функции слова приводятся Р. Аванесовым: „Синтаксическая функция слова определяется не только его морфологической категорией, как думают формалисты. Она обусловлена (в этом заключается специфически синтаксическое) всеми связями данного слова с другими, контекстом как в пределах предложения, так и за пределами его; всеми значениями слова (грамматическим и вещественным) как данного слова, так и того слова, к которому оно относится“.³

Как видим, данное определение синтаксической функции является общим, а потому и недостаточно полным. В этом определении дается ряд признаков, которые свойственны синтаксической функции, причем эти признаки относятся к различным сторонам языка (связи слова, кон-

¹ Е. Кротевич. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. В кн.: Вопросы русского языкознания, т. II. Изд. Львовск. гос. ун-в., 1956, стр. 5.

² Е. В. Кротевич. Слово, части речи, члены предложения (к вопросу об их соотношении). Изд. Львовск. гос. ун-в., 1960, стр. 13.

³ Р. И. Аванесов. Второстепенные члены предложения, как грамматические категории. „Русский язык в школе“, 1936, № 4, стр. 54.

тексту, значению и т. д.). И только „интуиция“ исследователя должна определить, какой из критериев необходимо брать в каждом конкретном случае. Синтаксические отношения определяются посредством синтаксической функции, а последняя посредством синтаксических отношений, которые в свою очередь определяют члены предложения. Получается тавтология; заколдованный круг, уравнение, в котором три неизвестных и ни одного известного. Таким образом, определение синтаксических отношений посредством синтаксической функции не может быть достаточным.

А. Шапиро дает новую схему синтаксических отношений.¹ Указывая на неграмматичность критериев, по которым определяются предикативные, атрибутивные, объектные и другие отношения традиционной грамматики, он предлагает следующие основные типы синтаксических отношений: квалифицирующий, пополняющий, дополнительный. По нашему мнению, в статье правильно дается критика принципов выделения предикативных, атрибутивных, объектных и других отношений в традиционной грамматике. Однако, предлагая новую классификацию синтаксических отношений, А. Шапиро оставляет по существу старую схему способов синтаксической связи слов. Так, квалифицирующим типом отношений он называет отношение между членами словосочетания, известное как способ синтаксической связи „согласование“, под пополняющий тип подводится способ синтаксической связи „управление“ и т. д.

Поскольку классификация по членам предложения основывается на втором виде связи, необходимо подробнее остановиться на ней, показать существо этих синтаксических связей (или отношений) в отдельности, определить, являются ли эти отношения в каждом конкретном случае отношениями между однородными величинами и в чем состоит различие между этими отношениями.

Между подлежащим и сказуемым существуют предикативные отношения. Так, в академической грамматике указывается, что „соотносительные члены предложения, связанные предикативными отношениями (разрядка наша, — Г. К.), — это подлежащее, выраженное формой именительного падежа имени существительного, местоимения (а также субстантивированного слова), и сказуемое, выраженное личной формой глагола, краткой формой причастия, прилагательного или другими морфологическими средствами“.² Сравните также: „В строе предложения, если подравнивать его к строю суждения, естественно выделяются два члена: подлежащее, в котором ищут и часто находят соответствие субъекту суждения, и сказуемое, которое рассматривается как выраженные предиката“.³

Подлежащее и сказуемое практически определяются как выразители субъекта и предиката суждения. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда подлежащим выступает не имя существительное в именительном падеже или другое субстантивированное слово, а неопределенная форма глагола (инфинитив), например: „Сидеть одному в комнате — скучно“.

Таким образом, отношения между подлежащим и сказуемым считаются предикативными отношениями. Предикативные отношения признаются логикой. Определение как член предложения также определяется по характеру логических отношений, а именно: определение характери-

¹ А. Шапиро. Словосочетание в русском языке. В сб.: „Славянское языкознание“, М.—Л., 1959.

² Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1954, стр. 88.

³ Там же, стр. 68.

зается по атрибутивным отношениям между предметом и его признаками. Атрибутивные отношения признаются логикой. Следовательно, как предикативные, так и атрибутивные отношения являются логическими отношениями, которые, разумеется, находят свое конкретное проявление в грамматическом материале (лексике и грамматике).

Обстоятельство же находится в этом отношении в несколько особом положении. Обстоятельство как член предложения определяется не по характеру отношений в логическом суждении, а по значениям, которые передаются им. Отношения же между обстоятельством и сказуемым являются также атрибутивными. Об этом вполне ясно и определенно пишут М. Алексеев и Г. Колшанский: „Логическое отношение признака и определяемого (ограничиваемого) понятия передается в языке словосочетанием — определением с определяемым для имени или дополнение и обстоятельство при глаголе. Логическое предикативное отношение понятий (суждение) реализуется в синтаксисе в форме предложения (точнее, в форме предикативной связи предложения)“.¹

Итак, отношения между обстоятельством и сказуемым являются не обстоятельственными, а атрибутивными. Разница состоит в том, что указывается не признак предмета, а признак действия или состояния (атрибут в широком смысле слова). Объектные отношения также являются атрибутивными.²

Следует сказать, что из правильной посылки о двух видах логической связи и ее выражении средствами языка М. Алексеев и Г. Колшанский не делают правильных выводов относительно членения предложения. Подлежащее, сказуемое, определение определяются в грамматике по логическим отношениям — предикативным и атрибутивным. Остальные же члены предложения — дополнение (прямое и косвенное), обстоятельства определяются не по логическим отношениям, а по иным (обстоятельственным, объектным). Однако существо обстоятельственных и объектных отношений грамматистами не раскрывается. В практике же определения второстепенных членов предложения обычно отыскиваются обстоятельство и косвенное дополнение, а потом устанавливаются так называемые синтаксические отношения, хотя априорно считается, что члены предложения определяются по синтаксическим отношениям.

Существо обстоятельственных и объектных отношений остается невыясненным, и данные члены предложения (обстоятельство и косвенное дополнение) практически определяются по значению (по вопросам). Вопросы же, которыми устанавливаются те или иные обстоятельства и которые, по мнению многих авторов, являются универсальным средством для определения членов предложения, сами по себе могут уста-

¹ М. Алексеев и Г. Колшанский. О соотношении логических и грамматических категорий. „Вопросы языкознания“, 1955, № 5, стр. 15. См. также: Г. Колшанский. К вопросу о логической функции второстепенных членов предложения. 1954, стр. 39.

² В этой связи интересно отметить, что в финно-угорских языках в историческом аспекте так называемые объектные отношения развились из атрибутивных отношений, т. е. прямое дополнение когда-то было определением. „Вначале не было категории прямого дополнения, а была категория определения при имени, обозначающем действительности (поскольку в ход пошло именно такое имя). Определение оформлялось согласно обычным нормам: оно могло стоять во внепадежной форме, если обозначало непосредственный предмет, и должно было стоять в родительном падеже, если обозначало предмет определенный.“

„Но прошло время, сформировался глагол, и слово, которое некогда было определением при имени, обозначающем действительности, не могло остаться определением — ведь оно относилось уже к глаголу. Оно стало прямым дополнением“ (Д. В. Бубрих. Историческая грамматика вранского языка. Саранск, 1953, стр. 51—52).

новить лишь смысловые значения, а отнюдь не синтаксические отношения. Например, „быстрый бег“ и „быстро бежать“ — отношения одни и те же (определятельные), а члены предложения различные.

Таким образом, налицо двойной принцип определения членов предложения: по логическим отношениям между понятиями и признаками понятия, находящим свое выражение в структуре предложения, и по значению, выражаемому отдельными словами, падежными формами слов и словосочетаниями.

Отсутствие единства принципов при членении предложения в какой-то мере характерно и для грамматик других языков.

В грамматиках финского языка, изданных в Финляндии, в основном существует такая же схема членения на второстепенные члены предложения, как и в грамматиках русского языка. Эта схема была в свое время предложена Э. Сетяля¹ в прошлом столетии и по существу не изменялась до настоящего времени. Грамматика А. Пенттиля,² давшая новую трактовку по многим вопросам грамматики финского языка,³ в вопросе членения предложения, за небольшими исключениями, также продолжает традиции синтаксической теории Э. Сетяля.

Следует сказать, что предложенная Э. Сетяля классификация второстепенных членов предложения, совпадая в основных положениях с традиционной классификацией русской грамматики, все же отличалась от последней. Все второстепенные члены предложения, относящиеся как к имени, так и к глаголу, относились к определениям в широком смысле слова (*määryykset*). Это по существу зависимые члены предложения (по терминологии русской грамматики), противопоставляемые главным членам предложения.

В отличие от русских грамматик в грамматиках финского языка не различаются прямое и косвенное дополнение, т. е. косвенное дополнение не выделяется. В этом отношении грамматики финского языка более последовательны, так как „косвенное дополнение“ по своему значению не имеет ничего общего с „прямым дополнением“. Кроме того, „косвенное дополнение грамматически не отличается от обстоятельства“, на что справедливо указывает К. Майтинская.⁴

В грамматиках финского языка в качестве самостоятельных членов предложения выделяются предикатив (*predikaatin täyte* или *predikaatiivi*) и аппозицион (*appositiio*).⁵

В грамматиках русского языка предикатив соответствует именной части составного сказуемого, а аппозицион — или дополнению, или обстоятельству. Однако и для грамматики финского языка характерно отсутствие единых критериев при определении членов предложения. В этой связи интересно отметить, что в работах по синтаксису финского языка также часто предлагаются „практические“ советы для определения членов предложения в тех случаях, когда критерии для их выявления неопределены. Так П. Нумминен предлагает следующий спо-

¹ E. N. Setälä. Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1880.

² A. Penttilä. Suomen kielloppi. Porvoo—Helsinki, 1957.

³ См. помещенную в настоящем выпуске трудов рецензию Ю. Елисеена на работу А. Пенттиля.

⁴ К. Е. Майтинская. Принципы изучения синтаксиса (на материале финно-угорских языков). „Известия АН СССР“, Отд. лит. и языка, т. 20, вып. 2, 1961, стр. 141.

⁵ Аппозицином называется такой член предложения, который соотносится как с подлежащим, так и со сказуемым предложения и соответствует придаточному предложению, например: *Nuorena hän oli vilkas* „Молодому (когда он был молодой) он был подвижный“.

соб различия субъекта и предикатива. Если слово оказывается заменяющимся, то это предикатив, если неизменяющимся — субъект.¹

Поскольку в определении членов предложения отсутствует единство принципов (подлежащее, сказуемое, определение определяются по логическим отношениям, а также по вопросам, в то время как обстоятельство и косвенное дополнение — только по вопросам), практическое соотношение слова или словосочетания к члену предложения в некоторых случаях приводит к неразрешимым противоречиям. Так, в финской грамматике имеется категория „объектно-подобных“ обстоятельств (*objektin-vaikutel määrittelyt*); по своим морфологическим показателям эта категория относится к дополнению, так как имеет показатель аккузатива, по своему же значению она принадлежит к обстоятельствам, ибо выражает время, место и т. д., например: *kuljimme kilometrin* 'мы прошли километр', *edoelimme jalkatien koko matkan* 'мы шли пешком весь путь', *olloyimme matkalla viikon* 'мы пробыли в пути неделю'.

Такая двойственность этой категории объясняется отсутствием единых принципов при определении членов предложения. Так, прямое дополнение как член предложения определяется по форме падежа (аккузатив или партитив) и по переходности глагола. И тот и другой критерий являются грамматическими. В данном случае значение, выражаемое словом в падежной форме, не принимается во внимание, например: *takennan talon, taloa* 'построю, строю дом', *syön leipää, leipää* 'ем, съем хлеб'.

При определении же обстоятельства как члена предложения за критерий принимается только лишь значение, выражаемое словом в данной падежной форме. Падеж же сам по себе в расчет не принимается, например: *talossa* (инессив) 'в доме', *kadulla* (адессив) 'на улице' — обстоятельство места; *päivällä* (инессив) 'в день', *päivällä* (адессив) 'днем' — обстоятельство времени.

Падеж партитив в основном является субъектно-объектным падежом.² Однако в финском языке встречаются конструкции, в которых партитив может выражать место, время, причину и т. д., например: *He kulkevat tätä tietä* 'Они шагают по этой дороге (букв. Они шагают эту дорогу)'; *Ilkeyttänään polka itkee* 'Мальчик плачет от злости (букв. Мальчик плачет свою злость)'. Если в словах *tietä* 'дорогу', *ilkeyttänään* 'свою злость' за исходный пункт при членении предложения брать падежный показатель, то эти слова будут относиться к прямым дополнениям. Если же в этих словах за исходный пункт брать значение, выраженное ими, то в таком случае эти слова необходимо считать обстоятельствами в первом предложении — обстоятельство места, во втором — обстоятельство причины. Таким образом, перед нами опять неразрешимое противоречие, которое также объясняется отсутствием единых принципов членения предложения.

Итак, прямое дополнение, с одной стороны, и обстоятельство — с другой, определяются каждый по своему, только ему одному присущему принципу. А раз это так, то „сфера“ действия одного из указанных принципов частично накладывается или входит в сферу действия другого принципа. Поэтому для нас важно высказывание акад. В. В. Виноградова об изучении этих случаев: „...при вычлени трех категорий второстепенных членов предложения — определения, дополнения и обстоятельства — очень важны наблюдения над случаями переходными и «син-

¹ P. Nuorteva, *Erästä lauseenjäsennuksen selkolsta*, „Sananjalka“, I, Turku, 1959, стр. 32.

² Исторически партитив в финском языке происходит и падежу с местным значением (ср. *kuikka* 'издалека').

кретическими» (т. е. совмещающими значения разных членов предложения).³ По-видимому, эти „переходность“ и „синкретичность“ объясняются не только „сложностью“, „недифференцированностью“ и „внутренней противоречивостью“, как пишет В. В. Виноградов, „функционально-синтаксических оттенков, облакающих морфологическое ядро категорий определения, дополнения и особенно обстоятельства“, но также и отсутствием единых принципов при определении членов предложения.

Таким образом, „искусственная схематизация структуры предложения“ связана также в значительной степени с отсутствием единых критериев при определении тех или иных членов предложения.

При существующем уровне разработки данного вопроса нам представляется необходимым выявить все сильные и слабые стороны существующей схемы членения предложения. Причем оперировать необходимо однозначными терминами, т. е. терминами, не допускающими двойного толкования. И только после тщательного анализа существующей схемы должен быть решен вопрос о ее правомочности.

³ В. В. Виноградов, Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). В сб. „Вопросы грамматического строя“, М., 1935, стр. 420.

² Там же.

⁷ Прибалт. финское языковедение, вып. XXXIX

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

ЗАМЕЧАНИЕ К МОЕЙ СТАТЬЕ „РУССКО-КАРЕЛЬСКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ XVII—НАЧАЛА XVIII в.“¹

В данной статье нами были опубликованы и прокомментированы две русско-карельские словарные записи XVII—начала XVIII в., представляющие собою попытки фиксации карельской речи средствами русской графики. Приводя библиографию записей, мы ссылались на две работы² известного финляндского филолога-слависта проф. И. Миккола, посвященные первой из указанных словарных записей. Уже после выхода из печати нашей статьи мы получили возможность ознакомиться еще с одной заметкой, принадлежащей перу того же проф. И. Миккола и посвященной обмен словарными записями. Речь идет о заметке, опубликованной в журнале „Virittäjä“ за 1904 г.³ В этой заметке И. Миккола приводит как русскую, так и карельскую часть первой словарной записи в полном соответствии с ее копией, снятой доц. Юрье Вихманом в 1902 г. в Казани. Проф. И. Миккола сопровождает публикацию записи несколькими комментариями, касающимися фонетической стороны отраженных в ней карельских говоров.

Эти комментарии в основном те же, что и в его статье, напечатанной в 1932 г. В дальнейшей части заметки идет речь о второй записи, сохранившейся в одном из рукописных сборников бывшего собрания П. П. Вяземского (Вяз. О. № LVIII), которую автор заметки сам не видел. Поэтому он приводит данные об этой записи по статье В. Н. Перетца из журнала „Русский филологический вестник“ за 1903 г.

Из числа прочтений, предложенных в названной заметке проф. И. Миккола, заслуживает внимания его истолкование записи *медведно — конды анта ля* (л. 182 об.).

Проф. И. Миккола приводит это слово в той же форме, как его давал В. Перетц: „медведко“, но исправляет его перевод. У В. Перетца: „медведко *конды анталля* (финск. *kontio* 'медведь', *antelas* 'щедрый, кроткий')“.⁴ И. Миккола же слово „медведко“ в примечании объясняет как диалектное слово, означающее „медвежью шкуру“, а *конды анталля* в финском написании дает в форме *kondian tallä* 'медвежья шкура'.⁵

Такое объяснение словосочетания *кондыан талля* является правильным, а не то, которое предлагалось нами. Слово „медведно“, употребленное в рукописи как существительное со значением „медвежья шкура, полость“, засвидетельствовано еще в древнерусском языке и, в частности, встречается и в одной из новгородских грамот на бересте (№ 65, датируемой XIII в.) в этом именно значении.⁶ Несколько видоизмененно это слово встречается и в словаре В. И. Даля: „Медвѣднина, или сиб. медвѣднѣ, медвежья шкура, сиб. постеля... Медвѣдок или медвѣдок и медвѣдка, -вѣдка употрб. почти безразлично: пск., твр. медвѣжья шкура“.⁷

¹ Статья опубликована в сборнике: „Прибалтийско-финское языкознание, Труды Карельского филиала АН СССР“, вып. 23, 1960, стр. 16—32.

² „Virittäjä“, 1901, стр. 101—102; 1932, стр. 101—104.

³ J. Mikkola. Pari vanhaa karjalaista sanaluettelo. „Virittäjä“, 1904, стр. 38—44.

⁴ В. Перетц. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII ст. Оттиск из „Русского филологического вестника“, Варшава, 1903, стр. 8.

⁵ „Virittäjä“, 1904, стр. 42.

⁶ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 65—66.

⁷ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, т. II. СПб.—М., 1881; стр. 312.

В заключении проф. И. Миккола, сославшись на указание В. И. Срезневского, сообщает о нахождении в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук в Петербурге сборника, содержащего речи и стихи, сочиненные воспитанниками Тверской духовной семинарии в честь посещения г. Твери московским генерал-губернатором Я. Брюсом в 1783 г. Среди приветствий имеется речь, написанная на карельском языке. И. Миккола выражал надежду, что вскоре сможет рассказать об этой речи подробнее на страницах журнала „Virittäjä“. Однако такого сообщения не последовало.

Печатаю данную библиографическую справку, автор просит извинения за свой недосмотр, в результате которого статья оказалась недостаточно точной и обоснованной в ее библиографической части.

Ю. С. ЕЛИСЕЕВ

Aarni Penttilä. Suomen kielioppi (Aarni Penttilä. Грамматика финского языка). Werner Söderström osakeyhtiö. Porvoo—Helsinki, 1957, 692 стр.

Выход в свет труда Аарни Пенттиля «Грамматика финского языка» явился значительным событием в финноведении. Большой интерес, проявленный к этому труду, объясняется не только тем, что описание строя современного финского языка в таком объеме (692 крупноформатные страницы) предпринимается впервые. Весьма важным является и тот факт, что со времени издания первых грамматик Э. Н. Сетяля прошло уже более полувека,¹ а появлявшиеся после этого грамматики финского языка, как правило, не выходили за рамки работ Э. Н. Сетяля и строились по выработанным им принципам, сообразуясь лишь с программами тех учебных заведений, для которых они предназначались.² Появление такого обширного труда, как «Грамматика» А. Пенттиля, имеет большое значение как для финноведения, так и для исследований в области общего финно-угроведения, где этот труд может быть использован (и уже используется) как наиболее полный источник по современному строю финского языка. Научный интерес к работе А. Пенттиля возрастает также и в связи с тем, что в ней автор, опираясь на исследования в области дескриптивной лингвистики за последние десятилетия, используя материалы научных дискуссий, а также собственные наблюдения и разработки, пытается многие вопросы грамматики ставить и решать в ином плане, нежели это делалось до сих пор в так называемых «традиционных» описательных грамматиках типа грамматик Э. Н. Сетяля.

Труд А. Пенттиля задуман как грамматика языка в более широком понимании этого термина, определяемом прежде всего практическими потребностями. Он ставит своей целью восполнить упоминавшиеся выше работы Э. Н. Сетяля, которые за последние десятилетия в некоторых своих частях начинают устаревать. Эта целевая установка предопределила и структуру самого труда. Кроме собственно грамматики (морфологии и синтаксиса), он содержит также фонетику и правописание.

Грамматика А. Пенттиля характеризуется небольшим фонетическим разделом. В этой части автор дает краткую характеристику звуков финского языка, их классификацию, комбинаторные сочетания, долготу звуков и слогов, характеристику ударения и интонации, а также фонетических явлений на границе между словами в речи. Из новшеств, вводимых в данном разделе, следует отметить то, что наряду с общепринятой классификацией дифтонгов финского языка (четыре группы) А. Пенттиля классифицирует их также и по работе артикуляторных органов, различая расширяющиеся (aukenevatl. avartuvat) дифтонги, второй компонент которых является более открытым, чем первый, и дифтонги сужающиеся (ummistuvatl. suppenavat) — с более закрытым вторым компонентом.

В предлагаемом виде фонетический раздел находится в явной диспропорции с остальными разделами работы и занимает всего 15 страниц этого объемистого труда. При современном состоянии научной разработанности фонетического строя финского языка (особенно новейшими инструментальными методами) читатель вправе был ожидать более подробного освещения фонетики. К сожалению, автор ограничился хотя и предельно четким, но все же схематическим, конспективным изложением самых общих вопросов фонетики финского языка.

¹ E. N. Setälä. Suomen kielen lauseoppi (I. painos, 1880); Suomen kielioppi. Äänne- ja sanaoppi (I. painos, 1898). Helsinki.

² Этим объясняется, между прочим, тот факт, что грамматики Э. Н. Сетяля систематически переиздавались вплоть до последнего времени. Мы имеем в виду только работы описательного характера. Поэтому здесь не упоминаются такие работы исторического характера, как фундаментальный двухтомный труд Л. Хакулинен «Развитие и структура финского языка» (см.: Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys, I osa, 1941; II osa, 1946, Helsinki).

Второй раздел труда «Правописание» излагается автором на 74 страницах. Он значительно шире по тематике и подробнее по разработке, чем соответствующий раздел «Грамматики» Э. Н. Сетяля, даваемый в качестве приложения к фонетике.¹ Этот раздел с полным основанием мог бы быть озаглавлен «Письмо», поскольку в нем рассматриваются вопросы, относящиеся к письму вообще, а не только к правописанию.

Раздел начинается с общих положений о языке письменном (графемном) и языке звуковом (фонемном), об их соотношении и взаимной переводимости, о письме знаковым и буквенным. Далее автор дает характеристику финского и финско-шведского алфавита, сведения о шрифтах, диграфах и триграфах, транскрипции и транслитерации.

Важны с практической точки зрения правила сокращения слов и прилагаемый к ним большой список наиболее употребительных сокращений.

Большой интерес как в практическом, так и теоретическом отношении представляют выдвигаемые автором принципы разграничения сложных слов и словосочетаний в финском языке. Поскольку в финском языке существует закономерное согласование прилагательного (и вообще определенных адективного типа) с главным словом, то здесь отпадает ряд сложных вопросов, возникающих в языках, которые не имеют ни согласования, ни формального различия между прилагательным и существительным. Но все же и в финском языке решение указанной проблемы представляет известные трудности. Выдвигаемые А. Пенттиля принципиально правильные положения вносят необходимую ясность в решение этого вопроса в финском языке. Положения автора исходят из необходимости комплексного решения вопроса с учетом установившейся традиции, наличия или отсутствия фонетических изменений первого компонента сложного слова или словосочетания, этимологической затемненности одного из компонентов, различия в значении словосочетания и сложного слова при одинаковых составных частях, а также с учетом отдельных словообразовательных и синтаксических моментов. Далее автор разбирает на большом фактическом материале целый ряд особых случаев, когда возникают сомнения относительно слитного или раздельного написания слов, и дает ценные практические советы.

Большая глава (стр. 70—98) данного раздела посвящена пунктуации. Глава снабжена хорошим и умело подобранным иллюстративным материалом. Она ценна в том отношении, что предшествующие грамматики или давали очень мало, или вообще не давали никаких указаний об употреблении знаков препинания в финском языке.

Раздел завершается главой, содержащей общие положения о правописании иностранных слов и заимствований. В целом раздел «Правописание» заслуживает самой высокой оценки как наиболее полная из всех существовавших работ в этой области. Для сравнения отметим, что подобная же работа М. Айрила (M. Airila. Suomen kielen oikeinkirjoitusoppi, Helsinki, 1950) по объему в два раза меньше, чем «Правописание» А. Пенттиля.

Оба рассмотренных здесь раздела издавались в виде отдельных работ в 1948 г.² Эта работа была благожелательно встречена финской критикой и в целом получила высокую оценку, а раздел «Правописание» с полным основанием был назван основополагающим трудом.³ В данную «Грамматику» этот труд включен полностью с некоторыми терминологическими изменениями.

Третий, самый обширный раздел «Грамматики финского языка» — «Морфология» — содержит 12 глав (436 страниц). Раздел открывается главой «Слова и их понимание», представляющей собою своеобразное введение в морфологию, где автор наряду с рассмотрением некоторых терминологических вопросов излагает и свои соображения общезыковедческого порядка.

Следующая глава озаглавлена «Saneet, sananmuodot ja sanat». Эта глава имеет большое значение для всего последующего изложения «Грамматики» А. Пенттиля. В ней автор смело вводит новую терминологию для выражения разных значений термина «слово».

Термином sane обозначается всякое реально существующее разовое употребление слова при письме или в речи. Сюда же относятся все реальные, имеющие смысл фонемы, звуки, звуковые комплексы и соответственно графемы, буквы и буквенные сочетания.

От sane следует отличать sananmuoto (словоформу). Словоформа — это уже не реально существующее в речи или написанное слово, это уже абстракция, класс различных форм слова. Конкретное реальное выражение этой абстракции при письме или в речи называется проявлением словоформы (sananmuodon esiintymä), т. е. то,

¹ E. N. Setälä. Suomen kielioppi. Äänne- ja sanaoppi, Helsinki, 1942, стр. 42—58.

² A. Penttilä. Suomen kielen äänne- ja kirjoitusoppi. WSOY, Porvoo, 1948.

³ «Virittäjä», 1948, стр. 289—290.

что выше обозначалось термином *sape*, который условно можно перевести как „реальное слово“.

И, наконец, абстракцией более высокого порядка является слово (*sana*) в его основной форме, служащее для образования словоформ и само могущее рассматриваться в качестве словоформы при включении его в ряд других словоформ как абстракции более низкого уровня.

В соответствии с изложенным автор предлагает новое деление морфологии: а) учение о реальном слове; б) учение о словоформе и в) учение о словообразовании.

В главе, рассматривающей учение о реальном слове, содержится материал только о таких реальных словах, которые не являются проявлениями словоформ, а образованы в речи или при письме с добавлением какого-нибудь несамостоятельного элемента.

Теперь становятся понятными причины, побудившие автора ввести сложный и затрудняющий как изложение, так и понимание термин „проявление словоформы слова“.¹ „Проявление словоформы“ всегда является реальным словом (*sape*), но понятие „реальное слово“ включает в себя более многочисленные реальные образования, чем словоформы, как результат словоизменения.

Таким образом, в главе рассматриваются только образования с помощью всевозможных частиц или, как их называет автор, „конечных прилеп“. Сюда относятся различные усилительные и вопросительные частицы, а также притяжательные суффиксы.

В целом глава содержит интересный и полезный материал, который не находит должного освещения в предшествующих работах. Но если это касается только вышеуказанных образований, то все же возникает вопрос о правомочности выделения раздела „реальных слов“ в качестве самостоятельной части морфологии, тем более что сомнение вызывает также и необходимость включения в этот раздел притяжательных суффиксов, которые могут рассматриваться, например, в связи с притяжательным склонением именных частей речи.

Далее следует глава „Словоизменение“, которая посвящена вопросам словоизменения и содержит наряду с изложением общих положений также и подробный анализ звуковых чередований в финском языке.

Следующая глава „Изменяемые слова и их словоформы“ является как бы продолжением предыдущей. В ней в основном освещается вопрос о том, какие формы слова могут считаться формами одного и того же слова. Эта небольшая по объему глава (всего три страницы) написана в исключительно трудной форме, и не даром финляндская критика отмечает, что „известные положения завуалированы в ней каким-то схоластическим туманом“.²

В двух последующих главах автор дает системное описание склонения и спряжения. Содержащийся в этих главах материал изложен очень подробно и точно. Положения автора подкрепляются хорошим и убедительным иллюстративным материалом. Эти главы хотя и содержат материал, обычно разбираемый в таких случаях, но не являются простым повторением традиционных взглядов. В них содержится целый ряд принципиально новых положений автора.

Одним из таких новшеств в главе „Склонение“ является исключение аккузатива из системы падежей современного финского языка и распределение его функций между генитивом и номинативом. Аккузатив сохраняется только в сфере личных местоимений и местоимения *ken? 'кто?'*. Точно к такому же выводу пришел и автор настоящей рецензии в своей кандидатской диссертации в 1953 г.³

Аргументация, приводимая А. Пенттиля в пользу именно такого решения вопроса, представляется нам вполне убедительной. Действительно, сохранять в современном языке падеж, который исторически существовал, но в современном языке уже по сути дела утрачен, — это значит отрицать возможность развития падежной системы языка,

¹ Попутно отметим, что введение новой терминологии довольно резко критиковалось в самой Финляндии (см.: „Virittäjä“, 1958, стр. 78). В частности, указывалось на то, что необходимость последовательного соблюдения новой терминологии приводит к тому, что автор насаждает в своем труде формулировки, которые по своей конструкции каждый раз просто ошеломляют читателя. Например, в упоминавшейся здесь работе 1948 г. автор давал простое и доходчивое правило: „*Miljoonasanan kirjoittaminen erikseen on tavonomaista*“ (Раздельное написание слова миллион является обычным). В новом издании ту же самую мысль автор вынужден излагать таким образом: „*Miljoona sanan sananmuotojen esilintymien kirjoittaminen erikseen on tavonomaista*“ (стр. 69) (Раздельное написание проявлений словоформ слова миллион является обычным) (перевод везде наш, — Ю. С.). Подобное изложение является нормой в данном труде.

² „Virittäjä“, 1958, стр. 79.

³ Ю. С. Елисеев. Выражение прямого дополнения в современном литературном финском языке. Канд. дисс., М., 1953.

отрицать возможность исчезновения одних падежей, появления других, возможность перераспределения их функций в процессе исторического развития и т. д. и продолжать сохранять в неизменном виде падежную систему, существовавшую в отдельные исторические эпохи.

Значительным нововведением в главе „Спряжение“ является пересмотр традиционной точки зрения на инфинитивы. К инфинитивным формам А. Пенттиля причисляет I и II инфинитивы, остальные же три инфинитива и причастия относятся к отглагольным именным производным. С автором можно спорить по частным вопросам пересмотра существовавшего в науке положения вещей, но сама попытка нового решения этой давно ожидающей своего рассмотрения проблемы безусловно может только приветствоваться и дает стимул к дальнейшей исследовательской работе в этом направлении.¹

Следующей характерной чертой данной главы является то, что сложные времена в ней не рассматриваются, а переносятся в раздел словосочетаний. С этим трудно согласиться, в частности, по той причине, что несмотря на сложную их структуру, сложные времена все же твердо грамматикализованные аналитические формы глагольных времен, образующие стройную систему. Нарушение этой системы приводит автора к тому, что отрицательные формы презенса рассматриваются им в морфологии, образование отрицательных форм перфекта и плюсквамперфекта — в синтаксисе, а отрицательные формы имперфекта вообще нигде не находят освещения. Таким образом, применяемая глагольная система не получает единого и стройного описания.

Третья глава морфологии — „Учение о словообразовании“ (стр. 253—327) — освещает общие вопросы финского словообразования и излагает материал по словосложению и суффиксальному словообразованию. В основном здесь рассматриваются те же вопросы (но значительно подробнее), что и у Э. Сетяля в главах „Словопроизводство“ и „Словосложение“, поэтому мы остановимся только на тех вопросах, которые отличают рецензируемую работу.

1. Обращаясь к проблеме сложного слова в финском языке, автор делает попытку теоретического осмысления причин, обусловивших два основных способа словосложения — так называемый генитивный и номинативный, в использовании которых в современном языке наблюдаются большие и подчас логически трудно объяснимые колебания. Причины эти он усматривает в том, что первоначально генитивная определяющая часть сложного слова (в противоположность номинативной) обозначала всегда конкретный, определенный предмет. С течением времени эта конкретность могла утрачиваться, но тип словосложения продолжал оставаться прежним — генитивным, который мог порождать и порождает образования аналогического порядка. Это положение аргументировано вполне убедительно.

2. Суффиксальное словообразование рассматривается очень тщательно и подробно. Автор приводит и хорошо иллюстрирует 116 именных суффиксов, 41 глагольный и 18 суффиксов неизменяемых частей речи. Как видно из материала, А. Пенттиля использовал книгу Л. Хакулинена „Развитие и структура финского языка“, но у А. Пенттиля общая структура словообразования изложена значительно проще. А. Пенттиля ограничился алфавитным списком суффиксов по трем перечисленным группам, что в дескриптивной грамматике вполне допустимо.

3. Обращает на себя внимание то положение, что А. Пенттиля признак сравнительной степени прилагательных — *tri* и превосходной — *in* причисляет к словообразовательным суффиксам, переводя таким образом рассмотрение степеней сравнения прилагательных из плана словоизменения в плоскость словообразования. Поэтому степени сравнения прилагательных с их парадигматическими особенностями у А. Пенттиля не получают должного освещения.

Далее следует глава — „Группы слов, словоформ и реальных слов“. Она разделена на три непропорциональных раздела. „Классы слов“. Этот раздел состоит всего из 8 строк, в которых автор отвергает традиционную схему частей речи и предлагает свою классификацию, включающую

¹ На наш взгляд, более удачным является решение этого вопроса в советском финно-угроведении, данное Г. М. Кертом в его кандидатской диссертации. Г. М. Керт перераспределяет финские инфинитивы в зависимости от их функций следующим образом: I. Инфинитивные формы: *t*-овые инфинитивы; основной инфинитив: *kerloa* (рассказать); целевой инфинитив: *kertoakseni*; *m*-инфинитивы: иллативная форма: *kertomaan*; инессивная форма: *kertomassa*; влативная форма: *kertomasta*; инструктивная форма: *kertoman*. II. Деепричастные формы: *t*-овые деепричастия: абессивная форма: *kertoen*; инессивная форма: *kertoessa*; *m*-овые деепричастия: абессивная форма: *kertomatta*; адессивная форма: *kertomalla*. III. Отглагольные имена существительные: *kertominen*. IV. Отглагольные формы в финском литературном языке (так называемый III инфинитив). Автореф. канд. дисс., Петрозаводск, 1953, стр. 20).

всего три части речи: 1) неизменяемые слова, 2) склоняемые слова — имена, 3) спрягаемые слова — глаголы. Такая классификация продиктована стремлением автора выработать единый принцип выделения частей речи. С теоретической точки зрения это стремление, несомненно, заслуживает внимания, если оно подтверждается языковой практикой. В данном случае автор за основу берет чисто формальный критерий, хотя здесь присутствует и синтаксический критерий. Однако при такой классификации в разряд склоняемых имен попадают, например, наречия *kaukana* 'далеко', *takana* 'позади' и т. п. только на том основании, что в этих окаменелых формах присутствует падежный суффикс *essiva*. С другой стороны, одинаковые по своим свойствам слова по этой классификации попадают в разные «части речи». Например, сравнительная степень наречия *paremmin* 'лучше' попадает в разряд имен (как инструментальная форма), а превосходная степень того же наречия *parhaiten* 'лучше всего' — в разряд несклоняемых частей речи и т. д.

Раздел «Группы словоформ» состоит из двух подразделов: «Классы словоформ в сфере имен» и «Классы словоформ в области глаголов», в них рассматриваются те же вопросы, что и в соответствующих главах «Синтаксиса» Э. Сетяля, — «Употребление имен в предложении» и «Употребление глаголов в предложении». Здесь только следует отметить, что материал А. Пенттиля гораздо богаче и обширнее, иллюстрации подобраны более удачно, имеется много ценных дополнений к материалу Э. Сетяля, использована новейшая литература.

Последний раздел этой главы — «Классы реальных слов» — рассматривает традиционную классификацию частей речи, т. е. существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы и т. д. В общих замечаниях автор подвергает критике традиционную классификацию частей речи, выявляет ее слабости и недостатки. Традиционная классификация частей речи, по мнению автора, могла бы быть признана лишь в том случае, если то или иное слово выступало бы всегда, во всех случаях только в одном качестве (существительное — только в качестве существительного, прилагательное — только в качестве такового); иначе говоря, если бы не было таких колебаний в употреблении, как например *hyvä* 'хороший' (прилагательное), *hyvin hyvä* 'очень хороший' (*hyvin* — наречие), *uhteinen hyvä* 'общее благо' (*hyvä* — существительное) и т. д. Исходя из этого, автор приходит к выводу, что то или иное слово может выступать, например, в качестве прилагательного только в реальном, разовом употреблении в речи или при письме. Поэтому традиционная классификация может быть признана только как классификация «реальных слов». Что же касается беспорядочных частей речи (по терминологии автора — «классов слов»), то таковыми являются только имена, глаголы и служебные слова («неизменяемые слова») и только в сфере высшей абстракции (по принятой в рецензируемом труде терминологии *sana* 'слово' — высшая степень абстракции, а *sane* 'слово' — реальное слово, о чем говорилось выше).

Следующая часть — «Синтаксис» — по структуре значительно отличается от всех предшествующих работ в этой области. Синтаксис наряду с учением о предложении включает новый раздел — учение о словосочетании.

Словосочетание понимается А. Пенттиля очень широко. Словосочетанием считается любое сочетание двух или большего числа слов словарного ряда, обладающих некоей цельностью. Минимальная граница словосочетания — сочетание двух полных слов, максимальная — распространенное предложение, исключая сложное. Таким образом, граница между словосочетанием и предложением совершенно стирается, и предложение превращается в одну из разновидностей словосочетания. Поэтому и все члены предложения рассматриваются не в связи с учением о предложении, а как составные части словосочетания. Таким образом, на долю учения о предложении остается только рассмотрение сложного предложения и его типов.

В данной рецензии мы считаем возможным ограничиться приведенными общими замечаниями по синтаксической части труда А. Пенттиля, поскольку подробный разбор этого раздела имеется в специальной работе (см.: Ю. С. Елисеев. Синтаксические словосочетания в современном финском языке. Основные типы. Изд. АН СССР, Москва, 1959, стр. 117 и сл.).

Можно одобрить или не одобрить те или иные принципы, положенные в основу «Грамматики финского языка» Аарни Пенттиля, соглашаться или спорить с теми или иными положениями автора, но нельзя отрицать, что это безусловно серьезный труд, заслуживающий внимания нашей языковедческой общественности.

Г. Н. МАКАРОВ

Ю. С. Елисеев. Синтаксические словосочетания в современном финском языке. Основные типы синтаксических словосочетаний в финском языке. М., 1959, 124 стр.

В минувшем десятилетии в советском языкознании уделялось большое внимание литературному финскому языку. Вслед за серией кандидатских диссертаций по отдельным вопросам финского языка¹ в издании Академии наук СССР вышли две крупные работы: «Грамматика финского языка (фонетика и морфология)»² — коллективный труд языковедов различных научных учреждений и высших учебных заведений — и названная в заглавии монография Ю. С. Елисеева.

Теоретической основой исследования, как пишет автор, служит учение о словосочетании акад. В. В. Виноградова, согласно которому «словосочетанием считается грамматическое единство, образованное путем соединения по правилам данного языка двух и большего количества полных слов и служащее обозначением единого, но расчлененного понятия». Характерной чертой, отличающей словосочетание от сложного слова, является раздельноформленность компонентов. Своеобразно, отличающим словосочетание от предложения, служит отсутствие основных признаков законченности сообщения (или коммуникации). Словосочетания по этой теории группируются вокруг стержневого слова и по принадлежности этого слова к той или иной части речи делятся на шесть типов: а) именные (субстантивные); в роли главного слова стоит имя существительное; б) адъективные; в роли главного слова имя прилагательное; в) нумеральные; в роли главного слова имя числительное; г) местоименные (пронимные); в роли главного слова местоимение; д) глагольные; в роли главного слова глагол; е) адвербиальные (или наречные); с наречием в роли главного слова. По своему составу они делятся на простые, состоящие из двух самостоятельных (не служебных) слов, и сложные (или распространенные), состоящие из трех и более самостоятельных слов. Рецензируемая работа посвящена исследованию двух типов простых словосочетаний: именных (только субстантивных) и глагольных. Ознакомившись с содержанием исследования, а затем снова обратившись к оглавлению работы, убеждаешься, что название на титульном листе «Основные типы синтаксических словосочетаний...» не соответствует содержанию, так как нельзя считать, что рассматриваемые здесь субстантивные и глагольные словосочетания являются основными, а отсутствующие в монографии типы «б», «в», «г», и «е» являются не основными. Последние в такой же степени характерны для языка, хотя они в количественном отношении и малочисленнее. Количественный критерий, на наш взгляд, неправомерно брать в основу при отнесении одних типов к «основным», а других — к «не основным». Из субстантивных словосочетаний вне поля зрения исследователя остались некоторые подтипы, что, очевидно, и послужило поводом для оглавления титульного листа. Автором из «не основных» типов субстантивных словосочетаний рассмотрены, во-первых, словосочетания имени существительного с несогласующимся именем прилагательным: *pitkästä aikaa puhuttiin* (элатив и партитив) 'после долгого времени говорили', *lähettdä vähissä ertu* (инессив и императив)

¹ А. Г. Морозова. Управление глаголов в финском языке. Петрозаводск, 1952; З. М. Дубровина. Послелог и предлог в современном финском языке. Л., 1952; Ю. С. Елисеев. Выражение прямого дополнения в современном литературном финском языке. М., 1953; Г. М. Керт. *m*-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (так называемый III инфинитив). Л., 1953; М. Э. Куусинен. Причастия в финском языке. Петрозаводск, 1954; В. М. Оллыкайнен. Глагольные суффиксы с залоговым значением в современном финском литературном языке. М., 1955; Г. Н. Макаров. Именные (субстантивные) определительные словосочетания в финском языке. М., 1955.

² Грамматика финского языка (фонетика и морфология). М.—Л., 1958.

'посылать небольшими партиями', *siimeisellä kertaa* (адессив и партиив) 'в последний раз'; во-вторых, словосочетания имени существительного с наречием: *kalalle lähtö aamuisin* 'отправление на рыбалку утром', *muutto siime* 'переезд туда'; и, в-третьих, словосочетания с фразеологическими оборотами речи: *hyväilyn kipeä kissa* 'ласковая кошка (досл.: больная от недостатка ласки кошка)' и др.

Известно, что финляндские языковеды в области родного для них языка до последнего времени в основном занимались разработкой вопросов фонетики и морфологии. В этом отношении настоящее исследование следует считать определенным вкладом в науку о синтаксисе финского языка. Автором исследования сделан шаг вперед и в приемах изучения словосочетаний. При рассмотрении глагольных словосочетаний, исходя из специфических особенностей финского языка, исследователь удачно применяет, например, прием вычленения из предложения глагольных словосочетаний в основной, или, как он называет, "внутренней" форме. Отвлекаясь от грамматических форм лица, времени, наклонения и падежных форм прямого дополнения, автор выделяет в предложении словосочетание в его "внутренней", или "нейтральной", как он еще называет, форме. Этот рабочий прием дает исследователю возможность выдвинуть на первый план общий характер отношений между данным действием и зависимой субстанцией, отношений, которые лучше всего проявляются именно в этой нейтральной форме словосочетания. Внутренней форме противопоставляется внешняя, под которой понимается контекст, т. е. форма, через которую словосочетание входит в систему коммуникативных средств языка. Внешняя форма показывает, в каких отношениях находится данное словосочетание с другими словами в предложении. Эта форма нужна при анализе синтаксических связей словосочетания с другими компонентами предложения или более сложного словосочетания.

Прием вычленения внутренней формы облегчает также рассмотрение порядка слов в словосочетании, который не всегда совпадает с порядком слов в предложении. При рассмотрении порядка слов в основу берется установившийся для данного языка обычный порядок слов, лишенный какой-либо стилистической окраски. Если же в контексте порядок следования компонентов словосочетания выходит за рамки нейтрального, общепринятого порядка, то исследуются причины этого изменения. Здесь учение о словосочетании отбрасывается от учения о стиле. Использованный Ю. С. Елисеевым прием позволяет включить в сферу изучения словосочетаний и поэтическую речь.

Рецензируемая работа написана на исключительно богатом языковом материале. В списке источников приводятся до 80 названий литературных произведений и наименований советской (на финском языке) и финляндской периодической печати, послуживших материалом для иллюстрации рассматриваемых автором типов словосочетаний. Все положения в работе обоснованы. В такой же степени это касается и теоретической части исследования. При освещении, например, структурных особенностей словосочетаний с зависимым существительным в инструктиве и в комитативе автор делает экскурс в историю происхождения этих падежей, и только на основании анализа разноречивых выводов своих предшественников он приходит к заключению, что функции этих двух падежей чрезвычайно близки (стр. 102 и сл.). Эта близость функций двух падежей находит отражение также и в словосочетаниях.

Интересен в работе и критический обзор финляндской литературы по синтаксису с момента возникновения науки о финском языке до работ последних лет. Во "Введении" дается как бы сокращенный курс истории финляндского языкознания. Читатель получает возможность ознакомиться с имеющейся на финском языке лингвистической литературой. В заключительном разделе сообщается о последних работах финляндских языковедов по этому вопросу и дается анализ раздела о словосочетаниях в недавно вышедшей в Хельсинки "Грамматике финского языка" известного лингвиста Аарни Пенттиля.

Анализируя теорию словосочетания А. Пенттиля, автор рецензируемой монографии показывает ошибочность некоторых исходных положений финляндского лингвиста и называет точки соприкосновения его учения с теорией акад. В. В. Виноградова, а также показывает, по каким пунктам эти две теории расходятся.

При общей композиционной стройности работы несколько аномально выглядит включение в раздел "Словосочетания типа «существительное + существительное» (пункт "Б")" словосочетаний другого типа — с инфинитивом глагола. Словосочетания с инфинитивом правомерно было бы выделить в особую группу. Однако эта композиционная нестройность и некоторые шероховатости переводов (стр. 90 и др.) не снижают ценности исследования по мало изученному разделу синтаксиса финского языка.

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ФИННО-УГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

26—30 июня 1961 г. в г. Петрозаводске проходило Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии, организованное Институтом языкознания АН СССР и Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. В совещании приняли участие финно-угроведы Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми, Ужгорода, Эстонской ССР, Карельской и Коми АССР, автономных республик Поволжья — Марийской, Мордовской и Удмуртской. На совещании было заслушано и обсуждено около 80 докладов и сообщений, посвященных как общим вопросам финно-угорской филологии, так и частным вопросам национальных языков и фольклора финно-угорских народов.

Совещание открылось пленарным заседанием, на котором вступительное слово сделал председатель Президиума Карельского филиала АН СССР проф. В. П. Дадыйкин. Затем с докладом "Об основных проблемах советского финно-угорского языкознания" выступил директор Института языкознания АН СССР чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебrenников. Он указал, что главной задачей нашего советского финно-угроведения является изучение уральских языков во всем их многообразии, планомерная и гармоничная разработка всех их аспектов. В настоящее время наметились определенные сдвиги в области изучения истории финно-угорских языков, хотя работы чисто описательного характера все еще заметно преобладают. Нет пока широких тем, связанных с проблемами генезиса этих языков. Однако уже сейчас появились многообещающие ростки нового. В своем докладе Б. А. Серебrenников выдвинул широкий круг проблем советского финно-угроведения, объединив их в следующие основные направления: 1) описание грамматического строя уральских языков; 2) исследование диалектов уральских языков; 3) составление этимологических словарей; 4) изучение истории уральских языков; 5) изучение финно-угорской топонимики; 6) изучение финно-угорских и самодийских лексических элементов в языках других систем; 7) изучение процессов взаимодействия между финно-угорскими и самодийскими языками и языками иных систем; 8) изучение истории литературных языков; 9) решение общезыковых проблем на материале уральских языков. Докладчик подчеркнул, что одной из неотложных задач советского финно-угроведения является форсированное описание финно-угорских языков и диалектов в тех районах нашей страны, где процесс ассимиляции этих языков происходит особенно быстро.

На пленарном заседании были заслушаны также доклады проф. А. И. Попова (Ленинград) "Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР", доктора филологических наук В. Я. Евсеева (Петрозаводск) "Сравнительно-историческое изучение фольклора финно-угорских народов", доктора филологических наук К. Е. Майтинской (Москва) "Повторение как изобразительное средство усиления, дистрибутивности и видовых значений в финно-угорских языках" и доктора филологических наук В. И. Лыткина (Москва) "Карельско-вепские заимствования в коми языке". Далее работа совещания продолжалась в четырех секциях: секции грамматики, фонетики и диалектологии, лексикологии и топонимики и секции фольклора. Тематика совещания была многообразной.

В секции грамматики большая часть докладов была посвящена вопросам синтаксиса финно-угорских языков. Н. М. Терещенко (Ленинград) на материале ненецкого языка сделала доклад "Выражение сложной мысли средствами простого предложения". К. Конт (Таллин) прочитал доклад "О переходности и непереходности в употреблении глаголов в финно-угорских языках". Он, вопреки общепринятому мнению, считает употребление объекта при непереходных глаголах в финно-угорских языках древним языковым явлением. Сопоставляя факты различных финно-угорских языков, он приходит к выводу, что структуре этих языков не свойственно строгое разделение глаголов на переходные и непереходные. А. С. Кривошекова-Гантман (Пермь) в докладе "Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка" сделала вывод, что основные признаки изобразительных слов дают полное основание выделить их в грамматике в особый лексико-грамматический разряд —

изобразительные слова. В докладах Т. И. Тепляшиной, П. Кокла, В. С. Сухановой и М. И. Зайцевой давалась характеристика различных суффиксов в финно-угорских языках.

В секции фонетики и диалектологии часть докладов была посвящена описанию отдельных диалектов [доклады Е. И. Ромбанцевой (Ленинград) „Фонетические особенности в диалектах северных манси“, В. Д. Объедкина (Саранск) „Фонетические особенности говора села Мордовское-Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР“ и др.]. Большое внимание было уделено вопросам исторической фонетики финно-угорских языков. Эти вопросы, в частности, рассматривались в докладах Б. А. Серебряникова „К проблеме происхождения вторичного *s* в марийском языке“, Н. И. Исанбаева (Йошкар-Ола) „О происхождении гласного переднего ряда *ä* в кааласинском говоре марийского языка“, И. В. Тараканова (Ижевск) „К истории развития неслогового *ü* в удмуртском языке“, М. М. Хмяляйнена (Петрозаводск) „Переход глухого *k*, *p*, *t*, *s* в звонкие в карельском и вепсском языках“. Характеристике исчезающих диалектов были посвящены доклады З. М. Дубровиной (Ленинград) „Некоторые особенности ингерманландской речи“, А. Лаанест (Таллин) „О диалектном делении ижорского языка“ и С. Ниголь (Таллин) „Эстонские языковые островки на территории Латвийской ССР“.

С докладом „Финно-угорская транскрипция“ выступил В. Халлап (Таллин). Он утверждал, что в финно-угорском языкознании при передаче звуков должна стать господствующей фонологическая транскрипция, а „абсолютная“ фонетическая транскрипция — остаться лишь общей ориентировочной координатной системой.

На заседаниях секции лексикологии и топонимики было заслушано 13 докладов, посвященных вопросам лексикологии, лексикографии, этимологии и топонимики.

С докладом „Новгородские берестяные грамоты как источник для исторического изучения прибалтийско-финских языков“ выступил профессор Н. И. Мещерский (Петрозаводск). Г. Н. Макаров (Петрозаводск) рассказал о недавно найденном им в архиве рукописном памятнике карельского языка 1820 г. А. К. Матвеев (Свердловск) в докладе „Проблемы происхождения севернорусской топонимики“ говорил о методах изучения топонимики. Он считает, что по отношению к севернорусской топонимике вопрос о методах исследования в настоящее время составляет существо проблемы. На смену формантному методу должен прийти дифференцированный формантно-ареальный метод и наряду с этимологическим методом должен использоваться также структурно-фонетический. Проблема славяно-венгерского языкового взаимодействия посвятили свои доклады А. М. Рот (Ужгород) и А. А. Мокань (Ленинград). А. Уинвере (Таллин) сделала доклад о проблемах составления словаря ветоиского народного языка. В нескольких докладах рассматривались вопросы этимологии. Одно заседание было посвящено информационным сообщениям с мест.

По прочитанным докладом развернулись оживленные прения, в которых выступило более 40 человек. Часть докладов обсуждалась на секционных заседаниях, другая — на совместных заседаниях всех лингвистических секций. Особенно активно обсуждались вопросы топонимики и диалектологии. Отмечалось, что работа в области изучения лексики и топонимики в последнее время значительно оживилась. Больше внимания стало уделяться вопросам общего языкознания на материале финно-угорских языков. Появилось больше докладов по этимологии. Однако нет еще обобщенных работ по этимологическому составу лексики того или иного финно-угорского языка. Топонимические исследования являются пока еще отсталым участком советского финно-угроведения.

Живое обсуждение вызвали также доклады по грамматике и исторической фонетике. К. Е. Майтиская в своем выступлении с удовлетворением отметила, что на совещании много внимания было уделено вопросам синтаксиса, на предыдущем совещании эти вопросы так широко не обсуждались. Наряду с обсуждением докладов было высказано много предложений, направленных на улучшение работы по финно-угорскому языкознанию в нашей стране. М. П. Чхандзе (Тбилиси) и К. С. Давлетов (Москва) говорили о необходимости более тесной координации работы финно-угроведов различных республик нашей страны. А. М. Рот указал на необходимость применения методов структуральной лингвистики в изучении финно-угорских языков. В. В. Сенкевич-Гудкова (Петрозаводск) отметила, что в последние годы в советских лингвистических журналах не появляются рецензии на труды зарубежных специалистов по финно-угорским языкам. Необходимо давать критическую оценку работам зарубежных финно-угроведов, в частности венгерских и финских. Н. Ф. Цыганов (Саранск) предложил составить библиографию по финно-угорской филологии.

В решении совещания отмечается, что за два года, прошедшие со времени предыдущего Всесоюзного совещания по финно-угорской филологии, проведена немалая работа по изучению финно-угорских языков и фольклора, в частности изучен целый ряд новых диалектов, ранее не имевших отражения в научной литературе, дано сравнительно-историческое освещение отдельным явлениям фонетики и грамматики

восточнофинских языков, развернута большая работа по сбору диалектологического материала. Выросли молодые кадры, овладевшие приемами сравнительно-исторического языкознания.

В решении совещания определены ближайшие задачи советского финно-угроведения. В числе этих задач, в частности, указаны: усиление работы по изучению менее изученных или совершенно неизученных диалектов, составление диалектологических и этимологических словарей, изучение финно-угорской и самодийской топонимики, изучение финно-угорских и самодийских лексических элементов в языках других систем, составление очерков по истории финно-угроведения и др. Решено начать подготовку к изданию диалектологического атласа прибалтийско-финских языков. Большое место в решении совещания занимают вопросы топонимики. Решено разработать единую программу по сбору финно-угро-самодийской топонимики и ономастики; в 1962 г. решено организовать в г. Москве общесоюзный семинар по финно-угро-самодийской топонимике, где будут обсуждены вопросы методики топонимических исследований и итоги топонимических исследований за ближайший год.

В решении совещания указано на необходимость взаимной координации усилий финно-угроведов союзных и автономных республик СССР. Материалы совещания будут изданы в очередных выпусках „Трудов“ Карельского филиала АН СССР. Следующее совещание по вопросам финно-угорской филологии решено созвать в 1963 г. в г. Ужгороде.

М. Муллонен

НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА В ФИНЛЯндию

В соответствии с Договором о научно-техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Финляндией в конце ноября—начале декабря 1960 г. состоялась моя научная командировка в Финляндию.

Поскольку сектор языкознания ИЯЛИ занимается исследованием диалектов карельского, вепсского и саамского языков, в мою задачу входило ознакомление с аналогичной работой в Финляндии. Диалектологическая работа в стране сосредоточена главным образом в Хельсинкском университете, в специально созданном для этого отделении „Кастреннануме“.

Меня прежде всего интересовала работа по составлению диалектологических словарей, так как известно, что в Финляндии уже накоплен значительный опыт по составлению таких словарей. Так, например, в серии *Lexica societatis fennougricae* вышло уже 15 различных диалектологических словарей по отдельным финно-угорским и уральским языкам: ненецкому, хантыйскому, венгерскому, комп-зырянскому, марийскому, карельскому (людиковский диалект), ливскому и другим. В 1958 г. вышел двухтомный словарь (1280 стр.) языка кольских саамов, подготовленный известным языковедом и этнографом Тойво Итконеном.

Уже более 40 лет собирается лексический материал для диалектологического словаря финского языка. С работой по подготовке этого словаря меня любезно ознакомил главный редактор словаря проф. Л. Хакулинен. С ним составляют этот словарь также профессора В. Руопила и Р. Нирви. Для словаря собрано свыше 2 миллионов словарных карточек. Кроме того, имеется коллекция более 500 тыс. пословиц и поговорок.

Сбор словарного материала (в основном силами местных корреспондентов) продолжается и в настоящее время. Для этого вся территория Финляндии разделена на 21 диалектный район. В каждом из таких районов имеется несколько корреспондентов, получающих от редакции периодический вопросник „*Sanastaja*“, который начал выпускаться в 1927 г. (в 1960 г. вышел 78-й номер). Вопросники,готавливаемые научными сотрудниками университета, охватывают фонетические, морфологические, синтаксические и семантические явления финского языка. Для корреспондентов разработан четкая инструкция по техническому оформлению карточек. Среди местных корреспондентов периодически устраиваются конкурсы. Лучшие сборщики награждаются, и их работа освещается в печати.

В настоящее время диалектологический словарь финского языка в рукописи уже готов. По своему объему он будет значительно больше известного финско-шведского словаря, составленного Элиасом Лейнером в 1860—1880 гг.

Второй большой словарь, над которым работают финляндские диалектологи, — это словарь карельского языка, составляемый под руководством проф. П. Виртаранта. Материал для этого словаря начал собираться еще в прошлом столетии. В основу словаря была положена карточка, собранная Э. Ахтна (по говорам Суоярви им было собрано 54 тыс. словарных карточек, по Салми 36 тыс., по Сямозеру 130 тыс.). В словарь включается также материал по языку калининских карел, собранный языковедами Хельми и Пертти Виртаранта в 1957—1958 гг. В настоящее время картотека карель-

ского диалектологического словаря насчитывает около полумиллиона словарных карточек. Над словарем работает группа в составе пяти человек. Первый том словаря, объемом около 800 страниц, выйдет из печати в ближайшее время. Проф. П. Виртаранта ознакомил меня с построением словарных статей карельского словаря.

В „Кастреинакуме“ ведется также работа по составлению вепского и ижорского словарей. Над первым работает Р. Пелтола, над вторым Р. Нирви.

Силами научных сотрудников и преподавателей Хельсинкского университета ведется сбор топонимического материала по единой системе. Руководит всей этой работой лицензиат Терхо Итконен.

По приглашению проф. П. Виртаранта я сопровождал его в поездке по сбору образцов диалектной речи финского языка. Материал, как правило, собирается с помощью магнитофона. Обычно записываются связанные рассказы на определенную тему: сельское хозяйство, промыслы, предания и т. п. Записи, если нет срочной необходимости расшифровывать их, передаются на хранение в фонотеку. Для подготовки новых диалектных словарей новые слова или новые значения слов сразу же записываются на карточки. Тексты служат материалом для образцов речи. Финляндскими диалектологами поставлена задача записать на магнитофонную ленту образцы речи всех говоров Финляндии.

Во время поездки установились личные контакты с профессорами Хельсинкского университета А. Пости, Э. Итконеном, П. Виртаранта, Т. Итконеном, Е. Лагеркрантцом, А. Хакулиненом, В. Руоппила, Р. Нирви, А. Сошнярви и И. Вахросом, доцентами Т. Вуорела и В. Кауконеном и другими. Финляндские ученые высказали желание обмениваться наряду с научной литературой также и магнитофонными записями, содержащими образцы речи саамского языка и образцы карельского фольклора.

Настоящая поездка дала возможность конкретно ознакомиться с работой финно-угроведов — наших соседей. Я глубоко благодарен финляндским коллегам за их радушный прием, сделавший мое пребывание в Хельсинки не только полезным, но и приятным.

Г. Керт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в.	— вычегодский говор (коми-зырянский)
вепск.	— вепский язык
водск.	— водский язык
вым.	— вымский говор
готск.	— готский (древнегерманский) язык
древнепермск.	— древнепермский язык
зд.	— зюэдинский (верхнекамский) говор
иж.	— ижемский говор
кар.	— карельский язык
кб.	— кобринский говор
ки.	— коми-пермяцкий язык
крч.	— корчемский говор
кя.	— коми-язьвинский диалект
луз.	— лузский говор
лет.	— летский говор
лив.	— ливвиковский диалект карельского языка
ливск.	— ливский язык
лз.	— лузско-летский говор
люд.	— людиковский диалект карельского языка
мар.	— марийский язык
мокша-морд.	— мордовский (мокша) язык
морд.	— мордовский язык
ив.	— нижневычегодский говор
норв.	— норвежский язык
ол.	— олонецкий, см. лив.
печ.	— печорский говор
с.	— сысольский говор
саам.	— саамский язык
скр.	— сыктывкарский говор
сс.	— среднесысольский говор
уд.	— удорский говор
удм.	— удмуртский язык
финск.	— финский язык
хант.	— хантыйский язык
чув.	— чувашский язык
эрзя-морд.	— мордовский (эрзя) язык
вст.	— востонский язык

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. И. Лыткин. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах	3
М. М. Хмяляйнен. О развитии гласных в конце слова в карельском и вепсском языках	12
М. И. Зайцева. О некоторых суффиксах глагольного словообразования в вепсском языке	23
М. И. Муллонен. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в финском языке	31
М. И. Муллонен. Безличные предложения, главный член которых образуется из глагола-связки и предикатива, в современном финском языке	39
Г. Н. Макаров. Из наблюдений над языком карельских пословиц (простое предложение)	54
В. П. Тарасов. Употребление причастий незаконченного действия в карельском языке	65
Г. Н. Макаров. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века. (К истории перевода)	70
В. С. Суханова. Употребление притяжательных суффиксов с различными частями речи в пермских языках	80
Г. Н. Керт. О противоречивости некоторых критериев при определении второстепенных членов предложения	90
Н. А. Междерский. Замечание к моей статье "Русско-карельские словарные записи XVII—начала XVIII в."	98
Ю. С. Елисеев. Aarni Penttilä. "Suomen kielioppi"	100
Г. Н. Макаров. Ю. С. Елисеев. "Синтаксические словосочетания в современном финском языке. Основные типы синтаксических словосочетаний в финском языке"	105

Хроника

Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии (гор. Петро-заводск, 26—30 июня 1961 г.)	107
Научная командировка в Финляндию	109
Список сокращений	111

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати Карельским филиалом Академии наук СССР

Художник В. В. Грибакин

Технический редактор Г. П. Арефьева

Корректоры Г. А. Баре, Н. И. Журавлева и А. И. Кау

Сдано в набор 13/III 1962 г. Подписано к печати 19/IV 1963 г. РИСО АН СССР №102-10В. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 3¹/₂. Печ. л. 7 = 9.59 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 9.91. Изд. №. 1966. Тип. зак. № 956. Тираж 1200. Цена 59 коп.

Ленингр. отд. Изд. Академии наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Изд. Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
26	8 снизу	säskenden	söskendén
28	12 сверху	которым	которыми
56	4 снизу	lieš-ta	liešta
59	19 "	[pid'äw]	[pid'äw]
61	20 "	желудок	желудок
63	13 сверху	кало	каво
63	17 "	Valehuksella	Valehuksella
73	13 "	abpplöijdanä	abpplöijdanä
100	2 "	penttilä.	Penttilä.

Прибалтийско-финское языкознание